

Секция VI.

Концепты и русское языковое сознание

О месте слов, формирующих образ врага, в русской языковой картине мира советского и постсоветского времени

Т. Г. Ашуркова

Ульяновский государственный университет
ashurkove@mail.ru

Публицистический дискурс, оценка, деактуализация

Summary. The report presents deactualization of the words that formed an overall (cumulative) image of the enemy in the mid-50s alongside the identification of the process relationship to the transformation of public mind in modern Russian society.

Одной из основополагающих идей советской эпохи была идея борьбы. Понятно, что любой вид борьбы предполагает наличие субъекта и объекта. Объект борьбы — это реальный или потенциальный враг. Таким образом, актуальность слов, формирующих образ врага, в языковой картине мира (ЯКМ) советского времени вполне закономерна. Лексика с семантикой «враждебности» представлена в газетной публицистике 1960–1980-х гг. весьма широко. Безусловно, это само слово *враг*, которое воплощало общую идею существования врага: *Враги социализма и мира не гнушаются никакими средствами и приемами в попытках ошельмовать социалистический строй и нашу общую миролюбивую политику* (Изв., 14.04.76). Употребляясь в газетно-публицистическом дискурсе 1960–1980-х гг., слово *враг* выступало в качестве гиперонима для целого ряда слов, которые участвовали в создании совокупного образа врага. Образ врага в ЯКМ 1960–1980-х гг. имел множество «лик». Все эти «лики» соединялись в одном глобальном — «международный империализм»: *Прогрессивная молодежь всего мира понимает, что главный враг народов, ее враг — империализм с его политикой социального угнетения, войн, колониального порабощения народов* (Изв., 10.11.72). Наряду с названными словами высокую активность проявляли слова *агрессор*, *захватчик* (выступающие как собирательные существительные), *оккупант* (во множественном числе), *военщина*. Все они содержат в своей семантике компоненты «вооруженное нападение», «захват», т. е. связаны с ведением военных действий. Их актуальность в газетном дискурсе 1960–1980-х гг. не только манифестировала наличие врага (реального или потенциального), но создавала атмосферу военной опасности, исходящей из зоны «чужого». Типические контексты, в которых они употреблялись, достаточно однородны и, как правило, построены с акцентом на одной из трех составляющих:

1) «мужество борцов»: *Став перед фактом новой волны военных провокаций Сайгона, вооруженные силы Освобождения усиливают свой отпор агрессорам, наносят их войскам и базам чувствительные удары* (Изв., 9.08.74);

2) «жестокость, вандализм врага»: *Израильские оккупанты разрушили все — дома, больницу, городскую пекарню, церковь...* (Изв., 25.07.74);

3) выражение солидарности с борющимися силами «всего прогрессивного человечества»: *Трудящиеся Праги и Лондона, Варшавы и Парижа, Рима и Софии клеймят позором бесчеловечные нападения американских агрессоров на мирные вьетнамские города...* (Советская Россия, 04.02.65).

Эти составляющие могли формировать и комбинированные контексты: *Мужественная, поистине героическая борьба вьетнамского народа, солидарность с ним социалистических государств, всех честных людей земли, которым дороги идеалы свободы и независимости, заставили агрессоров прекратить войну и сесть за стол переговоров* (Изв., 19.07.74). Слово *военщина*, изначально не содержащее оценочного компонента, входит в газетный дискурс второй половины XX в. как синоним слов *агрессор*, *оккупант*, *захватчик*: *...пламя, бушующее над Бенкатом, показывает, что сайгонская военщина продолжает систематически нарушать парижское соглашение...* (Изв., 28.07.74).

Рассмотренные слова, за исключением слова *военщина*, выражают интеллектуальную оценку и содержат оценочный

компонент в сигнификате, следовательно, изменение оценки для этих слов практически невозможно. Отсюда употребление для описания ситуаций, схожих с теми, которые в 1960–1980-е гг. вербализовались с использованием вышеназванных слов, стилистически нейтральной лексики (*войска*, *вооруженные силы* и т. п.). Наряду с этим об избегании оценки свидетельствует следующее:

а) говорящий (автор) отстраняется от оценки путем отсылки к мнению третьего лица (лиц), введением в текст операторов *так называемый*, *в качестве*, заключением слова в кавычки: *...создается впечатление, что российские руководители просто повторяют... штампы пресловутой приматовской книги «Анатомия ближневосточного конфликта», обличавшей «израильскую военщину»* (НГ, 29.04.02);

б) появляются контексты, в которых отрицается сама целесообразность характеристики того или иного референта словами *агрессор*, *захватчик* и др., иначе говоря, отрицается сам тип враждебных отношений, в частности, в международной практике: *Призывы «пригвоздить агрессора к позорному столбу» лишь подрывают с таким трудом строившиеся отношения...* (НГ, 27.03.03). По-особому складывается в постсоветской ЯКМ судьба слова *оккупант*: оно в сравнении с другими словами рассмотренной группы имеет более широкое контекстное употребление и используется:

1) при обращении к историческому прошлому: *«Смоленский архив», вывезенный немцами 60 лет назад, снова передан Смоленску... Жаль только, что торжественность обстановки церемонии передачи не позволяла вспомнить о других... ценностях, вывезенных оккупантам...* (НГ, 28.03.03). Здесь *оккупант* используется как номинативно-оценочная единица, в которой референт соответствует всем признакам, заключенным в сигнификате слова;

2) в отношении СССР, при этом слово приобретает значение «псевдо», на что указывают либо кавычки, либо сам контекст: *В целом же Литва получила от «оккупанта» — СССР 30% своей нынешней территории* (НГ, 31.08.04). Здесь кавычки указывают на «чужую» точку зрения, разделяемую, предположительно, частью постсоветского российского социума;

3) как характеризующее постсоветскую Россию и ее политику на Кавказе (в таких контекстах также имеет место ссылка на третье лицо): *Садулаев выступил... призвав всех мусульман внести «посильный вклад в дело освобождения чеченской земли от российских оккупантов»* (НГ, 20.06.05).

Сказанное выше позволяет говорить о деактуализации и рассмотренных слов, т. е. о перемещении их из центра ЯКМ на периферию. Слова *агрессор*, *захватчик*, *оккупант* используются в тех случаях, когда имеет место событие, вербализация которого предполагает обращение к адекватному этому событию именам его участников. Оценка сохраняется в том смысле, что соответствующие события подлежат всеобщему осуждению, но показательно, что подобные высказывания поддаются верификации. Слово «военщина» вовсе исчезает из постсоветского публицистического дискурса, возникает лишь при апелляции к советскому дискурсу.

Таким образом, очевидно, что «отрицательные» языковые процессы, к числу которых относится деактуализация, не менее значимы, чем процессы «положительные», в фиксации изменений, произошедших в массовом общественном сознании российского социума на рубеже двух тысячелетий.

Когнитивно-концептуальный подход выделения категорий «профессиональный деятель» на базе номинаций авиационной терминосистемы

М. Н. Бондарчук

margaret28618@ukr.net

А. В. Колчанова

7034527@mail.ru

Национальный авиационный университет (Киев, Украина)

Лингвокогнитивный анализ, когнитивно-коммуникативный анализ, многоуровневая система номинаций, концепт «профессия человека»

Summary. The multilevel system of nominations of the concept «profession of man», based on lingvo-cognitive and cognitive-communicative analysis of the scope of aviation is suggested in this paper. Authors make up a conclusion of the social conditioning of the differentiation of the professional communication language — one of the central problems of modern linguistics.

Положение о деятельностной природе языка, в соответствии с которым язык рассматривается как когнитивно-коммуникативный процесс, лежит в основе выделения категории «профессиональный деятель». «Появление терминов, обозначающих виды профессий, обусловлено возникновением феномена профессии как специализированного вида деятельности и связанного с ним профессионального мышления» [1: 66].

Лингвокогнитивный и когнитивно-коммуникативный анализ авиационной сферы деятельности позволил выстроить многоуровневую систему номинаций концепта «профессия человека».

Первый уровень определяет место данной категории терминологии в реализации концептуальной картины мира.

Второй уровень включает наименования, в которых ограничивается деятельность субъекта именно профессиональной сферой деятельности — *профессиональный деятель*.

Третий уровень включает совокупность наименований субъекта профессиональной деятельности в расширенном плане: *транспорт — транспортник*.

Четвертый уровень связан с конкретизацией области деятельности, в частности, с категорией наименований, обозначающих полеты в атмосфере аппаратов тяжелее воздуха: *авиация — авиатор*.

Пятый уровень содержит профессиональные наименования с компонентом *авиа-*, однако эти терминологические единицы, во-первых, образованы от наименований авиационных отраслей (*авиастроение — авиастроитель, авиамоделизм — авиамоделист*), во-вторых, компонент *авиа-*, присоединяясь к словам, обозначающим неавиационные специальности, образует серию наименований сугубо авиационных профессий: *конструктор — авиаконструктор, диспетчер — авиадиспетчер, инженер — авиаинженер, техник — авиатехник*.

Терминоединицы наименований профессий шестого уровня являются основными для авиационной терминосистемы. Включая содержание категории наименований четвертого уровня (*работник, специалист*), они аккумулируют специальную профессиональную информацию об авиации: *летчик* — специалист, управляющий самолетом, вертолетом; *пилот* — специалист, управляющий летательным аппаратом; *диспетчер* — работник, координирующий и контролирующий из центрального пункта движение авиационного транспорта; *стюардесса* — работник гражданского воздушного флота, обслуживающий пассажиров самолета; *стюард* — официант на пассажирском самолете.

К шестому уровню можно отнести профессиональные наименования, являющиеся сложными словами, в которых

первый компонент *борт-* указывает на авиационную сферу, а именно к летательному аппарату: *бортинженер, бортмеханик, бортрадист, бортехник, бортпроводник*.

На седьмом лингвокогнитивном уровне представлена совокупность терминов, типичная структура которых помимо интегрирующего компонента содержит дифференцирующий компонент: *инженер-летчик, бортинженер-инструктор* и др.

В этих наименованиях ясно прослеживается оппозиция: родовой термин — видовой термин (*пилот-инспектор, летчик-испытатель, пилот азростата*). В качестве доминанты в них выступают наименования основных авиационных профессий: *пилот, летчик, диспетчер*.

Присоединяясь к терминологическим номинациям, уточняющий компонент образует категорию терминосочетаний, семантика которых, выражая общее понятие, отличается некоторыми дифференциальными оттенками. Такие терминосочетания образуют терминологические ряды, каждый из которых объединяется вокруг следующих семантических доминант: *‘должностная квалификация’* — *первый пилот, второй пилот, младший бортмеханик*; *‘показатель опыта’* — *опытный пилот ≠ неопытный пилот, летчик-ас, заслуженный летчик*; *‘учеба профессии’* — *летчик-курсант, летчик-стажер*; *‘пространственное положение специалиста’* — *летчик в задней кабине*; *‘выполняемая функция’* — *дежурный летчик, летчик-дублер, летчик-контролер, летчик-наблюдатель, летчик резерва*; *‘специализация’* — *летчик гражданской авиации, летчик воздушного такси, полярный летчик*; *‘руководящая деятельность’* — *летчик-командир, командир экипажа, командир воздушного судна, начальник аэропорта, начальник аэродрома*.

Эта совокупность наименований наиболее многочисленна.

Восьмой уровень составляют узкоспециальные наименования авиационных профессий, в которых помимо дифференциатора-конкретизатора наименования включаются компоненты-уточнители в форме словосочетаний: *авиамеханик по эксплуатации двигателя, авиамеханик по эксплуатации бортового радиооборудования, инженер по эксплуатации авиационного оборудования, инженер по техническому обслуживанию, ремонту и диагностике авиационной техники, бортинженер-инспектор по безопасности полетов*. В настоящее время аналитический способ образования новых терминологических единиц находит все более широкое распространение.

Литература

1. Голованова Е. И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке. Челябинск, 2004.

Межчастеречное семантическое поле как идеографический способ представления знаний о мире

В. П. Васильев, Э. В. Васильева

Кемеровский государственный университет

wvpetrovich@rambler.ru

Лексическая категория, русские говоры Сибири, межчастеречное поле, денотативный класс, семантическая сеть

Summary. The report considers the inside «topography» and the boundaries of semantic fields as the union of different parts of speech, its meaning extent which is organized due to the principle of combination of dendritic structure with the network one.

Вопрос об идеографическом «крое» лексической системы языка особенно обостряется в связи с переосмыслением

проблемы категоризации. Анализ естественных категорий, являющихся формой конструирования знаний о мире, пози-

ционируется в современном научном контексте конкуренцией классических и неклассических категорий, символизирующих характером своей организации результаты разных познавательных стратегий.

Предметом рассмотрения служит суперординатная лексическая категория «атмосферные осадки», которая бытует в русских говорах Сибири в виде межчлестеречного семантического поля (МЧСП). Твердым ядром его организации выступает субстантивная таксономическая категория, которая стратифицируется по трем уровням — супербазовому (атмосферные осадки), базовому (*дождь* — *снег* — *град* — *иней*...) и суббазовому, семантически детализирующему единицы вышестоящего уровня в разных направлениях (алт., н-сиб. *мжйчка* 'мелкий дождь' — красн. *лёя* 'сильный или очень сильный дождь' — бурят. *косохлёт* 'косой дождь' и т. п.).

Особенности структуры МЧСП и его включение в семантическое пространство языка показываются на отдельном его фрагменте, связанном со смысловым развертыванием базового концепта *дождь* в лексической системе языка. Отправным моментом при систематизации дробных семантических инвариантов, посредством которых манифестируется базовый концепт, является дефиниция слова *дождь* 'атмосферные осадки, выпадающие из облаков в виде капель воды'. В ней отображается номинированная этим словом типовая ситуация. Означивание актуальных ипостазей типовой ситуации и ее составляющих компонентов самих по себе и в связи с другими реалиями действительности одно- и неоднословными номинациями, необходимое в коммуникативных целях, порождает корпус единиц, называемый денотативным классом (ДК). Он характеризуется собранием лексикализованных смыслов, запечатлевающих в себе аспекты проявления дождя в их отдельности и конфигурации.

Из введения в теорию формирования семантического поля (СП) как межчлестеречного образования происходят два важных положения: 1) СП конструируется в результате смыслового объединения ДК базовых единиц субстантивной таксономической категории; 2) групповой состав ДК в его исходной части также иерархически упорядочивается по принципу «инвариант — вариант». Следовательно, таксономическая группировка в качестве ядра СП составляет основу его расширения и призму для осознания специфичности его внутренней структуры и межкатегориальных взаимодействий.

Внутренняя организация ДК раскрывается 1) существительными, обозначающими виды дождей: амур. *матросей* 'мелкий обложной дождь', общерус. *проливной дождь* 'очень сильный дождь' и др.; часть вещества: общерус. *дождинка* 'капля дождя'; время: кем. *слётые* 'дождливое лето'; 2) глаголами, обозначающими функционального состояния: общерус. *выпасть* 'упасть на землю (об атмосферных осадках)', н-сиб. *матрусить* 'идти мелкими каплями (о дожде)'; прекращение существования: общерус. *перестать* 'прекратиться (об осадках)'; 3) прилагательными, обозначающими

интенсивность: г.-алт. *жёрный* 'сильный, обильный (о дожде)'; неопределенную длительность: амур. *уросливый* 'длительный, надоедливый (о дожде)'; неограниченную длительность: *хальной* 'идуший почти непрерывно (о дожде)'; отождествление: кем. *моросливый* 'являющийся моросью'; 4) наречиями, обозначающими интенсивность: общерус. *ливнем* 'очень сильными потоками, струями (о дожде)'; локализованность в пространстве: общерус. *полосами* 'захватив длинное и сравнительно узкое пространство земной поверхности'; количество: том. *хорош* 'сильно, обильно (о дожде, снеге)', ом. *тёно* 'мало, недостаточно (о дожде)'. Семантические «рубжи» ДК как составной единицы МЧСП, являющейся расширенной системной ячейкой вокабуляра, находятся на пересечении с другими лексическими группами, центрируемыми 1) существительными, обозначающими дождь с сопутствующими атмосферными явлениями: амур. *подстёга* 'крупный с ветром дождь'; углубление: н-сиб. *сателка* 'яма для сбора дождевой воды'; почву — ирк. *слякйша* 'жидкая грязь на земле, дороге от дождя и / или мокрого снега'; грибы: н-сиб. *пыхалка* 'старый гриб дождевик'; беспозвоночные животные: н-сиб. *дождевик* 'дождевой червяк'; часть сооружений: алт. *побежок* 'желоб для стока дождевой воды с крыши'; производственные устройства и установки: *дождевалька* 'оросительная установка'; урожай: том. *бурт* 'длинная куча овощей, укрытая соломой от дождя и т. п.'; корма: г.-алт. *чёрное сено* 'сено, почерневшее от дождя'; человека: ирк. *вершйльщик* 'тот, кто выкладывает верхнюю часть стога так, чтобы не проливал дождь'; предметы одежды: бурят., чит. *мэнтик* 'любая накидка вместо плаща во время дождя'; 2) глаголами, обозначающими изменение качественного признака, давление, пропитывание и удаление объекта: красн. *перемьянуть* 'вымкнуть под дождем'; алт. *налить* 'залить (о дожде) и т. д.

Базовый концепт, преломляясь в разных единицах языка, образующих его непосредственное структурно-семантическое окружение по линии парадигматики, эпидигматики и синтагматики и опосредованное по линии контекста, имеет сферой своего существования так называемые ДК, каждый из которых через соположенность и взаимодействие с другими, определяет категорию как стереоскопическое размытое лексическое множество. Его гетерогенность перекрывается единством тех семантических аспектов концептов, носителями которых являются разнообразные группы, включенные в поле. Переакцентировка их инвариантных значений в контексте содержательных характеристик концептов поля — путь перевода поля в однородную для суперконцепта *осадки* семантическую плоскость, позволяющий определить широту и степень лексикализации тех сфер реальности, которые оказались объектом «экспансии» при концептуализации метеорологических явлений

Предлагаемый в работе анализ материала должен послужить основой для установления когнитивного типа МЧСП как лексической категории, вбирающей в себя обнаружение видов смысловых отношений между словами, маркирующих внутреннюю организацию поля и его границы.

Образ «идеального коммуниканта» в русской синонимической картине мира*

Т. М. Воронина

Уральский государственный университет им. А. М. Горького (Екатеринбург)

tmv313@ya.ru

Лексикография, синонимия, образ человека, качества речи

Summary. The report deals with the representation and estimation of communicative properties of speech. The investigation is based on the synonymic groups denoting speech activity.

В современном языкознании активно разрабатывается лингвоантропологический подход, связанный с идеями антропоцентрической семантики, с вопросами моделирования образа человека по данным языка.

В частности, привлекают внимание исследователей различные типы речевых действий, их признаки и особенности, способы номинации (см., например, сб. «Логический анализ языка. Язык речевых действий», словарные статьи «Нового

объяснительного словаря синонимов» и др.). Актуальны исследования тех характеристик языковых единиц, которые связаны с языковой личностью, с говорящим, с выражением его отношения к сообщаемому, с выражением в семантике различных аспектов коммуникативной ситуации и т. д.

Характеристики речевой деятельности широко представлены синонимическими средствами языка. Л. Г. Бабенко справедливо отмечает, что «сам факт существования в словар-

* Исследование выполнено при поддержке гранта Рособразования в рамках АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 гг.)» 2.1.3 / 5556 и гранта РГНФ № 08–04–00145а.

ном составе языка множества номинаций одного и того же объекта — это показатель существенности, выделенности, выделенности данной категории для той или иной нации, показатель релевантности стоящих за ней концептов» [1: 17].

Описание русских синонимов в когнитивном освещении является одним из направлений, разрабатываемых в настоящее время межвузовской проблемной группой «Русский глагол» под руководством проф. Л. Г. Бабенко. Практическим воплощением этой работы стали «Словарь-тезаурус синонимов русской речи» [3] и «Большой толковый словарь синонимов русской речи. Идеографическое описание. Антонимы. Фразеологизмы» [2].

В рамках работы над названными проектами, при описании денотативно-идеографической сферы «Речь» (в частности, групп «Характерные особенности произношения, выговора, манеры речи» и «Характерные особенности изложения, текста, стиля») мы столкнулись с тем, что синонимическими средствами языка репрезентированы как «идеал», так и «антиидеал» собеседника (коммуниканта).

Идеал в общем виде представлен синонимическими рядами, репрезентирующими концепт «красноречие». Ср.: **красноречие**, велеречивость, красноречивость, речистость, ирон. сладкоречивость, ирон. сладкоречие, высок. витийство, устар. краснословие, устар. элоквенция ‘способность, умение говорить красиво, выразительно, убедительно; ораторский талант’ и близкородственные ряды: *оратор*, высок. вития, высок. трибун, книжн. Демосфен, книжн. златоуст, книжн. Цицерон ‘тот, кто обладает даром красноречия’; *красноречивый*, ирон. сладкоречивый, trad.-поэт. сладкогласный, устар. или ирон. велеречивый, разг. речистый ‘умеющий говорить красиво, выразительно, убедительно (о человеке)’; *красноречивый*, ирон. сладкоречивый, trad.-поэт. сладкогласный, устар. или ирон. велеречивый, разг. речистый ‘выразительный, убедительный, яркий (о речи, тексте)’; *ораторствовать*, высок. витийствовать ‘говорить хорошо, красиво, выразительно’; *красноречиво*, велеречиво, красно ‘красиво, ярко, убедительно выражая свои мысли’.

Кроме того, синонимическими средствами языка отображаются практически все коммуникативные качества хорошей речи, традиционно выделяемые исследователями в области культуры речи (А. Н. Васильева, Б. Н. Головин, Б. С. Мучник и др.), например:

- ясность: **ясный**, внятный, вразумительный, понятный, четкий, членораздельный, толковый; / **неясный**, невнятный, туманный, невразумительный, непонятный, нечеткий, нечленораздельный, бестолковый;
- точность: **ясный**, недвусмысленный, однозначный, прозрачный / неясный, туманный, двусмысленный, неоднозначный;
- краткость: **краткий**, афористический, афористичный, лаконический, лаконичный, немногословный, сжатый, скупой, телеграфный, *книжн.* лапидарный / **многословный**, длинный, долгий, пространный, растянутый; *разг.* **разглагольствовать**, *ирон.* красноречивать, *ирон.* ораторствовать, *неодобр.* фразерствовать, *книжн., ирон.* витийствовать, *разг.* демагогствовать, *разг.* петь, *разг.* разливать, *разг.* распинаться, *разг.* распространяться, *разг.-сниж.*, *неодобр.* рассосоливать;

причем маркируется как соблюдение в речи необходимых коммуникативных качеств, так и несоблюдение. Относительно таких качеств речи, как уместность и чистота, следует сказать, что синонимическими средствами репрезентируется нарушение этих качеств, ср. значительные по объему синонимические ряды с доминантами *сказануть*, *неприличный*, *нецензурный*.

Таким образом, хорошее владение речью, соблюдение коммуникативных и морально-этических норм как составляющих образа «идеального коммуниканта» высоко ценятся в русской коммуникативной культуре. Это подтверждается наличием большого количества синонимических рядов, репрезентирующих различные ментальные составляющие концепта «красноречие», и в том числе рядов, которые включают в себя единицы, содержащие сильный прагматический, интерпретативный компонент.

Литература

1. Бабенко Л. Г. Русские синонимы в когнитивном освещении: Новый идеографический словарь синонимов // Новая Россия: новые явления в языке и науке о языке: Материалы Всеросс. науч. конф., 14–16 апр. 2005, Екатеринбург / Под ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 2005. С. 12–17.
2. Большой толковый словарь синонимов русской речи. Идеографическое описание. Антонимы. Фразеологизмы / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М., 2008.
3. Словарь-тезаурус синонимов русской речи / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М., 2007.

Современная ментально-языковая ситуация в России и обыденное метаязыковое сознание

Н. Д. Голев

Кемеровский государственный университет
ngolevd@mail.ru

Ментально-языковая ситуация, дидактико-языковая ситуация, обыденное метаязыковое сознание

Summary. The report deals with an important factor of mental-linguistic situation formation in modern Russia, viz ordinary metalinguistic consciousness being a common native speaker's set of steadfast deliberate notions concerning the language in its multiple manifestations. The Russian language school curriculum being the basic source of such notions, its influence upon Russian mental-linguistic situation is analyzed.

1. Обыденное метаязыковое сознание (ОМЯС) является важнейшим компонентом ментально-языковой ситуации. Факторы, определяющие формирование ОМЯС, разнообразны, но ведущий среди них — школьный курс русского языка, «прохождение» которого является обязательным для всех членов языкового коллектива. Поэтому общие презумпции школьного курса естественным становятся метаязыковыми презумпциями массового лингвистического сознания. В свою очередь ОМЯС по различным каналам влияет не только на ментальную сферу рядовых пользователей русским языком, но и на языковую политику (языковое строительство, языковое образование), а опосредованно — и на саму речевую практику, что и определяет его ядерное положение в ментально-языковой ситуации, а отсюда вытекает необходимость ее научного исследования. В докладе вынесены на обсуждение некоторые результаты нашего исследования одной из презумпций школьного курса, связанного с постулатом «правильности».

2. Важной особенностью школьного курса русского языка долгое время было его дистанцирование от научной лингвистики, особенно от его современных направлений. Для многих школьных учителей существует своя собственная наука, существование которой оправдывается потребностями

детей, которые будто бы знают только они — учителя, но не знают кабинетные ученые. Частный тезис: владение языком подчинено его овладению. Долгое изолированное от науки бытие школьного курса сформировало устойчивые представления о предназначении языка и самого курса, принципах их устройства и функционирования. Такая внутренняя лингвистика определила и соответствующую методике обучения языку, оторванную от самого языка. С точки зрения представителей этого взгляда, «научное исследование языка представляется всегда чем-то чуждым практике письма, чем-то лишним для педагога практика, скорее осложняющим и запутывающим ясную картину, которая должна быть изложена в школьной грамматике» [3: 26]. Данный тезис 1930 года вполне приложим и к современной дидактико-ментальной ситуации; представление, очерченное в нем, является важнейшим основанием для гипертрафирования постулата «правильности» в метаязыковом сознании тех, кто прошел школьный курс.

3. Огромную роль в сакрализации постулата «правильности» в ОМЯС сыграл такой дидактико-ментальный принцип, как орфографоцентризм школьного курса, главным следствием которого в ОМЯС которого является отождествление его (курса) с орфографией, в которой сформирован

культ нахождения единственно правильного написания. Этому посвящается значительное время в на уроках русского языка, при подготовке к выпускным экзаменам в школе и вступительным экзаменам в вузе. Сакрализации постулата «правильности» способствует и глобальное тестирование, которое внушает мысль о обязательном наличии правильного ответа и его единственности. Обратной стороной орфографоцентризма является ошибкоцентризм, или ошибкобоязнь. Ошибка становится главным мерилом хорошей / плохой письменной речи. Причем, сама речь нередко ставится в зависимость от ошибки, и совет «не знаешь как написать, замени «опасное» место на безопасное» — не кажется нонсенсом многим учителям. Еще К. Д. Ушинский писал: «Если молодой человек в 15–16 лет, выражая свои мысли и чувства, думает о правильности своих выражений и воздерживается от ошибок, то можно с убеждением сказать, что в этом юноше духовная жизнь мало возбуждена...» [2: 392]. Большинство учителей, которых мы просили продолжить фразу К. Д. Ушинского после слов *в этом юноше...*, полагают, что далее К. Д. высказывается о юноше в позитивном ключе. Это и есть иллюстрация воздействия орфографоцентризма на ОМЯС (учителей!).

4. Орфографоцентризм имеет своим следствием секуляризацию в ОМЯС многих аспектов научной лингвистики, и прежде всего функционально-коммуникативного аспекта. Коммуникативная лингвистика ставит во главу угла постулат «успешности», понимаемой как основной результат коммуникативного акта, обнаруживаемый в его перлокутивном эффекте. Для коммуникативного языкознания правильность — не единственный и не главный критерий хорошей речи; правильно написанное или сказанное — не обязательно успешное. Однако постулат «успешности» плохо воспринимается школьной лингвистикой. Ее тезис в этом вопросе прост: написано правильно — добился успеха! Таким образом постулаты Грайса вытесняются постулатом «правильности». Глубинным основанием школьного курса является структурализм в его наивной интерпретации. Поуровневое изучение языка — одно из проявлений примитивного понимания структуры языка, внушающего мысль о выводимости содержания единиц вышестоящих уровней из суммы нижестоящих. Повышенное внимание к нижестоящим (строительным) уровням языка связано во многом с необходимостью обслуживать орфографические и пунктуационные правила, являющимися своеобразными метаязыковыми легендами и мнемоническими приемами «решения»

орфограмм и пунктограмм, но никак не следствием научных моделей языка. Теоретическая лоскутность правил ведет к лоскутности ОМЯС и препятствует формированию системного образа языка.

5. Редукция научного компонента в школьном курсе, связанная с гипертрофированным постулатом «правильности», имеет следствием выпрямление образа научного мышления. На его периферии оказывается диалектическое мышление, вытесняемое догматическим (аксиоматико-воспроизводящим), холистическое мышление, вытесняемое элементаристским, интуитивистское мышление, вытесняемое рационалистическим и т. п. Из представлений об истине вытесняется идея множественности интерпретации как форма ее бытия и т. п. В докладе более подробно рассматриваются ментальные следствия рассудочного метаязыкового способа решения орфограмм и пренебрежения интуитивной орфографией.

6. Системный лингвокогнитивный анализ ОМЯС предполагает его соотнесение с национальной ментальностью. В докладе анализируется несоответствие рассудочного алгоритма решения орфограмм интуитивистским и холистическим тенденциям ядерного типа русской ментальности в сфере достижения истины. «Правильность» для русского ОМЯС — это наличие некоторого идейного обоснования, существующего не столько в логически завершенной форме, сколько в интуитивном предощущении. «Правила» так или иначе удовлетворяют такую потребность метаязыкового сознания, но утрируют его, переводя в плоскость логических метаязыковых алгоритмов.

7. ОМЯС — это устойчивый ментальный механизм. Его наличие и активное воздействие на ментально-языковую ситуацию делают необходимым его скрупулезное научное изучение с целью выяснения путей эффективного воздействия на него для осуществления успешного языкового строительства и языкового образования. Основная стратегическая линия воздействия — постепенное выведение его из статуса обыденного и перевод на уровень, максимально приближающийся к научному. Основания такого изучения представлены в коллективном труде российских и зарубежных лингвистов [1].

Литература

1. Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты / Отв. ред. Н. Д. Голев. Ч. 1 и Ч. 2. Кемерово, 2009.
2. Ушинский К. Д. Собрание сочинений. М., 1988. Т. 4.
3. Яковлев Н. Ф. Историко-материалистическая лингвистика и грамматика // Русский язык в советской школе. 1930. № 1. С. 26–33.

Языковая символика цветовых концептов

Т. В. Григорьева, А. Р. Хамидова

ГОУ ВПО «Башкирский государственный университет».

Tagrig8@mail.ru, sunny-alb@yandex.ru

Концепт, язык, цвет, символ, сфера

Summary. The scientific paper is devoted to polyaspect linguistic description of colour concepts which are important to linguistic community. The concepts have been represented in language as verbal worlds, each of them includes heterogeneous linguistic means of representation. The concepts, being to symbolic significant, have an influence on thinking and verbal behaviour of a modern individual.

Цветовой концепт — это глобальная ментальная аксиологическая сущность, отражающая сложные процессы постижения человеком действительности.

Как визуально воспринимаемое явление, цвет в сознании человека ассоциируется с предметом, не случайно в словарях цветовые лексемы определяются через отнесенность к типичному носителю данного цвета, например: *зеленый* — цвет травы, *белый* — цвет снега. В процессе развития цветовой концепт обогащается дополнительными смыслами, т. е. наращивает символический ореол, функционирующий в разных сферах бытия.

В содержательном пространстве цветовой концепта, представленного в его вербальных репрезентантах, отражаются разные уровни постижения человеком явления действительности, лежащего в основе концепта. Результаты первичного столкновения человека с цветом — на эмпирическом уровне (эмпирическая сфера); эмоциональная реакция — на эмоциональном (эмоциональная сфера); оценочное отношение, этическое и эстетическое, — на оценочном (этическая, эстетическая сферы); умопостижение, познание — на гносеологическом уровнях (гносеологическая сфера).

В зависимости от внешних особенностей конкретного цвета, его ценностной характеристики, психологического восприятия его человеком, в эмпирической сфере содержательного пространства цветовой концепта выделяются первостепенные, доминантные признаки. Так, у концепта СЕРЫЙ это «неопределенный», «неяркий» (*серая масса, хватит быть серой мышью*); «невывделенный», «незаметный» (*серый кардинал; ни один автомобиль в свадебном кортеже не останется серым*); ЗЕЛЕНый — «природная первозданность» (*зеленый уголок*), «незрелый» (*зеленый персик, зеленый помидор*), «неестественный для человеческой кожи» (*зеленое лицо*); БЕЛый — «чистота» (*белая изба, беловик*), «выделенный» (*белая ворона, шито белыми нитками*); КРАСный — «яркость», «выделенный» (*проходить красной нитью*); ЧЕРный — «грязный» (*чёрный вход*), «насыщенный» (*нить по-чёрному, чёрная неблагодарность*).

Эти доминантные признаки эмпирической сферы, переходя в другую сферу содержания цветовой концепта, рожают новые, символические смыслы.

Например, в эмоциональной сфере эмпирический признак СЕРОГО «неяркий» рождает символическое значение

«безрадостный» (*серые, хмурые лица, серое настроение*); признак ЗЕЛЕНОГО «неестественный для человеческой кожи» — символическое значение «низменные чувства, отрицательные эмоций, состояния» (*позеленеть от злости, зависти, ненависти, зелено в глазах* — «стало очень плохо»).

В **этической** сфере эмпирические признаки БЕЛОГО «чистый» и ЧЕРНОГО «грязный» создают символические значения «хороший, добрый, нравственный» (*белая ложь, белая магия*) и «нехороший, безнравственный» (*черная душа, черная магия*) соответственно.

В **эстетической** сфере содержания концепта КРАСНЫЙ компонент «яркий» рождает символический признак «красивый» (*красна девица, красный угол*).

В **гносеологической** сфере содержания концепта ЗЕЛЕНЫЙ благодаря эмпирическому признаку «незрелый» появляется символическое значение «неопытность, незнание, наивность» (*молодо-зелено, зеленый студент*). А в содержании концепта СЕРЫЙ компонент эмпирической сферы «неяркий» создает символ неинтересного, скучного (*серая жизнь, серый писатель*).

Таким образом, в языке отражается, как сквозь призму цвета человек познает мир.

Цвет не только помогает передавать внутренний процесс постижения человеком окружающей действительности, но и

отражает внешние связи — показывает развитие социума, механизм приспособления новых явлений. Так, возникновение такого объекта социальных отношений, как незаконная, скрытая зарплата, актуализирует доминантный признак эмпирической сферы «незаметный» в содержании концепта СЕРЫЙ и переносит его в **социальную** сферу, трансформируя в символический признак «нелегальный» (*серый товар, серый телефон*). Благодаря компоненту «чистый» в содержательном пространстве концепта БЕЛЫЙ появился символический признак «открытый, разрешенный, легальный» (*белая зарплата, белые каталоги* — в Интернет-пространстве: «открытые каталоги, не требующие регистрации»). Вследствие актуализации эмпирического компонента ЗЕЛЕНОГО «природная первозданность» возник символ экологической чистоты и безопасности (*партия зеленых, зеленые технологии*).

Итак, в содержательном пространстве цветовых концептов выделяются основные, ядерные признаки эмпирической сферы, которые, переходя в новую сферу концептуального содержания и трансформируясь, рожают новые смыслы, формирующие символическую составляющую цветового концепта, изучение которой важно для понимания сложных когнитивных механизмов.

Зоонимы как социально-культурное явление

Е. В. Гусева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

elviguseva@mtu-net.ru, elviguseva@mail.ru

Ономастика, имя собственное, зоонимы, клички животных

Summary. The paper deals with social factors affecting the choice of a pet's name and stereotypes about this affect.

Одно из явлений, в котором наиболее ярко проявляется социальная природа языка, — имя собственное. Задача этих слов не только выделять один объект из множества подобных, но и объединять всех носителей имени, показывая их принадлежность к определенной языковой культуре. Стереотипные представления о человеке определенной народности обязательно включают в себя имя собственное (например, имя для стереотипного русского в представлении европейцев — *Иван*, а для турок все русские женщины — *Наташи*). Внутри одной языковой культуры имя собственное может показывать, к какому социальному слою, скорее всего, принадлежит его носитель. Здесь можно упомянуть и о пушкинской ремарке по поводу имени *Татьяна*, и о том, что до недавнего времени в городах самым распространенным мужским именем было имя *Александр*, а в сельской местности — *Сергей*.

Социальная природа языка проявляется не только в антропонимах, именах собственных людей, но и в зоонимах, именах собственных животных. Клички животных, казалось бы, должны быть свободны от условностей, ведь они не подлежат обязательному фиксированию в официальных документах. Исключение здесь составляют, конечно, имена клубных животных, но обычно хозяева не любят эти, как правило, неестественные для русского языка образования, изменяют их или заменяют на совсем другое имя. Все равно человек стремится к той норме, которую диктует его родной язык.

Различаются клички городских и сельских животных. Оставив в стороне вопрос о различиях в составе животных в городах и сельской местности, можно сказать следующее. В крупных городах России преобладают клички, образованные от имен людей (*Алиса, Дашка, Джина, Кеша* и многие другие русские и иноязычные имена), в сельской же местности чаще встречаются клички, образованные от нарицательных слов (*Чернушка, Ночка, Белянка, Цыганка* и под.). Еще одно различие — типы мотивации при именовании. В городской среде крайне редка мотивация датой рождения животного (если такие случаи и встречаются, то связь опосредована). Дата же принесения потомства вообще не влияет на выбор кличек для городских животных. Для сельского зоонимикона характерны оба типа мотивации (первая даже частотна). Интересно, что на вопрос «Влияют ли социальные факторы на выбор клички?» респонденты очень часто вспоминают именно различия между городом и деревней.

Приведенный выше вопрос был частью исследования, проведенного в 2007—2008 годах с использованием нескольких интернет-сайтов и специально составленной анкеты из 8 вопросов, касающихся связи различных социальных параметров владельца и клички, которую он выбирает своему животному. На сайтах были получены ответы от 16 респондентов, на анкеты ответили 30 человек. Кроме того, в 1998—2009 годах было проведено несколько опросов русскоязычных и иноязычных респондентов по теме зоонимии с общим количеством участников около 2 тыс. человек. Все эти данные позволяют сделать вывод о том, что существует взаимосвязь между некоторыми социальными показателями имядателя и клички, которую он выбирает для своего питомца, а также то, что существуют некоторые стереотипы этой связи.

Итак, как уже говорилось, респонденты говорили о различиях между городом и деревней. В целом, чем традиционнее кличка, тем больше она ассоциируется у городского жителя с деревенским животным.

Социолингвистические различия есть и внутри городской зоонимии. На выбор клички влияют многие факторы, и не только личные предпочтения людей, мода, традиция и т. д. Здесь сказываются такие социальные параметры, как пол имядателя, возраст, образование, род деятельности.

Интересный факт обнаружился при исследовании номинации зооморфных игрушек детьми 3—11 лет. Результаты этого исследования показали, что девочки охотнее дают имена игрушке-кошке, а мальчики — игрушке-собаке. Проявляются **гендерные** различия и в отношении к такому фактору городской зоонимии, как большое количество антропозоонимов, то есть кличек животных, образованных от имен людей. Женщины в целом более терпимы, более однородны и последовательны в восприятии этих кличек. Мужчины чаще женщин отвечают, что животных можно называть любым человеческим именем, но при этом очень многие из них раздражаются, если слышат на улице свое имя в качестве обращения к животному. Интересно также, что среди мужчин больше, чем среди женщин, тех, кому будет приятно услышать свое имя в роли зоонима. Это же качество «мужского менталитета» обнаружилось и при исследовании способов номинации зооморфных игрушек детьми: 35% мальчиков дали игрушкам свое имя, тогда как девочки «в честь себя» игрушки не называли. О гендерных различиях говорили и участники опроса 2007—2008 г. 87% опро-

шенными считают, что женщины и мужчины выбирают клички для своих животных разные и по-разному.

По поводу влияния **возраста** на выбор клички респонденты чуть менее однозначны, хотя большинство, 73% считают, что эта связь есть. Возрастные различия в отношении к антропозоонимам практически не заметны. Единственная, да и то не очень большая разница в том, что люди старшего поколения чуть больше, чем молодежь склоняются к предпочтительности выбора в качестве зоонима иноязычного антропонима. Кстати, с возрастом мужчины реже дают «крепкие» клички своим питомцам, среди выбранных ими зоонимов появляется больше нежных, лаковых имен.

Одинаковое количество респондентов (по 77%) говорят о влиянии на имятворчество **образования и рода деятельности**.

Феномен политического тандема как источник языковой игры

М. К. Дементьева, И. Н. Качалова

Московский государственный университет печати

thebukvica@gmail.com, irkachalova@gmail.com

Политический дискурс, языковая игра, прецедентный текст, словообразовательная игра, ассоциативный потенциал слов

Summary. The phenomena of tandem in current Russian political discourse is being used as a source for a language game. The linguistic means of its explication are precedent phenomena and word-formative game.

Язык современных СМИ отличается от «стандартизованного» и «заштампованного» языка советского времени стремлением к броскости, речевому эпатажу. Использование языковой игры (ЯИ) в рамках собственного текста является для современного автора-публициста возможностью не только поупражняться в языкотворчестве, но и в определенной степени подтвердить свой профессиональный уровень [3].

Политический текст не существует сам по себе, изолированно от экстралингвистических — экономических, социальных и т. д. факторов. Он является частью политического дискурса (ПД). ЯИ в ПД реализует его главную интенцию — борьбу за власть. Вне оценки, как приписывания положительных или отрицательных свойств объекту речи [1]; [2]; [13], невозможна экспансия политических взглядов.

Ситуация, сложившаяся на вершине власти после президентских выборов 2008 года, стала объектом метафоризации и продуктивным источником ЯИ: *Победа Медведева и Путина на выборах Президента РФ* [18].

В российском ПД «важное место в системе образов занимает концептуальная метафора «президент — это царь» [25: 213]. За 8 лет пребывания В. В. Путина на президентском посту в национальном сознании утвердился образ президента как царя. Царь — пожизненная «должность», поэтому смена главного лица государства повлекла за собой трансформацию «царской» метафоры в механистическую: *Я хочу вам сказать: у нас сложился очень эффективный тандем с Дмитрием Медведевым* [19].

Само слово «тандем» стилистически нейтрально, оно широко употребляется в прессе и не зависит от речевой ситуации. Тогда как феномен «тандема» как формы управления государством стал источником более оценочного и ограниченного в употреблении наименования — «двоевластие». *Что будет? Будет двоевластие двух индивидуумов, с сильными индивидуальными качествами и со слабыми идейными установками* [22].

Использование в ПД ЯИ как приема отражает его прагматические особенности и коммуникативные стратегии. В политической публицистике наибольшее распространение получили две формы ЯИ: игра на словообразовательном уровне и обращение к прецедентным текстам и прецедентным ситуациям, «которое сопровождается апелляцией к литературным и культурологическим знаниям реципиента» [11].

Выделяются два способа использования прецедентных текстов [9]; [11]. Первый — дословное использование прецедентного текста: *Боливар не выдержит двоих?* [24] (цитата из рассказа О'Генри «Дороги, которые мы выбираем», ставшая крылатой фразой, благодаря фильму Л. Гайды «Деловые люди», снятого по мотивам рассказов О'Генри). Второй — трансформация формы прецедентного текста: *Путин и Медведев: а был ли тандем?* [25] (отсылка к роману М. Горького «Жизнь Клима Самгина»: «А был ли маль-

сти. Это подтверждают и другие проведенные эксперименты. Респонденты-гуманитарии чаще других дают имена со сложной мотивацией (т. е. через знание значения какого-нибудь иностранного слова, знание большого количества иностранных имен, исторических событий и лиц и проч.).

Интересные данные также получены в результате опроса представителей разных языковых культур и исследования кличек животных с точки зрения культурологии.

По результатам рассмотренных данных можно смело сказать, что не только имя человека обладает социальными и культурологическими параметрами. Имя домашнего животного также является определенным культурным символом, знаком, говорящим о социальной и культурной принадлежности человека, выбравшего это имя, много интересного.

В современном российском ПД наиболее широкое распространение получила отсылка к прецедентной ситуации, названной по заглавию прецедентного текста, — к повести И. Эренбурга «Оттепель», давшей название периоду либерализации, который последовал за приходом к власти Н. С. Хрущева: *Железная оттепель* [7] (контаминация термина *оттепель* с фразеологизмом *железный занавес*).

Помимо использования прецедентных феноменов в «обыгрывании» феномена политического тандема, находясь у власти, широкое распространение получила ЯИ на словообразовательном уровне. Если традиционно наиболее активной в этом смысле считается аффиксация, «ср.: *сайда-раст, чубайсизация, лебедизм* и др.» [6: 53], то в контексте исследования вперед выходит прием сложения основ как отражение сложившейся политической ситуации, ср.: *двоевластие* [23], *двоемания* [23], *двоефобия* [23], *двоевидение* [23], *двоецентрие* [15]; *«Двоецарствие», а не двоевластие* [5].

Таким образом, ЯИ активно используется в ПД как оценочный прием и как способ коммуникативной стратегии, где автор пытается «поделиться» собственной оценкой с реципиентом. Прецедентные тексты в данном случае — фреймы в сознании индивида, маркирующие его принадлежность к определенной социальной группе с определенным культурным восприятием действительности и лингвокреативными способностями. Последние также широко используются в словотворчестве на базе существующих словообразовательных моделей, самой распространенной из которых в рамках темы исследования является словосложение. Это лингвистическое отражение политических реалий. Недаром в Интернет-пространстве, наряду с «двоевластием» и «тандемократией», даже появился более оценочный и конкретный окказионализм — *Медвент* [21].

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999.
2. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 2009.
3. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996.
4. Гудков Д. Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса // Язык СМИ и тексты политического дискурса. М., 2003 (http://evartist.narod.ru/text12/09.htm#%D0%B7_18).
5. Иванов В. «Двоецарствие», а не двоевластие // Известия. 12.05.2008 (<http://www.izvestia.ru/comment/article3116081/>).
6. Ильасова С. В. Словообразовательная игра как феномен языка современных СМИ. Ростов-на-Дону, 2002.
7. Камышев Д., Минаев С. Железная оттепель // Власть. № 44. 10.1.2008 (<http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1052943>).
8. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
9. Красных В. В. «Свой» среди «чужих», миф или реальность? М., 2003.
10. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. М., 1990.

11. Лисоченко Л. В., Лисоченко О. В. Языковая игра на газетной полосе (в свете лингвистики и теории коммуникации). 2000 (http://teneta.rinet.ru/rus/le/lisochenko_jaee).
12. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. М., 2003.
13. Маркелова Т. В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке. М., 1996.
14. Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов: В 2 ч. / Под общ. ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. Минск, 1998–2000.
15. Названы 3 подвига, совершенные Путиным, и 3 будущих подвига для Медведева // Newsru.com. 12.03.2008 (<http://www.newsru.com/russia/12mar2008/podvig.html#>).
16. Наумова Е. О. Прецедентные тексты как инструмент креативности в современной публицистике. М., 2007.
17. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка М., 1992 (<http://ozhegov.info/>).
18. Победа Медведева и Путина на выборах Президента РФ // Заметки о жизни. 03.03.2008 (<http://blog.artnn.ru/2008/03/03/pobedamedvedeva-i-putina-na-vyiborah-prezidenta-rf/>).
19. Путин говорит, что не вернется на пост президента РФ раньше 2012 года. Ему нравится тандем с Медведевым // www.newsru.com/russia/04dec2008/putin_srok.html.
20. Рахимкулова Г. В. Языковая игра в прозе Владимира Набокова: К проблеме игрового стиля. Дисс. ... д-ра филол. наук. Ростов-на-Дону, 2004 (<http://www.dissland.com/catalog/217233>).
21. Результат компьютерного фоносемантического значения имени Медвепут // <http://www.pseudonim.ru/imena/vtdtgen.htm>.
22. Садчиков А. Путин и Медведев: вдвоем не тесно? // Известия. 12.03.2007 (<http://www.izvestia.ru/politclub/article3114083/>).
23. Тандемократия // Власть. № 14. 14.04.2008 (<http://www.kommersant.ru/doc-rss.aspx?DocsID=879275>).
24. Чеснокова Т. Путин и Медведев на качелях власти // Росбалт. 04.08.2008 (<http://www.rosbalt.ru/2008/08/04/510106.html>).
25. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003 (<http://www.philology.ru/linguistics2/chudinoV-03a.htm>).
26. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: Уч. пособие. М., 2008.
26. Шарый А. Путин и Медведев: а был ли тандем? // Newsland. 15.05.2009 (<http://www.newsland.ru/News/Detail/id/365904/cat/42/>).
26. Янко-Триницкая Н. А. Словообразование в современном русском языке. М., 2001.

Лакунарный концепт в языковой картине мира

В. А. Долинский

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Московский государственный лингвистический университет»

khitina49@mail.ru

Лакунарный концепт, картина мира, ассоциации, халява

Summary. The paper presents the Russian noun «Haliava» as a name for the lacunary concept of language consciousness of the native speakers and as a core of a semantic field for a number of words linked by association.

При сравнении концептов, свойственных различным культурам, мы нередко сталкиваемся с асимметричной представленностью и неоднородностью сопоставляемых единиц. Крайней степенью подобной асимметричности является лакунарность — значимое отсутствие определенных признаков и единиц в одной языковой системе по сравнению с другой. Лакунарные концепты — это специализированные этнокультурные ментальные репрезентации, в концентрированном виде выражающие особенности той или иной культуры.

Ассоциативное поле «халява» выявляет сложный, амбивалентный характер концепта. Ассоциации на слово-стимул ХАЛЯВА, полученные в эксперименте со студентами Москвы (2009; n = 280), были разделены на 8 семантических классов:

Даровое: бесплатно(-е) 31; деньги 10; скидка (-и) 5; даром 3; задаром (задарма) 3; подарок 3; бесплатные билеты 2; без оплаты деньгами; бесплатный проезд; дар;

Случайное: удача 6; везение 3; повезло 3; внезапно; приз; счастье; успех;

Желанное: свобода 3; лето 2; приди 2; много 2; сон 2; ура 2; вот бы всегда так!; веселье; все любят; выходные; гулять; желание; жизнь; жить; залетай; мечта; налетай; наслаждение; нравится; облегчение; отдыхать; поймать; праздник; расслабление; свободное; ура; хорошо; щедрый; free;

Материальное: еда 3; дом 2; комп 2; анимация; бензин; булка; дверь; дешевизна; концерт; интернет; кино; книги; магазин; общение; одежда; окно; пиво; питаться; подарок за покупку; покупки; получить; пользоваться; потолок; пылесос; скидка в 50% в магазине; телек;

Родное: русский 2; Россия;

Без усилий и жертв: зачет 5; просто так 5; экзамен 5; легко 4; лень 4; сессия 4; безделье 3; прогул 3; труд 3; безвозмездно 2; дуракавалание 2; работа 2; ничего не делать 2; ничегонеделание 2; подрабатывать 2, без старания; безработный; легкость; не требующее затрат сил; ни за что; усилия;

Осуждаемое или обманчивое: обман 3; на халюва 3; глупость; ерунда; жадность; зло; «на дурачка»; не всегда хорошо; не свое; некачественно; плохо; подозрительно; подстава; укус; халювник; хам;

Несущее расплату: сыр в мышеловке 4; мышеловка 2; бесплатный сыр не только...; безнаказанно; все сходит с рук; скука; тюрма.

Русское слово «Халюва», ставшее ядром концепта, архетипичного для русской ментальности, фиксируется в словарях с 1980-х годов.

ХАЛЯВА (Жарг.) — То, что получено даром, без вложений, затрат или за чужой счет. ♦ На халюва — даром или за чужой счет. ХАЛЯВНЫЙ (Жарг.) — Относящийся к халюве; являющийся халювой. *Халювная еда. Халювная поездка.* ХАЛЯВЩИК (Жарг.) — Человек, стремящийся получить что-л. даром или за чужой счет [8].

ХАЛЯВА, ХАЛЯВКА — Что-л. нетрудное, пустяковое, доставшееся без труда, окольным путем; подделка, легкая работа. ♦ На халюва — даром, бесплатно. *На халюва и укус сладкий* — все хорошо, что даром. ♦ Ловить халюва — пытаться получить что-л. даром, легко отделаться (напр., легко сдать экзамен). / Также употр. как руг.; вероятно, через ур. «халюва» — проститутка; «халювщик» — человек, делающий, получающий что-л. даром. ХАЛЯВИТЬ, ХАЛЯВНИЧАТЬ — Делать что-л. недобросовестно, нечестно; халтурить. ХАЛЯВНИК, ХАЛЯВЩИК — Бездельник, халтурщик, прощельга, нахлебник; человек, привыкший брать чужое, использовать чужой труд, деньги и т. п. ХАЛЯВНЫЙ — Даровой, бесплатный, легко доставшийся, случайный [1].

ХАЛЯВА — 1. Нечто, получаемое даром, бесплатно. ♦ На халюва (нареч.) — даром, бесплатно; за чужой счет. 2. (Груб., резко негат.). То же, что «халювщик» (чаще о женщине). ХАЛЯВЩИК (Негат.) — Любитель получать что-л. даром, угоститься, выпить за чужой счет [10].

ХАЛЯВА (Прост., груб.) — То, что достается даром, без всяких усилий, за чужой счет. *В расчете на халюва.* ♦ На халюва — 1) Кое-как, небрежно. *Что ни сделает, все на халюва.* 2) Бесплатно, задаром. *Досталось на халюва* [9].

ХАЛЯВА — 1. Организационный бардак. 2. Бесплатная выпивка и шамовка, греющая сердце — со стороны желудка — каждого русского человека. ХАЛЯВНИК (ХАЛЯВЩИК) — бездельник. ХАЛЯВНЫЙ — дармовой [11].

ХАЛЯВА — Опустившаяся проститутка; негодный грязный человек. ХАЛЯВЩИК — Лицо, живущее за счет других [7].

В народном сознании существовала тесная связь между мотивами божественного царства справедливости, с одной стороны, и материалистически-утопическими представлениями о стране, где текут «молочные реки с кисельными берегами», — с другой.

Знаменитая русская сказка «Емеля-дурак» [5] повествует о младшем из трех братьев, который все время лежит на печи и ничего не желает делать. Больше всего на свете он ценит тепло и отвечает: «Я ленюсь!» После угроз и препирательств Емеля берет ведро и идет за водой. Прорубив прорубь и набрав воды, он видит щуку. Та просит ее отпус-

тить, а в награду дарует волшебную формулу-заклинание: «По щучьему велению, по моему хотению...» Емеля отпускает щуку с единственной целью — чтобы самому не работать. На фоне стереотипного сюжета, интертекстуальных мотивов (женитьба на прекрасной царевне, превращение в умницу и красавца), своеобразием отличается начало сказки, когда действие происходит в деревне и чудеса совершаются с самыми обычными, повседневными предметами обихода: ведра, которые сами идут на гору и становятся на лавку; печь, которая сама выезжает из избы с лежащим на ней Емелей. «Легко представить, что заполучив щуку с ее всемогущей формулой, Емеля-дурак мог бы, в принципе, сразу стать королем или пожелать, чтобы его на печи больше никто не беспокоил. И все бы исполнилось по щучьему велению» [6: 43–44]. Лентяй Емеля оказывается беспечным игроком и веселым фокусником. В русской сказке Дурак (так же как Шут или Вор) не заботится о будущем, растрчивает все, доставшееся ему по воле случая (доверят судьбе), живет и действует бескорыстно и не думает о завтрашнем дне.

Среди русских пословиц: *Нам бы так пахать, чтоб мотылей не набивать. В чужих руках ломать шире. Двое пацут, а семеро руками мацут. Два брата на медведя, а два свата на кисель. Наш Абрисом нет — не просит, а есть — не бросит. Ест руками, а работает брюхом. Сито так, а решето даром. Жареные куры в рот летят. Не было ни деньги, да вдруг алтын. Норовит на грош пятаков купить. В дождь избы не кроют, а в ведра и сама не каплет (Оправдание лени). Спишь, спишь, а отдохнуть некогда. Тут волк в пастухах, а лиса в птичниках. Не плачь, козьяка, только сок выжму. Без труда не вынешь и рыбку из пруда. (vs От трудов праведных не наживёшь палат каменных). Нет молочка, так хоть сливок дай. И по рылу видно, что не простых свиней. Ныне люди таковы: унеси что с чужого двора, так вором назовут. Наша Дунька не брезгунька: жрёт и мёд. Хлеба не будет — станем пряники есть. Спи, государь денежки пришлёт! Чай, ты устал на мне сидя? Сперва ты меня повози, а потом я на тебе поезжу. Деньги некуда девать — кошеля купишь не на что.*

Возможность трудиться не интенсивно, не на износ, при низкой, но гарантированной заработной плате была привлекательной задолго до революции. «И до самого развала Советского Союза неистребимое и ныне племя «несунов» отвинчивало, отламывало, откручивало и разливало все «по маленьким баночкам» [2: 254–255].

В советской исправительно-трудовой системе воспитателями оказывались *блатари*, «социально близкие» администрации. «У них была своя антилагерная и антигосударственная идеология. Был свой фольклор, своя этика, свои суды, свои обряды. Они были лагерными героями... Три их наиболее существенные положения звучали примерно так: 1) право грабить ишущих; 2) отрицательное отношение к любой работе; 3) негативное отношение не только к государству, но и к обществу в целом. Судьба страны как таковой их не заботила... Их забота — жить вольно, не принуждая себя к работе, считавшейся формой насилия» [4: 341–342]. «И эта квазиидеология выплеснулась из лагерей в мир общегражданской жизни. Не отсюда ли потеря уважения к труду?» [3: 205].

Из газет: «Для россиян обогащение возможно только на халяву: стать чиновником, выйти замуж или получить наследство». «Статистов кремлевских молодежных организаций привлекает разнообразная халява». «Психология халявщиков делает популярным занятие нищенством». «На всех

мероприятиях Дня города москвичей ожидают бесплатные туалеты». «Абсолютная халява! Покупаешь входной билет всего за 800 рублей и всю ночь пьешь абсолютно бесплатно!».

Ироническое отталкивание от советской и постсоветской официальной заложено в самой природе народного языка. Канцелярскому новоязовскому «мертвословью» народ отвечал созданием своего «неказенного» языка. «Они делают вид, что платят нам зарплату, а мы делаем вид, что работаем». «Новые русские» — эпитет, применяемый к тем нуворишам, которые приобрели богатство сомнительным путем; обычный, обнищавший русский ненавидит их и завидует им одновременно.

В сказочном мире совков, которые «рождены, чтоб сказку сделать былью», коммунистический идеал «Мы не рабы» и «Каждому по потребности» переродился в разгульный лозунг: «Гуляй на халяву!»

Из фольклора: 1. «В самолете иностранной авиакомпании летит русский. Стюардесса предлагает всем напитки. Доходит очередь до русского: «Pepsi, sir?» Он качает головой. «Coca-cola, sir?» — «Нету бабок, бабок нету!» — «Oh, don't worry. Haliava, sir!». 2. «Халява! Каждому вырвавшему 10 зубов в нашей стоматологической клинике одиннадцатый зуб вырвем бесплатно!»

В «митьковском» переложении [10] Нового Завета концепт «халява» оказывается в поле жаргонизмов «оттяг», «кайф», «пофигизм»:

«Не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться» (Мф 6, 25). «Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их» (Мф 6, 26). — «Не напрягайтесь, ибо лишь *оттянувшиеся кайфуют*» (Ев. Мит. 6, 3). «Не заботьтесь о еде и крове, ибо лишь без напряжения *обломится* вам» (Ев. Мит. 6, 9). / «Не хлебом одним будет жить человек» (Мф 4, 4) — «Грешно митьку истинному *напрягаться* ради брюха своего» (Ев. Мит. 5, 6).

Представления, отличные от потребительских, проявляются на всех континентах, хотя не всегда осознаются. В. В. Налимов писал: «Создается впечатление, что многие так называемые развивающиеся страны совсем не готовы к тому, чтобы развиваться... Может быть, не всем народам доступна напряженность жизни, которая существует в западных странах, да и сами высокоразвитые страны долго ли будут в состоянии ее переносить? И главное, выдержит ли Земля напряженность, необходимую для всеобщего благополучия безгранично растущего человечества?» [3: 214–215].

Литература

1. *Елистратов В. С.* Словарь русского арго. М., 2000.
2. *Лебина Н. Б.* Энциклопедия банальностей: Советская повседневность: Контуры, символы, знаки. СПб., 2006.
3. *Налимов В. В.* В поисках иных смыслов. М., 1993.
4. *Налимов В. В.* Канатоходец. Воспоминания. М., 1994.
5. Народные русские сказки А. И. Афанасьева: В 3 т. Т. 1. М., 1957.
6. *Синявский А. Д.* Иван-дурак. Очерк русской народной веры. Paris, 1991.
7. Словарь воровского языка. Тюмень, 1991.
8. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г. Н. Складневской. М., 2008.
9. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2007.
10. *Юганов И., Юганова Ф.* Словарь русского сленга. М., 1997.
11. *McLovsky T., Klyne M., Chitchouplov A.* Slang Encyclopedia of Moscow Tsovka. London, 1997.

Специфика способов категоризации в разных сферах речевой деятельности

О. В. Евтушенко

Московский государственный лингвистический университет
ovae@list.ru

Дискурс, форма мышления, концепт, категория базового уровня

Summary. The report looks upon the possibility of differentiation of thought forms according to the means and level of categorization characteristic of them. The hierarchy of discourses is built in accordance with the level of conceptualization typical of them. The language means of formation of sub- and supercategories are analysed.

Вопрос о выделении разных форм мышления в зависимости от сферы человеческой деятельности одним из первых в российской филологической науке поставил А. А. Потебня

[6]. Он различал два способа формирования мысли — поэтическую и прозаическую речь — как воплощение противоположных мыслительных процедур — синтеза и анализа.

Венгерский философ Д. Лукач важной особенностью, возвышающей научное и художественное мышление над обыденным мышлением, назвал опосредованность, завершённую объективацию и четкую фиксированность структур [5]. Французские философы Ж. Делез и Ф. Гваттари обосновали существование трех форм творческого мышления — научного, философского и художественного — принципиально различным характером понятий, которыми эти формы мышления оперируют, и отношением к референции [2].

Изучив эволюцию концептов в разных типах речи, мы отобрали ряд признаков, на основании которых можно выделять самостоятельные формы мышления. К ним относятся: выраженность тенденции к обобщению и способ создания обобщающих категорий, стабильность или изменчивость концептов, в особенности выраженность тенденции к дроблению их структурных единиц, соотношение эмпирического и интуитивного знания, использование логического или иных принципов его структурирования, коллективный или коллективно-индивидуальный характер формирования системы знаний и другие. В докладе будет рассмотрен первый признак — выраженность тенденции к обобщению и специфика способов категоризации в разных сферах речевой деятельности.

Творческое мышление демонстрирует тенденцию к обобщению и формированию новых категорий, тогда как обыденное в основном следует общекогнитивному правилу: «Конкретные случаи всегда являются более значимыми, чем общие» [4: 107]. Проявление этих тенденций будет продемонстрировано на примере воплощения в фольклорных, разговорных, художественных, философских и научных текстах отдельных структурных единиц концепта *Любовь*.

Наибольший интерес представляет способ формирования философских концептов, поскольку обобщение в них проводится в обход стандартной логической процедуры объединения субкатегорий на основании общего признака. «...В противоположность тому, что происходит в науке, в концепте не бывает ни констант, ни переменных, так что невозможно различить ни переменных видов для некоторого постоянного рода, ни постоянного вида для переменных индивидов» [2: 32]. Несмотря на различия очертаний концептов в разных философских концепциях, способы обобщения, используемые при их создании, универсальны и немногочисленны. На примере философского концепта *Эрос* будут продемонстрированы два из них: укрупнение до универсальной категории (этот способ включает в себя два подхода: «безличный» и «антропобезный») и сужение до категории базового уровня (в этом случае осуществляется «антропостремительный» подход). Первый способ атрибутирует эрос как «общее для всех понятие» (Гачев), включающую категорию (в нее входят пол, секс, влечение, любовь). Тексты представляют его концептосферу как совокупность универсальных понятий: *Бытие — Мир — Космос — Хаос — Эрос*. Используются такие способы языкового отражения масштаба категории, как заглавная буква, персонификация, метафора стихий, употребление слова в позиции определяемого, основы — в составе сложных слов. Второй способ представляет концепт как включаемую категорию — разновидность любви или просто влечение. Таким образом осуществляется координация философских категорий и понятий, используемых обыденным мышлением. Концептосфера такой категории — *понимание — воля — влечение*. Масштаб категории передается в текстах строчной буквой, использованием сужающих значение производных (*эротика, эротизм*), постановкой слова в позицию определяющего (*любовь-эрос*).

Разное языковое оформление в разных дискурсах получают некоторые категории базового уровня. Так, в художе-

ственной речи отмечено стремление к использованию в этих целях отвлеченных имен существительных, для чего даже создаются узусальные номинации, в то время как в разговорной речи и в фольклоре фиксируются глаголы, имена прилагательные или наречия. Например, **влечение** (в соответствующем значении слово появилось в художественной прозе первой трети XIX в.; в номинативный ряд этой категории входят слова *тянуть, хотеть, лнуть*): *Обоснование животного — или чистого духа, могущего, за отсутствием платы, разрешить себе эту роскошь тяготения* (Цветаева) / *Настоящая любовь — это ... та, к которой ты тянешься, и та, которую не отпускаешь!* (forum.sirumem.com) / *Я, бывало, к Ване лнула, / А теперь рукой махнула* (Калужский фольклор). Глагол через категории времени и наклонения более тесно связан с ситуацией, чем существительное. Некоторые категории базового уровня в традиционной народной поэзии чаще воплощаются не в слове, а в высказывании. Это максимальный уровень конкретизации. Проанализировав материал, собранный за два десятилетия А. В. Ермаченко [3], мы не нашли в текстах семейно-бытовых песен таких отвлеченных имен существительных, как, например, *забота, верность*. Вместо них приводятся развернутые описания типовых ситуаций их проявления. Например, **забота**: *Под горой мужик лежит, / Никто к нему не бежит. / Сударушка увидала, / Скорехонько подбежала, / Скорехонько подбежала, / За рученьку поднимала* (Калужский фольклор). Тем более не встречаются отвлеченные существительные, зафиксированные в русской художественной литературе в эпоху ее зрелости — в идиолектах начала XX в., как например **требовательность**, ср.: *...Чувствовал, что любовь его (...) все возрастает (...) из-за ее напрягающейся силы, все более возрастающей требовательности* (Бунин) и *Он и чванится, ломается / У Дарьюшкиных ног. / — Уж ты, Дарьюшка, разуй, / Демьяновна, поцелуй* (Калужский фольклор).

В динамике процесс обобщения можно наблюдать, сопоставляя воплощение отдельных структурных единиц концепта *Любовь* в разных дискурсах. Так, например, осмысление некоторых ситуаций, не дошедшее до той степени обобщения, которая необходима для получения ими собственной однословной номинации в национальном языке и обозначаемых в фольклорных текстах высказыванием, может быть осуществлено творческим сознанием с помощью метафоры, причем художественная речь может начать с грамматической формы глагола, в то время как в научном дискурсе метафора сразу принимает форму имени существительного или именного словосочетания, ср.: — *Пропади с своим богатством, / Я — красавчик пред тобой. / За меня-то, за молодчика, / Люба девица пойдет, / А тебя-то, лиходейку, / Никто замуж не возьмет* (Калужский фольклор) → *...Она начнет тебя девальвировать... Она создаст твой образ, не похожий на тебя, но очень обидный... Твой образ превратится в труп* (Ерофеев) → **Разрушение образа** (перевод входа в словарную статью в словаре любовного дискурса Р. Барта [1]).

Литература

1. Барт Р. Фрагменты речи влюбленного / Пер. с франц. В. Лапцко-го. М., 1999.
2. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Пер. с фр. С. Н. Зенкина. М., 1998.
3. Калужский фольклор / Записал и обработал А. В. Ермаченко. Тула, 1979.
4. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. с англ. И. Б. Шатуновского. М., 2004.
5. Лукач Д. Своеобразие эстетического. Т. 1. М., 1985.
6. Потемня А. А. Мысль и язык. М., 2007.

Когнитивная метафора как способ выражения восприятия времени

А. В. Егорова

Московский архитектурный институт (государственная академия)
anavego@rambler.ru

Лингвофилософский анализ, концепт времени, когнитивная метафора, линейная модель движения времени, сериация, время как объект

Summary. The theses dwell on the concept of time expressed by different metaphoric means. Four types of cognitive metaphors describe different types of time models and time perception. These types correspond with a few philosophical approaches to the concept of time.

На протяжении нескольких тысячелетий феномен времени привлекает к себе внимание исследователей. XX век

ознаменовался повышенным интересом ученых, работающих в различных областях знания, к проблемам времени.

Можно с уверенностью сказать, что чем больше мы изучаем время, тем больше вопросов оно перед нами ставит.

Необходимо отметить, что особенностью реализации концепта «время» в языке можно считать то, что его «заземление», уподобление конкретному, происходит в метафоре [7: 240]. Говоря о когнитивной метафоре, нельзя не сослаться на книгу Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем». Авторы определяют суть метафоры как «понимание и переживание сущности (thing) одного вида в терминах сущности другого вида» [3: 27]. Характерной чертой таких абстрактных имен как «время» является отсутствие у них самостоятельной образности, поскольку они не обладают наглядностью. Эти имена сами становятся точкой приложения образа, их семантика задает им способность «быть метафоризируемыми» [7: 252].

Многие философы для описания феномена времени прибегают к использованию метафор. Хорошо известны слова древнегреческого философа Гераклита: «Нельзя войти в одну и ту же реку дважды». С философской точки зрения уподобление времени реке, водному потоку, свидетельствует о наличии у времени таких характеристик, которые позволяют отнести время к стационарным системам, т. е. к таким системам, в которых происходит непрерывное изменение отдельных элементов при сохранении устойчивости системы в целом [4: 202]. Представление о времени как о стационарной системе находит отражение в языке в предикативной метафоре «время течет» и в субстантивных метафорах типа: «поток времени», «течение времени», «река времени», в которых, по словам В. Н. Телия, конкретные существительные выступают в роли скрытых семантических предикатов [6: 141].

Рассмотрим другие предикативные метафоры, в состав которых входит слово *время*: «время ползет / идет / проходит / бежит / летит / мчится». Е. В. Падучева, подробно разбирая метафору времени с глаголом *идти*, пишет: «Язык предлагает нам модель мира, где существует метафизический процесс поступательного движения времени» [5: 773]. В данных примерах глаголы помимо собственно движения указывают также на заданность некоторого направления, поскольку все глаголы являются однонаправленными, и содержат оценку скорости этого движения, при этом само движение воспринимается как линейное. Такая модель времени в современной темпорологии получила название векторной.

Анри Бергсон в труде «Творческая эволюция» также обращается к проблеме линейности и сериации. Достаточно образно Бергсон описывает две модели восприятия такого свойства времени, как длительность. Он пишет: «Мое состояние души, продвигаясь по **дороге времени**, постоянно набухает длительностью, которую оно подбирает» [2]. В этой субстантивной когнитивной метафоре раскрывается представление о времени как о пути, она также описывает линейную модель. В этом случае «линия времени репрезентирует течение жизни или линию судьбы» [1: 689]. Далее

Бергсон отмечает восприятие человеком изменения состояний во времени, которые «рядопологаются, подобно разноцветным жемчужинам в ожерелье» [2]. Каждая жемчужина при этом воплощает отдельный момент бытия и предполагает существование некоей нити, на которой они расположены. Представление о времени как о череде событий, следующих одно за другим, находит свое отражение в языке. Чаще всего оно выражается повтором существительных со значением определенного отрезка времени с предлогом *за*, который содержит в себе сему следования.

Одним из первых ученых, в чьих работах время характеризуется как вещь, был крупнейший гуманист эпохи Возрождения, архитектор и теоретик искусства, Леон Батист Альберти. Альберти писал, что три вещи принадлежат человеку: душа, тело и время (*anima, corpo e tempo*) [9: 173]. По-видимому, речь у Альберти идет о времени, называемом в современной научной парадигме «индивидуальным». Индивидуальное время представляет собой время физическое, воспринимаемое каждой отдельной личностью по-своему. Вспомним начало поэмы В. Маяковского «Хорошо»: **Время — вещь необычайно длинная!**

Кратко суммируя вышесказанное, когнитивные метафоры, служащие способом выражения восприятия времени, можно разделить на несколько типов:

- Метафоры, описывающие время как поток, т. е. как стационарную систему.
- Метафоры, описывающие линейную векторную модель времени.
- Метафоры, описывающие сериацию, т. е. непрерывную последовательность временных отрезков.
- Метафоры, описывающие время как материальный объект, вещь.

Можно предположить, что в языке существуют способы метафорического выражения и других особенностей восприятия времени, которые требуют отдельного глубокого исследования.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1998.
2. Бергсон А. Творческая эволюция // <http://bergson-evolucionia.allphilosophers.ru/?q=1---ch-3>.
3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2007.
4. Любинская Л. Н., Лепилин С. В. Философские проблемы времени в контексте междисциплинарных исследований. М., 2002.
5. Падучева Е. В. К семантике слова *время*: метафора, метонимия, метафизика // Поэтика. История литературы. Лингвистика. Сб. к 70-летию Вяч. В. Иванова. М., 1999.
6. Телия В. Н. Типы языковых значений: Связанное значение слова в языке. М., 1981.
7. Чернейко Л. О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М., 1997.
8. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира: (Модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.
9. Alberti L. B. Opore volgari. V. 1. Bardu, 1960.

Трансформации вербализаторов концептов «мужчина» и «женщина» в русской языковой картине мира

В. А. Ефремов

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)
valef@mail.ru

Эволюция языка и языковой картины мира, концепты и их вербализаторы, трансформации

Summary. The report focuses on semantic, derivational, pragmatic, and stylistic transformations of nuclear nominations verbalized concepts "man" and "woman" in history of the Russian language and of the Russian language picture of the world. Hypothesis is that all the major transformations of the language inevitably affect on verbalization of these archetypal concepts.

В докладе исследуются основные изменения в вербализации концептов «мужчина» и «женщина» в истории русской языковой картины мира. Актуальность исследования определяется обращением к следующим современным проблемам лингвистики: постоянное и изменяющееся (константы и трансформации) в семантике лексических единиц, идеоэтническое и универсальное в языковой картине мира, гендерная составляющая языковой картины мира, аксиологическая шкала языка, лакуарность языкового сознания и картины мира. Объект исследования — ядерная составляющая фрагмента концептосферы, репрезентирующего пред-

ставление о мужчине и женщине — номинации человека по возрасту и полу (например, *мальчик, девушка, отрок, мужчина, дед, старуха* и др.), а также номинации представителей того или иного социального класса, которые связаны с развитием семантических структур ядерных единиц (например, *господин, мужик, баба, дядька, девка* и др.). Основной предмет исследования — специфика иерархического структурирования подобного рода номинаций лиц мужского и женского пола в ходе развития языка.

Концепты «мужчина» и «женщина» как архетипические для человеческого сознания относятся к разряду универсальных.

Для всех индоевропейских языков обязательны на уровне языковой категоризации понятия 'мужчина' и 'женщина' многочисленные оппозиции по возрасту (*мальчик, юноша, парень, молодой человек* и т. д.) и семейному статусу (*девушка, женщина, старая дева* и т. д.). Вместе с тем в разные эпохи базовые понятия картины мира концептуализируются по-разному.

Данный доклад посвящен истории семантических и прагматических изменений номинаций, обозначающих в русском языке XVIII–XXI вв. мужчину и женщину *per se*, т. е. вне какой-либо их этнической, религиозной, профессиональной и иной принадлежности.

Среди прочих трансформаций в докладе отмечаются:

- семантические: расширение значения (*мужик*), сужение значения (*муж*), метонимическая замена (*тетка*), дублетность (*брат* и его производные), народная этимологизация (*пацан*);
- словообразовательные: полное затемнение внутренней формы (*парень, жена*), опрощение (*отрок*), смена лексико-грамматической ориентации лексемы (*мужчина*);
- стилистические: мелиорация (*мужик*), пейорация (*баба*) и др.

Среди социолингвистических причин семантико-стилистических трансформаций вербализаторов отмечаются: языковая мода (*мадемуазель, мадам, мисс*), американизация языка (*супермен, метросексуал, ретросексуал*), вульгаризация (*пацан, баба*; современные жаргонизмы), пуризм (*дева* и ее производные в разные эпохи развития языка), современные попытки возвращения к речевому этикету XIX в. (*сударь, барышня*), утрата элементов традиционной русской культуры (*бобыль, вдова, милостивый государь*), оскудение словарного запаса и увеличение количества агнонимов (производные значения слов типа *девушка* и *дядька* в начале XXI в.) и др.

Анализ истории основных вербализаторов концептов «мужчина» и «женщина» убедительно показывает, что исторические изменения, характерные для жизни любого языка, особенно явно обнаруживаются на материале семантических и прагматических модификаций тех слов, которые обозначают базовые концепты любой культуры, например, «человек», «мужчина», «женщина», «ребенок» и т. д. Иными словами, чем глубже трансформации, переживаемые языком, тем вернее они отразятся на глубинных пластах языкового сознания и на концептуальной системе языка.

Прецедентный текст в ассоциативном поле концепта *дорога / ceļš* (по материалам ассоциативного эксперимента)

Э. С. Исаева

Даугавпилский университет (Латвия)

eisajeva@e-apollo.lv

Прецедентный текст, свободный ассоциативный эксперимент, ассоциативное поле

Summary. A free associative experiment in written form was carried out in order to identify the filling up of the associative row with the meaning «дорога / ceļš» in the minds of the Russian and Latvian languages naive speakers as well as to determine the place of precedent texts in the associative field.

Изучение прецедентных текстов входит в сферу интересов многих научных направлений в лингвистике. Большое количество научных работ посвящено определению феномена прецедентного текста и его видов (Ю. Н. Караулов, Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. В. Багаева, Ю. Е. Прохоров, Ю. А. Сорокин, А. Е. Супрун и другие).

Впервые термин «прецедентный текст» ввел Ю. Н. Караулов в работе «Русский язык и языковая личность». В ней он дает следующее определение этому понятию «Назовем прецедентными тексты, (1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широко окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности».

Наряду с наименованием «прецедентный текст», введенным Ю. Н. Карауловым, активно употребляются и другие определения: обязательные тексты (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров), логоэпистема (В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова), аллюзия (И. В. Фоменко), реминисценция (Н. В. Черемисина), текстовые реминисценции (А. Е. Супрун), прецедентные текстовые реминисценции (Ю. Е. Прохоров). Ученые понимают термин «прецедентный текст» и в широком, и узком смысле, но все исследователи сходятся в одном: прецедентные феномены относятся к национальной когнитивной базе.

За каждым прецедентным текстом стоит своя уникальная система ассоциаций, вызываемых им в сознании носителей языка. Заметим, что понятие ассоциации было знакомо Платону и Аристотелю еще в IV веке до н. э. Сам термин «ассоциация» был впервые употреблен Дж. Локком в его трактате «Опыт о человеческом разумении» (1698 г.). На характер ассоциаций, по наблюдению В. П. Белянина, влияют возраст, географические условия, профессия человека [1: 81]. В социолингвистических исследованиях А. А. Залевская обращает внимание также на зависимость ассоциаций от культурно-исторических традиций той или иной страны [2: 49]. «Поэтому ассоциации отражают различные аспекты народной культуры испытуемого и текстовые реминисценции. Большая часть ассоциаций обусловлена речевыми штампа-

ми и клише, свойственными данной культуре. Актуализация той или иной связи в ответе может зависеть даже от конкретной ситуации. Но принадлежность к одному народу, одной культуре позволяет выделить стабильный центр ассоциативного поля и определить относительно постоянные связи внутри него» [4: 122].

С целью установить наполняемость ассоциативного ряда со значением «дорога / ceļš» в сознании носителей русского и латышского языков, а также определить место прецедентных текстов в ассоциативном поле, был проведен в письменной форме психолингвистический эксперимент, основанный на методе свободных ассоциаций. В качестве слова-стимула информантам предъявлялось многозначное существительное «дорога / ceļš». Свободный ассоциативный эксперимент был ориентирован на аудиторию с еще формирующимся и уже сформировавшимся мировоззрением (школьники и студенты), что позволило осуществить «срез знаний» молодого поколения носителей языка.

В эксперименте принимала участие молодежь Латвии — учащиеся 12-х классов из 2 гимназий и 9 общеобразовательных средних школ города Даугавпилса и студенты I и II курсов различных факультетов Даугавпилского университета и Балтийской Международной Академии. Эксперимент проводился по трем исследовательским парадигмам: образовательной (одна социальная группа), возрастной (18–25 лет), национальной (русские и латыши). При этом использовался метод письменного анкетирования на родном языке: на русском было опрошено 500 респондентов (236 мужчин и 264 женщины), на латышском — также 500 респондентов (219 мужчин и 281 женщина). В процессе эксперимента им были предъявлены слова-стимулы *дорога, ceļš*, на которые они должны были реагировать любой словесной реакцией. Испытуемым предлагалось записать первую пришедшую им в голову реакцию (слово, словосочетание) на слово-стимул. На ответ отводилось 3 минуты, количество реакций не ограничивалось. При обработке результатов эксперимента учитывались все ассоциаты, в том числе и единичные.

В результате было получено 1868 ассоциативных реакций русских респондентов, а также 1775 ассоциативных реакций латышских респондентов. Из всех наименований были смоделированы ассоциативные поля слов-стимулов *дорога* и *ceļš*. Анализ показал, что 25% наполняемости полученных

ассоциативных полей составляют прецедентные тексты. Использование в речи прецедентных текстов — показатель уровня языковой личности. Школьники 12-х классов и студенты I и II курсов двух университетов в качестве прецедентных текстов в основном используют цитаты из популярных песен и художественных фильмов, а не образы русской, латышской и мировой культуры.

Литература

1. Белянин В. П. Введение в психолингвистику. М., 2000.
2. Залевская А. А. Межкультурный аспект проблемы ассоциаций; Словарь ассоциативных норм русского языка. М., 1977. С. 49–50.
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
4. Кудрявцева Н. Г. Ассоциативное поле концепта *столица* в сознании носителей русского языка (по материалам ассоциативного эксперимента) // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология». Том 19 (58). № 2. 2006. С. 121–127.
5. Прохоров Ю. Е. Социальный статус как прагмалингвистическая основа речевого общения и его роль в межкультурной коммуникации // Русский язык как иностранный: лингвистические проблемы. М., 1997. С. 13–24.
6. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000.
7. Супрун А. А. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. 1995. № 5. С. 17–29.

Концепты *годы (года)* как «переменные» концептосферы традиционной культуры

Г. В. Калиткина

Томский государственный университет
dasty2@yandex.ru

Традиционная культура, возрастные концепты, устойчивость концептосферы

Summary. This paper is devoted to changing the language-specific concept of the traditional culture «years» the same mental form from elite culture.

Своеобразие концептуализации мира в разных языках изучается в настоящее время широко и последовательно. Достигнутые результаты, в свою очередь, ставят вопрос о степени устойчивости концептов, иными словами, вопрос о «константах» и «переменных» национальной концептосферы. Фокус внимания культуры не остается неподвижным: даже ключевые концепты могут утрачивать свой статус, и новые ментальные образования занимают их место. В этом аспекте исследователи рассматривают, например, рецепцию иноязычных слов-концептов и их семантические преобразования. Подобное проникновение, однако, возможно не только на межязыковом уровне, но и при заимствовании в концептосферу традиционной народной культуры, репрезентированную диалектами, концепта элитарной культуры, который опредмечен литературным языком. Яркий пример — вытеснение в последние десятилетия в говорах Среднего Приобья лингвоспецифичного возрастного концепта *годы (года)* одноименным образованием.

Жизненный цикл — один из самых доступных человеческому наблюдению лик времени. В результате большинство известных культур так или иначе концептуализируют возраст. Русский литературный язык членит онтогенез на неравные стадии *младенчество — детство — юность — молодость — зрелость — старость*. Посредством растительной метафоры, правда, помимо *зрелого возраста (зрелости)*, описывается и *цветущий возраст*. Лежащий в ее основе номинативный признак (цветение) сдвигает данный возрастной этап в сторону молодости. Номинация *зрелости* подразумевает идею плода, урожая, приближая этот возраст к старости. Таким образом, стадия, представляющая собой вершину развития организма, остается безмянной. Русская традиционная культура сформировала концепт «совершенного возраста», в котором человек являет подобие совершенного творения Господня. В разных диалектных системах «входы» в этот концепт представлены единицами *пора, возраст, годы (года)* и т. д. Единство их концептуального содержания обеспечивает идея «полноты» (и абсолютности, и целостности) реализации всех потенций организма в этом возрасте.

В среднеобских говорах данный концепт известен под именами *полный возраст, возраст лет*, но чаще всего его объективирует имя *годы (года)*. Именно в стадии *годов* человек представляет собой *годную (гожую) душу, годного мужика, работника*. Пребывание совершенным, однако, не вечно: совершенство (под)дается человеку на какое-то время. Он должен проникнуть в эту темпоральную область: *войти в годы (года)*, существовать в ней: *(быть) в годах* и покинуть ее: *выйти из годов*. Континуум *годов* лишен какой-либо внутренней структуры, он целостен: *Наши года попали в самый переполах, в переустройёе жизни*. Пребывающая в темпоральной области совершенного возраста, человек находится в зените своего развития, что влечет неизбежное перемещение вниз при переходе в следующую воз-

растную стадию: *Я тапёр под годами хожу; Дак а Николай, он ведь тоже под годами*.

Первичность такого содержания концепта *годы (года)* в говорах верифицируется изоморфизмом языкового описания тех способов, какими можно проникнуть в темпоральную область совершенного возраста и его воплощений и покинуть ее: *войти в крепкость (крепость), в силу, в память — (быть) в крепкости (крепости), в могутё, в силе (силах), в самом соку, в самом прыскё — выйти из силы, из толка, из памяти; (быть) не в могутё*.

Поскольку пребывание в области совершенного возраста влечет за собой все преимущества реализации своего потенциала и своих прав, человек иногда стремится проникнуть туда хитростью, вопреки естеству времени. По свидетельству языка, эти деяния выступают как незаконное социальное взаимодействие, сделка: *подкупать (покупать) годы (года)* или противоестественное механическое увеличение возраста: *надставлять годы (года): Работников много [надо]. Вот и женились рано. Кодá шибко молодё, дак года у попа покупали; Мне то́ко семнадцать было, я замуж вышла. Обоим надставляли года. Сби́ли [= заставили] насильно. Молодё женили*. Человек не может желать сокращения периода *годов* для себя в силу его высокой ценности, но своими действиями может добиться его уменьшения для другого: *Сыночек утонул у меня, много он годочков отнял, горе-то большё*.

Именно в совершенном возрасте рождается опыт «самотожественности во времени» (Г. Люббе). В результате этот возрастной этап является основой темпоральной самоидентификации человека, «присвоения» времени, порождая формулу *наши (мои) годы, мое (наше) время: Свадьбы раньше четыре дня гуляли. Сколь готовит надо было, вечером — разго́нный ужин. Это всегда у жениха. Это в наших годах было, час ничё этого нету; А тодё, в наши времена, был один врач в Шегарским, и рáзе он к нам [в село] ездил?*

В последней трети XX в. из культуры элитарной, репрезентированной литературным языком, в концептосферу традиционной культуры проник одноименный концепт, в котором заключена идея старости. В отличие от совершенного возраста, из этих *годов* нельзя выйти. Они даются человеку во владение как имущество, как вещи: *Он уже час имеет годы; Года, да и здоровье плохое; Все худё стáры! Изработаны все, избрлены, все работали шибко. Все изработаны. И года. Года, года. Язык представляет этот континуум не как темпоральную область, по которой человек должен передвигаться, а как некий вещный объект со своими размерами: Я говорю: «Господи, я тоже болею. Года-то большие. Нам надо сидеть либо лежать»; Мясо принесут, сваят, принесут, накормят [дочери]. Больший года уж у меня. Большой года; Года у ней подходящие [= большие]; Года тоже глубёки уж. Эти годы (года) мешают человеку, поэтому он хотел бы поступить с ними, как с ненужными вещами: А Вася нóнче приехал, сосед: «Ну, чё, как здоровье-*

то?» Говорю: «Дак откинуть бы лет двадцать бы — ничё, ешиб мал-мало можно бороться. А счас уж я шибко плохо»; Ну, девятый десяток. Лет двадцать-тридцать отбросила бы.

Оба возрастных концепта могут периферийно описываться в рамках языковой модели активного времени. Интересно, что при этом в фокус внимания попадает практически одна и та же возрастная фаза, но интерпретируется она с разных точек зрения: (а) как отступление совершенного возраста: *Она как-то прибáливат. Года-то выходят. Зайтíть надо, попровéдовать; Всё охота полежать. Года ушли, да рблено было; Жизнь счас хорбша, но годы ушли;* (б) как приближение старости: *Кому жаловаться? Года подошли; Я говорю: «Ну чё, года подошли, худой пора быть»; Бью на пэнзию, года подошли, сразу [в]от из гóроду уехал.*

Концептуальный фрейм лексемы «лицо» в современном русском языке

Г. В. Клименко

Московский государственный лингвистический университет

al-juli@yandex.ru

Концепт, фрейм, лицо — лик — личность

Summary. The report present the analysis of the concept sphere of the word «face». As to the material for research there have been used lexicographical source and fiction, phraseological combinations and associative field. This concept-frame «face» has its complex representation at the lexical-semantic level with distinguish certain semantic zones.

В настоящее время актуальным направлением языкознания вообще и русистики в частности является выделение и детальное описание тех или иных концептов и концептосфер для воссоздания языковой картины мира. Когнитивная лингвистика использует определенный научный аппарат для достижения вышеуказанных целей, опираясь на такие понятия как концепт, когнитивно-дискурсивная парадигма, фрейм, когнитивная модель ситуации или объекта и др.

Нам представляется интересным и полезным исследование концептуального фрейма лексемы «лицо» в современном русском языке. Методика исследования включает в себя:

а) уточнение семантической парадигмы данного слова, которая в реальности значительно шире парадигмы, представленной в толковых словарях;

б) анализ механизмов расширения значения слова на основе внутренней и внешней метонимии (например, *лицо постройки, лицо автора*), на основе метафоры (*лицо института, на нем лица нет, на лице написано*) и синекдохи (*В гостиной появилось новое лицо*);

Обезличенным в результате интерференции концептов *годы (года)* возрастным континуумом требуются вторичные возрастные определения: *Котóры в средних годах, тоже с молодёжем играют, песни поют; Беркулёзны [больные] были редко, и то в молодых годах, а в пожилых уже говорят: «Всё, не заболел».*

Таким образом, опредмеченные разными подсистемами национального языка одноименные концепты могут противоречить друг другу. Дискурсивные данные показывает, что в среднеобских говорах уступил, оказался размытым именно исходный концепт. Однако в целом концептосфера традиционной культуры оказывается устойчивой как раз в силу ее принципиально диалектного характера (в терминах Н. И. Толстого), позволяющего ей избегать описанного давления в рамках иных ее локальных воплощений.

в) анализ синонимического ряда (*лицо, лик, рожжа, морда, физиономия* и др.) с целью выявления дополнительных смысловых оттенков;

г) анализ ассоциативных полей лексем *лик — лицо — личность*, позволяющий увидеть побочные смысловые связи, коннотаты оценочного характера и выявить «культурную специфику» словарных единиц;

д) сопоставление лексемы «лицо» с ее аналогами в других языках (англ. *face, person*, франц. *visage, personne*).

Проведенный комплексный анализ позволяет сделать выводы о том, что в русском языке концепт «лицо» является многокомпонентным, включающим в себя как прямые, первичные, так и вторичные номинации. Среди последних обозначение человека (индивидуума) характерно именно для русского менталитета. Анализ ассоциаций, в свою очередь, выявил четкую связь слов *лицо, лик, личность* с базовым национальным концептом «душа».

Применение комплексного анализа позволяет лучше понять механизмы языкового освоения реальности и выявить национальную специфику словарной единицы, точнее описать участок системы языка, вербализующий тот или иной концепт.

Концепт «луна» в творчестве А. С. Пушкина

О. Л. Коренькова

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

olkorenkova@mail.ru

Концепт, образ-символ, поэтическая модель мира, художественный мир

Summary. The article is about researching of the concept of «moon» in the A. S. Pushkin's works. His poems and prose open a content of this concept in a Russian linguistic model. The moon is a bright poetic figure in the artistic world of Pushkin, which represents author's worldview.

В пушкинской поэтической модели мира — земной мир — *подлунный*, он существует и развивается по законам луны: умирает и воскресает: «Луна же прибывает, убывает и исчезает, она — тело, подвластное всеобщему закону становления, рождения и смерти», она «возрождается из собственной сущности, следуя собственным, предназначенным ей путем» [3: 155]. Подобно луне поэт возрождается из «собственной сущности» — «заветной лиры»: *Нет, весь я не умру — душа в заветной лире / Мой прах переживет и тлея / И славен буду я, доколь в подлунном мире / Жив будет хоть один пиит.*

А. С. Пушкин в своем творчестве актуализирует не только «культурные факты» (Ю. С. Степанов), но и понятийные признаки концепта «луна»: «ночное светило» и «фазы луны». В пушкинской лирике луна — неременный атрибут ночи: *царица ночи* («Руслан и Людмила»); *Небес сокрылся вечный житель, / Заря потухла в небесах; / Луна в воздушную обитель / Спешит на темных облаках* («Кольна»); *Дуб-*

равы вновь оделись тьмою; / Пошла по облакам луна («Русалка»); луна как украшение ночного неба: *Всё тихо; ночь. Луной украшен / Лазурный юза небосклон* («Цыганы»). Так как для Пушкина луна — небесное украшение, поэтому она наделяется вещественными признаками драгоценных металлов: *золотая, серебряная.*

В художественном мире Пушкина присутствует образ молодого месяца: *Из облак месяц золотой, / Выходит ратник молодой; Но поздно... месяц молодой / Зашел; поля покрыты мглой* («Цыганы»); *Бывало только месяц ясный / Взойдет и станет средь небес* («Братья разбойники»); *полумесяц молодой* («Гроб Анакреона»); полной луны: *Вдруг увидя / Младой двурогий лик луны* («Евгений Онегин»); *Но только свет луны двурогой / Исчез пред утренней зарей,* («Руслан и Людмила»).

Многозначность образа-символа луны в пушкинской поэзии тесно связана с мифологическими представлениями и культурами, сформировавшимися в древности. В русском

фольклоре месяц — это символ мужского, богатырского, начала, что и отражено в произведениях Пушкина (образ славянского бога Велеса ассоциируется с ночью, лунной, водой): *Из облак месяц золотой, / Выходит ратник молодой. — / Меч острый на бедре сияет, / Копье десницу вооружает: / Надвинут на чело шолом, / И гибкой стан покрыт щитом: / Зарю латы серебрятся / Сквозь утренний в долине пар* («Кольна»).

Луна, напротив, символизирует для поэта женщину: [Татьяна Ларина] *утренней луны бледней*. В стихотворении «Яныш Королевич» главный герой на вопрос водяной царицы, бывшей возлюбленной, о том, счастлив ли он с молодой женой, отвечает: *Против солнышка луна не пригреет, / Против милой жена не утешит*. Здесь луна как символ нелюбимой женщины.

Пушкин для определения лика луны (месяца) часто употребляет эпитет «двурогий», а именно так называли полную луну (один рог — символ молодой луны), что напрямую связано с культом плодородия, с женским началом. В «Евгении Онегине» Татьяна, верившая преданьям простонародной старины... и предсказаниям луны... *вдруг видит младой двурогий лик луны*. В «Кавказском пленнике» встреча пленника и черкешенки происходит в вечерний час, *когда же рог луны серебристой блеснет за мрачною горой*. Но и месяц у Пушкина порой выступает символом женщины: у героини сказки — *месяц под косой блестит*. Вероятно, здесь речь идет о лунницах, женских украшениях-оберегах из бронзы или серебра в виде полумесяца, являющихся символами плодородия. В «Воспоминаниях в царском селе» Пушкин сравнивает луну с *лебедем величавым*. Это сравнение может быть основано как на сходстве движения (плавного, грациозного) небесного тела и птицы, так и на том, что лебедь — это воплощение женственности (царевна Лебедь).

Пушкинская луна — это символ любви и романтической грусти по ушедшей или неразделенной любви: *льет печально свет луна* («Зимняя дорога»); *Луна, как бледное пятно, / Сквозь тучи мрачные желтела, / И ты печальная сидела...* («Зимнее утро»); *печальная луна* («Евгений Онегин»); *уединенная луна* («Месяц»). В «Евгении Онегине» поэт сравнивает песнь любви с *ясной луной*.

Для описания света луны русский поэт часто использует глагол «озарять», подчеркивая яркость лунного света, а также внезапность и мгновенность этого события. Лунный свет обладает особыми магическими свойствами, с его помощью вершатся судьбы людей. (Ритмы Луны соединяют самые разные гармонии, симметрии, аналогии и участия, составляющие бесконечную «ткань», «сеть» из невидимых нитей, которые связывают одновременно человечество, дождь, растительность, здоровье, животных, смерть, перевоплощение, загробную жизнь и многое другое. Вот почему в столь многих традициях Луна олицетворяется как божество или действует через лунное животное, «ткущее» космическое покрывало и судьбы людей [3: 177].) Поэтому пушкинская яркая луна возникает в кульминационные события в произведениях или является их предвестником: *Я оставил Пугачева и вышел на улицу. Ночь была тихая и морозная. Месяц и звезды ярко сияли, освещая площадь и виселицу* («Капитанская дочка») [1, т. 5: 294]; *Луна сияла, июльская ночь была тиха, изредка подымался ветерок, и легкий шорох пробе-*

гал по всему саду. Как легкая тень, молодая красавица приблизилась к месту назначенного свидания. Еще никого не было видно, вдруг из-за беседки очутился Дубровский перед нею («Дубровский») [1, т. 5: 181].

В некоторых древних верованиях луна представляется страной мертвых (Греция, Индия), и именно в лунную ночь у Пушкина «оживают» жители потустороннего мира: *Ночь была лунная... Луна сквозь окна освещала их желтые и синие лица, ввалившиеся рты, мутные, полузакрытые глаза и высунувшиеся носы... Адриан с ужасом узнал в них людей, погребенных его стараниями...* («Гробовщик») [1, т. 5: 69–70]. (Луна покровительствует у Пушкина не только представителям «иноного мира», но и разбойникам, героям поэмы «Братья разбойники».)

Пушкин в «Евгении Онегине» называет луну *небесной лампадой*, а свет от лампы исходит тусклый (в словаре Даля — «лампада» — это ночник). В других стихах поэта лунный свет *бледный* (*бледное пятно* в «Зимнем утре»), *тусклый, туманенный, мутный, светит холодно* (в последнем случае подчеркивается одно из свойств лунного света — светит, но не греет. Но, например, в «Талисмане» *луна теплее блещет*). В произведениях Пушкина доминирует бледная цветовая гамма луны, однако, в стихотворении «Русалка» появляется образ *месяца красного*, который выступает предвестником таинственных и печальных событий. В стихотворении «Сраженный рыцарь» месяц светит *кровавым светом*, что усиливает впечатление от описания сражения.

Луна у Пушкина наделяется свойствами человека: при свете *трепетном луны* («Руслан и Людмила»), *томная луна, глупая луна* («Евгений Онегин»), *печальная луна; луна пред ней, как мертвая, бледна* («На небесах печальная луна...»). Она «очеловечивается» поэтом: *царица ночи, лик луны*. Не только луне приписываются человеческие свойства, но и человек сравнивается с лунной, месяцем: *Зачем арапа своего / Младая любит Дездемона, / Как месяц любит ночи мглу?* («Египетские ночи»).

Для описания движения луны и лунного света Пушкин использует следующие глаголы: *текла* («Окно»), *пробегала* («Наполеон на Эльбе»), *крадется* («Мечтатель»), *плывет* («Воспоминания в Царском селе»), *пошла* («Русалка»), *спешит* («Кольна»), *катится* («Утопленник»), *лунный свет мелькал* («Тень Фонвизина»), *брезжит лунный свет* («Послание к Юдину»), *лунные лучи скользят* («Заклинание»). Глаголы движения служат олицетворению луны и придают динамичность картине мира.

Луна — многозначный и многофункциональный образ в произведениях А. С. Пушкина, открывающий нам новые грани мировосприятия поэта. Через пушкинское поэтическое и прозаическое творчество раскрываются понятийные признаки, мифологическое содержание и открываются новые семантические ряды концепта «луна».

Литература

1. Пушкин А. С. Собрание сочинений: В 10 т. М., 1975.
2. Степанов Ю. С. Концепт // Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997. С. 40–76 (http://genhis.philol.msu.ru/article_120.shtml).
3. Эшаде М. Избранные сочинения. Очерки сравнительного религиоведения / Перев. с англ. М., 1999.

Любовь как possessивная метафора

А. В. Короткова

Ставропольский государственный университет

sashakorotkova@gmail.com

Когнитивная метафора, possessивная концептосфера, фрейм possessивности, концептосфера любви

Summary. In this paper we make an attempt to interpret «love» as a possessive metaphor. It may appear as one of following: «love is an item one can possess», «love relationships are possessive relationships» and «love is a possessor». We demonstrate that each of those metaphors is widely represented in Russian.

Занимаясь изучением категории possessивности, мы столкнулись с многочисленными примерами ее метафорического воплощения. Сфера possessивных отношений настолько широка в современном человеческом обществе, что в качестве объектов обладания мы воспринимаем не только предметы, но и людей, чувства, свойства, процессы и т. д. Это находит последовательное отражение в языке. Уже в XVIII веке проявилась склонность к замене выражений типа «я думаю»,

«я желаю», «я хочу» на «у меня есть идея», «я имею желание», «у меня есть намерение», что, по мнению Э. Фромма, является отражением тенденции все большего употребления в языке существительных и все меньшего употребления глаголов [3]. Конструкции «у меня есть», «я имею» употребляются в подобных случаях в переносном значении.

В ряду многочисленных понятий, которые могут быть рассмотрены в терминах обладания, в качестве объекта ис-

следования выберем «любовь». Мы опираемся на когнитивную теорию концептуальной метафоры Лакоффа-Джонсона. В этом случае «метафора трактуется как перенос когнитивной структуры, прототипически связанной с некоторым языковым выражением, из той содержательной области, к которой она исконно принадлежит, в другую область. ...происходит проекция одной концептуальной области на другую, своего рода экспансия концептов области-источника, в результате которой происходит захват и освоение ими новой области — области цели» [1].

Наша гипотеза заключается в том, что одним из способов осмысления любви является проекция концептуальной сферы possessивности на концептуальную сферу любви. Пересечение этих двух концептосфер проявилось, на наш взгляд, в появлении трех понятийных метафор «любовь — это предмет обладания человека», «любобные отношения — это отношения обладания», «любовь — это субъект обладания».

1. «Любовь — это предмет обладания человека»

Э. Фромм утверждает, что любовь не является предметом, поэтому ею нельзя владеть. Однако человеческое сознание уже давно привыкло считать ее таковым. Проследим, как данная когнитивная установка реализуется на языковом уровне:

- (1) Ты будешь **искать любовь** и, надеюсь, когда-нибудь **найдешь**.
- (2) Можно ли **купить любовь** за деньги?
- (3) Я не позволю **отнять** свою **любовь**.
- (4) Можно ли сразу **приобрести любовь**, когда обычной дружбы не было ни с кем?
- (5) Ребенок **принимает любовь** матери как должное.
- (6) Он всегда **получал достаточно любви**.
- (7) У меня не было **настоящей любви**.
- (8) **Не имея любви** нельзя судить другого человека.
- (9) Я на всю жизнь **сохранил любовь** к этому дому.
- (10) Однажды он **потерял любовь** и после никогда ее уже не **обрел**.
- (11) **Утратить любовь** проще, чем заново **обрести** ее.
- (12) Он **дарил** ей свою **любовь** и ничего не просил взамен.
- (13) Маша **отдавала** сыну всю свою **любовь**.

Сравнивая выделенные глаголы с теми, которые М. В. Милованова [2] включила в свою модель фрейма possessивности, мы обнаруживаем на примере любви последовательную реализацию всех possessивных субфреймов:

- начало possessии, включая предpossession и зарождение possessии (1), вступление в possessию (2), (3), (4), (5), (6);
- собственно possessия, в т. ч. имение (7), (8) и хранение (9);
- окончание possessии (10), (11), в т. ч. передача другому лицу (12), (13).

2. «Любовные отношения — это отношения обладания»

Отличие данной метафоры от предыдущей заключается в том, что отношение обладания распространяется не на чув-

ство как таковое, а на объект любви. Люди, вовлеченные в любовные отношения, представляются possessорами друг друга.

- (14) Они **нашли друг друга** в ранней юности и с тех пор **никогда не расставались**.
- (15) 10 способов **заполучить девушку мечты**.
- (16) Друг **украл у меня невесту**.
- (17) У **Ивана есть любимая девушка**.
- (18) У нее **имелся супруг**.
- (19) Она **потеряла любимого** на войне.
- (20) **Любимого никто отнять не может**.

Здесь также реализуются разнообразные фазы possessивности: (14), (15), (16) — начало possessии; (17), (18) — собственно possessия; (19), (20) — окончание possessии.

3. «Любовь — это субъект обладания»

Своенравная и могущественная сила любви с древних времен побуждала людей наделять ее свойствами некой высшей субстанции, руководствующейся собственной волей. У немецкого философа-гегельянца Бруно Бауэра встречается такая трактовка любви, где она предстает жестокой богиней, стремящейся, как и всякое божество, завладеть всем человеком и не удовлетворяется до тех пор, пока тот не отдаст ей не только свою душу, но и свое физическое «Я» [3]. Подобные взгляды формируют в сознании человека образ любви, распространяющей поле своей possessии на людей (21), (22), (23), их физические и нефизические «части» (24), (25) или даже жизнь (26).

- (21) **Любовь найдет** тебя повсюду.
- (22) Тебя у меня **любовь забрала**.
- (23) Им **овладела любовь**.
- (24) **Любовь владеет** нашими **сердцами**.
- (25) **Любовь завладела** всеми его **мыслями и чувствами**.
- (26) **Любовь подарила** мне **вторую жизнь**.

Таким образом, метафорическое восприятие любви как области possessивных отношений представляется достаточно продуктивным и имеет множественные реализации в языковом материале. Однако понятие любви далеко не исчерпывается идеей обладания в ней. Речь также может идти о понятийных метафорах типа «любовь — это путешествие» [1], «любовь — это болезнь», «любовь — это война» и, возможно, ряде других.

Литература

1. Кобозева И. М. К формальной репрезентации метафор к рамках когнитивного подхода. // Труды международного семинара Диалог'2002 «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии». М., 2002. С. 188–194.
2. Милованова М. В. Лингвокультурологические характеристики категории possessивности в русском и немецком языках. Дисс. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2007.
3. Фромм Э. Иметь или быть? М., 2000.

Лексикализация мифа как лингвокогнитивный феномен

С. А. Кошарная

Белгородский государственный университет

kosharnaja@bsu.edu.ru

Миф, концепт, слово, картина мира

Summary. Both mythological point of view of objects and analogical equalization inside conception's fields where vary important for the process of putting basic collective notions of ethnos about himself and other. Such notions are remained at level etymology of words and lasted in modern metaphoric meanings. At this reasons both etymologic and metaphoric meanings are able serve by foundation for reconstruction ancient shows of ethnos, were formed in context mythological image world.

Вопросы культурной семантики слова традиционно привлекают особое внимание, поскольку именно лексика наиболее перспективна для решения важнейших этнокультурных проблем [3: 38]. Слово способно не только замещать или представлять объекты действительности, но и дает возможность анализировать их, выявлять их свойства, вводить объект в систему сложных связей и отношений [1: 43 и след.], а потому этимологический дискурс в сочетании с лингвокультурной интерпретацией позволяет не только проследить эволюцию значений слов, аккумулирующих в себе комплекс образов, понятий, ассоциаций, отражающих особенности культуры и национального менталитета, но и

выявить когниции, стоящие за ними. Исходя из этого, моделирование фрагментов логико-понятийных систем, связанных с традициями и особенностями народной культуры, представляет определенный шаг к реконструкции архаичного мышления, и в этом смысле лексика, прошедшая длительный путь развития в составе общеславянского, затем восточнославянского и, наконец, русского языка, представляет собой транслятор архаических ментальных установок, представлений, концептуализаций.

В частности, сохранение архаических элементов языка в пределах концептуального комплекса «Человек — Природа» позволяет реконструировать его как основу мифологи-

ческой картины мира. Иными словами, данный комплекс может быть описан с точки зрения отражения в нем результатов мифологической концептуализации действительности. Это тем более актуально, что, в силу отсутствия исконной восточнославянской письменности, восточнославянская мифология не восстанавливается как свод текстов, но может быть реконструирована как архаичная когнитивная парадигма, в которой усматриваются особые отношения между элементами, или участками, бытия.

В этом аспекте может быть рассмотрена не только мифологическая лексика, но и номинанты, воспринимаемые сегодня в качестве реалионимов, однако в диахронии репрезентирующие мифологические воззрения. К примеру, на основании мифологизации тела как обложки души возник концептуальный параллелизм «Тело» — «Дом» (ср. родств. *око* и *окно* и др.), «Тело» — «Сосуд» (ср.: лтш. *tēls, tēle* — «образ, тень, изваяние, остов», *tēluōt* «придавать форму», а также русские метафорические соответствия: *откровенность* — «открытость, искренность» и *скрывает*, *скромность* = «закрытость» и «укромность», которые выступают как дескрипции *души* и представляют собой так называемые «потухшие» метафоры.). Соответственно душа была осмыслена как «содержимое» тела. Это явилось прологом мифологизации души как самостоятельной сущности, причём способной к акциональным проявлениям (ср.: лит. *siela* — «душа» и рус. *сила* того же корня, соврем. *душевные силы; слабодушие; слабость* — перен. «малодушие»). В этом контексте смерть воспринималась как разлучение души с телом (*душа отлетела*). Душа, существующая отдельно от тела, в русской МКМ выступает как *дух*, что получает вербальное выражение: одним из значений полисеманта *дух* является «бесплотное сверхъестественное существо» (соотношение *дух* — *душа* репрезентирует противопоставление *свободный дух* — *душа* репрезентирует противопоставление *свободный дух* (ср.: *вольный дух*) — *несвободный (душа в теле)*). Восприятие души как сущности, способной к отдельному, внетелесному — «безобразному» — существованию, засвидетельствовано многочисленными народными поверьями, быличками, где говорится о существовании злого духа, известного под именами *гнедке, гнеток, гнетеница* (ср.: *гнет, угнетать*), *жма, жмара* (родств. *жать, сжимать*), который по ночам мучает людей, наваливается на спящих, *душит*. Общим элементом здесь является представление о невидимости, отсутствии образа. Аналогичные проявления характерны для призрака неопределённого образа, проявляющегося как слуховая галлюцинация и известного в народных поверьях под именами *ман, мана* (ср. лтш. *tāpīt* — «вводить в заблуждение, обманывать»), *мороча* (родств. *мрак*, ср. *морочить* — «темнеть», укр. *морочити* — «одурять, лишать сознания», воронж. *морокун* — «колдун»), *блзна, блзня* (рус. *блзнить* — «искушать, сердить»; словен. и чеш. *blzniti* — «приводить в смущение, беспорядок» и «дурачить», ср.: д.-в.-н. *blāsan* — «дуть»). Эти же признаки приписываются славянскому *бесу* (в архетипическом

значении — «страх», ср.: лит. *baisa* — «страх», *baisus* — «ужасный»; польское диалектное значение «гнев», откуда более позднее — «злой дух», что сохраняется в словенском, чешском, польском языках), который *безобразен* < *безобразен*. По-видимому, следствием «визуальной» неразработанности образа является то, что в один синонимический ряд с лексемой *черт* входят «признаковые» слова *окаянный, лукавый, постылый, лихой, худой* (= «плохой»), которые репрезентируют отношение к объекту, однако не выявляют его внешних признаков. Как следствие подобных концептуализаций, возникли особые мифологические персонажи, осознаваемые как духи — стихии и духи, закрепленные за определенными локусами, — и соответствующие им мифологические именованья: *водяной дух, домовый дух, полевой дух* и т. п., *злой (или нечистый) дух* — «бес, дьявол».

Концептуальное взаимодействие, находящее отражение в области современной тропеизации и метафорики (*огонь души* и подоб.) как правило, является трансформированным продолжением архетипических понятийных связей. Тем не менее, мы не можем говорить о метафоричности самого мифа что проистекает из его гомеоморфизма (уподобление в мифе — это отождествление, а не сравнение). Мифологическое мышление метафорично лишь с точки зрения современного исследователя (архаичные отношения подобия воспринимаются ныне как сознательное уподобление, сравнение).

В целом можно предположить, что весь основной спектр мифологических знаний (слов-понятий), лежащих в основе русской наивной картины мира, наличествовал уже две — две с половиной тысячи лет назад и нашел отражение в праславянском языке (поэтому анализ той или иной русской мифологемы предполагает выход в область общеславянского), а затем имел свое продолжение в древнерусском (дописьменном, дохристианском). Кроме того, русская мифологическая картина мира включает ряд архаичных воззрений, восходящих к индоевропейской эпохе и вошедших в народную духовную культуру посредством трансмиссии: культура индоевропейская > культура общеславянская > восточнославянская > русская культура, на что указывал, в частности, Н. И. Толстой [2]. В этом контексте реконструкцию протозначения слова можно трактовать как *концептуальную и культурную развертку мифа по вертикали*, то есть в диахронии, исходя из чего мы говорим о таком феномене, как *лексикализация мифа*, то есть вербализация соответствующего элемента мифологической когнитивной парадигмы, его воплощение в слове.

Литература

1. Лурия А. Р. Язык и сознание. М., 1998.
2. Толстой Н. И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
3. Филли Ф. П. Историческая лексикология русского языка. М., 1984.

Роль референции и коммуникации в концептообразовании и исследовании концептов

Н. В. Крючкова

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

kryuchkovanv@yandex.ru, krutchkovanv@rambler.ru

Концепт, коммуникация, образование концептов, исследование концептов

Summary. The report deals with principles of studying referential, communicative and discursive characteristics of concepts.

Исследование концептов — одно из наиболее активно разрабатываемых направлений современной лингвистики. При этом большинство посвященных концептам работ представляют собой в основном анализ различных типов концептуального содержания. Иначе говоря, главный вопрос, на который отвечают исследователи, состоит в том, что в сознании носителей языка стоит за единицей языка. Меньшее внимание при этом уделяется коммуникативным свойствам изучаемого явления.

Вместе с тем концепты могут рассматриваться как структуры хранения знаний, имеющие не только когнитивную, но и коммуникативную природу. Коммуникация, дискурс являются средой концептообразования в противоположность распространенным в концептологии представлениям

о коммуникативной среде как о сфере использования концептов, в которой якобы лишь вербализуются («овнешняются») уже готовые знания, сложившиеся вне коммуникативной среды. Концепт — ментальная единица, формирующаяся в процессе ее функционирования в дискурсе, именно в нем получающая свою содержательную определенность. Именно дискурс обуславливает ту или иную компоновку существующих в сознании концептуальных признаков, актуализацию их отношений, переход «потенциальных концептов» в собственно концепты (ментальные единицы с определенным набором и отношениями составляющих элементов).

На характер взаимодействия сознания и коммуникации, концепта и коммуникации существенное влияние оказывает

фактор референции, то есть отнесенности данной ментальной единицы к определенному типу концептуализируемых объектов.

Концепты различной референциальной принадлежности обладают неодинаковыми коммуникативно-дискурсивными характеристиками.

Коммуникативно-дискурсивные свойства концептов различной референциальной отнесенности могут быть описаны на основе ряда параметров: роли конкретно-чувственного образа в формировании содержания концепта, включенности концепта в значимые для данной культуры ценностные оппозиции, характера культурно-ценностного компонента, структурной целостности, характера взаимодействия с другими единицами концептосферы, уровня национальной специфичности, уровня вариативности в рамках одной лингвокультуры, роли концепта в дискурсе (его способности структурировать дискурс, играть дискурсообразующую роль), осознаваемости и обсуждаемости (актуальности).

В качестве иллюстрации применения названных параметров к исследованию концептов кратко приведем анализ концепта социальной сферы ПРЕСТИЖ.

В содержании концептов типа ПРЕСТИЖ чувственный образ не является смысловым центром, определяющим потенциальные направления концептуализации и метафоризации. Этот образ в составе данного типа концептов носит дополнительный характер и может различаться у разных носителей одной лингвокультуры и меняться под воздействием культурно-исторических, социальных факторов, под воздействием моды. Такие концепты не имеют устойчивой части содержания, независимой от ценностных установок культуры и социума.

Содержание концептов типа ПРЕСТИЖ производно от социальной ценности. Такие концепты по природе своей социальны и идеологичны: они конкретизируют свое содержание в условиях дискурса, отражающего определенные социальные и идеологические установки.

Содержательным центром концептов типа ПРЕСТИЖ является ценностный компонент, определяющийся включением концепта в систему социально и культурно значимых соотношений и противопоставлений. Оценочный характер таких концептов является их сущностной чертой.

Концепты типа ПРЕСТИЖ не обладают структурной целостностью.

Эти концепты существуют в постоянном взаимодействии, «взаимопересечении» с другими концептами. В процессе своего функционирования они включаются в актуальную для данного дискурса систему концептуальных сопоставлений и оппозиций.

Концепты типа ПРЕСТИЖ за счет постоянного взаимодействия с культурными ценностями всегда подчинены особенностям национальной культуры.

Вариативность содержания является, по-видимому, принципиальным свойством концептов социальной сферы. Такие концепты характеризуются культурной, социальной, исторической, дискурсивной, возрастной и гендерной обусловленностью.

Концепты типа ПРЕСТИЖ, репрезентируя ключевые для данной культуры, эпохи или социального страта ценности, способны структурировать дискурс (быть темой речевого произведения) и детерминировать коммуникативное поведение носителей языка. Они становятся специальным предметом обсуждения и рефлексии и задают ценностную направленность дискурсу, определяя его восприятие носителями лингвокультуры.

Именно концепты типа ПРЕСТИЖ аккумулируют культурные ценности, выявляют значимые для данной лингвокультуры ценностные оппозиции. Они возникают только в рамках культуры, вырабатываясь в речевой коммуникации; их реализация происходит зачастую в текстах и контекстах, специально направленных на их экспликацию. Отражающие смыслжизненные ценности концепты типа СЧАСТЬЕ, ЛЮБОВЬ, СВОБОДА также могут быть отнесены к этому типу.

Степень осознаваемости концептов социальной сферы выше, чем у концептов, содержание которых целиком обусловлено конкретно-чувственными представлениями. В зоне сознания, в фокусе внимания оказывается то, что может подвергаться различным интерпретациям, то, что не имеет однозначного понимания. Поэтому осознаваемость эксплицируется, в частности, через обсуждаемость — возможность размышления, разговора о том, «что из себя представляет X?».

Концепты типа ПРЕСТИЖ только и существуют в обсуждении: все, что мы знаем об их содержании — это то, что о них обычно говорится.

Названные параметры применимы к концептам различной референциальной отнесенности, подробнее об этом см. [1].

Предложенные параметры функционального анализа концептов могут применяться в лингвокогнитивных исследованиях различной направленности — при описательном, сопоставительном и типологическом изучении концептов, могут быть положены в основу функциональной типологии концептов. Функциональная типологизация концептов может быть осуществлена с учетом совокупности взаимосвязанных признаков, каждый из которых в отдельности может характеризовать и какой-либо другой тип концептов. В рамках такой типологии будет происходить пересечение типов по ряду параметров, что в наибольшей степени позволяет моделировать концептосферу в ее естественном виде.

Литература

1. Крючкова Н. В. Концепт — Референция — Коммуникация. Саратов, 2009.

Художественная когнитивность: образ автора, концептуализация, стиль

Анна В. Кузнецова

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

E-mail: avk21@yandex.ru

Концепт, образ автора, стиль, художественный текст

Summary. The application of conceptual issues of the theory of reference to the conditions of the literary communication enable to define the status of speech subject in the literary text. The character and the scope of the units of the literary text as well as their relatedness to the objects of the conceivable world depend on the author's intention.

Применение основных положений теории референции к условиям художественной коммуникации создает возможность определения статуса субъекта речи в художественном тексте. От авторской интенции зависит характер и объем единиц художественного текста, их соотношенность с объектами мыслимого мира. Композиционно-речевая структура текста всегда личностна и отражает творческую манеру писателя, своеобразие его стиля и языка. Категория автора как иерархически самая высокая поэтическая категория фокусирует идейно-эстетическое, композиционное и стилевое единство художественного текста. Вопрос о роли субъективного фактора в пространстве художественного текста затрагивает проблемы языковой личности и автора как категории художественного текста.

Художественное произведение является целостной и замкнутой структурой, все элементы которой возводятся к образу автора как к единому организующему центру. Картина мира в художественном произведении не является зеркальным отражением мира, но всегда есть определенное автором его истолкование. Миропонимание осуществляется отдельным субъектом, который обладает различными природными способностями и наклонностями. Образ автора одухотворяет изображаемое, делая его эмоционально содержательным, эстетическим, художественным.

Попытки создания общеязыковой картины мира давали некоторую доминанту, которая определялась национально-культурными традициями и господствующей в обществе идеологией, — общезначимую, инвариантную часть. Струк-

турирование завершённой картины мира возможно лишь на основе установления иерархии смыслов и ценностей для отдельной языковой личности. Таким образом, это система, возникающая и развивающаяся по определённым законам, имеющая имманентно присущие ей свойства, которые воплощаются в идиостиле художника слова. Стилистическое развертывание дискурса задается вектором доминантных представлений личности, определяющих также и основные языковые средства, способ конкретизации образа.

Образ автора, или авторское Я, — основная категория стилистики художественной речи. Как всякая категория, она выражает общее понятие, отражающее наиболее существенное, закономерное. Как категория стилистическая, она воспроизводит во всеобщей и наиболее концентрированной форме принципы отбора и комбинации языковых средств, а также их эстетические трансформации в индивидуальной художественной системе — идиостиле писателя.

Идеи, события, характеры, факты описываются в художественном тексте средствами языка и, следовательно, только через язык могут быть постигнуты. Двойная сущность художественного произведения — моделирующая и знаковая — определяется особой природой искусства как информативно-когнитивной системы. Двойная сущность художественного произведения влечет за собой и двойное формообразование в виде объективного и субъективного стиля, стиля предмета и стиля писателя, которые репрезентированы в тексте как целое.

Несомненно, художественный текст представляет собой богатый материал с точки зрения возможности репрезентации индивидуальной картины мира. В рамках современной научной парадигмы назрела необходимость посмотреть на литературное произведение с новых позиций — с точки зрения концептуализации им мира.

Применительно к художественному тексту наиболее плодотворным оказывается синкретичный подход, объединяющий когнитивистскую и лингвокультурологическую трактовки концепта и концептосферы. Художественный концепт представляет собой актуализацию культурно-исторических и индивидуальных смыслов, поэтому он представляет собой единство признаков, релевантных для когнитологии (оперативность, гибкость, подвижность, субъективность, неструктурированность) и существенных для лингвокультурологии (инвариантность, содержательное наполнение концепта, отражающее результаты человеческой деятельности).

Поскольку концепт представляет собой лишь часть актуализированных смыслов, раскрывающих ту или иную идею, изучение концептосферы приобретает особую значимость применительно к художественному тексту, который обладает собственной внутренней референтностью, опосредованно отражающей события, явления, предметы внешнего

мира, это объективный мир авторского сознания, существующий независимо от истинности / неистинности реального события. Реальная модальность действительности и ирреальная модальность авторского вымысла принадлежат разноплановой референтности, являясь вместе с тем составляющими единой художественной системы. Динамическая структура языка художественной литературы тесно связана с этикой и гносеологией. В организации и осуществлении перспективных исследований поэтического языка как предмета современной филологии именно сотрудничество лингвистов и литературоведов приобретает особое значение. Такое сотрудничество возможно на основе объединения различных методов исследования, с одной стороны, и терминосистем филологических наук, с другой.

Мотив литературного произведения как литературоведческий термин может быть с успехом соотнесен с понятием семантического поля (в его различных модификациях), реконструируемого в данном художественном тексте. Семантическое поле в его синкретической форме, в свою очередь, может стать основой реконструкции поля художественного концепта, что подкреплено ассоциативностью самого материала исследования и возможностью включения тех или иных структурных единиц на этом основании в концептосферу конкретного произведения или автора. Тема, идея, проблема как компоненты содержательной стороны литературного произведения находят свое воплощение в концептах (художественных, национальных, универсальных) и символах. Именно концепты и символы дают возможность осмыслить мифопоэтику художественного текста и мифопоэтическое как специфику мировосприятия конкретного автора. Авторская модальность в лингвистической терминологии охватывает ту же сферу, что и понятия авторского замысла, идейно-тематического своеобразия в литературоведении.

Изучение семантических полей и полей концептов, реконструируемых на основе художественных текстов, плодотворно не только с точки зрения их взаимосвязей и воссоздания поэтической структуры в основном значении термина, но и с точки зрения соотношения тех или иных понятий в поэтическом сознании, так как в семантической поэтике анализ опирается прежде всего на такие части художественного смысла, как художественная концепция мира, поэтический образ мира и поэтическое видение. В них заключены основные смысловые единицы текста. Исчерпывающее описание семантики литературного текста выдвигает задачу построения такой модели художественного произведения, которая могла бы раскрыть смысловую нагрузку текста и механизмы его порождения. Все это требует выхода за пределы самого текста через анализ индивидуального стиля, так как *стиль — это отношение человека к миру*.

Петушок да курочка:

к когнитивному анализу аксиологической семантики русского и испанского слова

М. В. Кутьева

Российский университет дружбы народов (Москва)

marku2006@yandex.ru

Орнитоним, контекстуальный, символ, коннотация, лингвокультура

Summary. We consider metaphorical meanings' contextual metamorphoses of the words — *cock* and *hen*. Their symbolic meanings are compared not only in their codified significations, but also in real every-day usage and literature interpretations in Russian and Spanish.

Из всей природы только звери и птицы подобны человеку — поведением, образом жизни, выполнением основных биологических задач. Но названия одних и тех же представителей фауны в разных языках могут подразумевать совершенно противоположные антропонимические качества и обозначать аксиологически антонимичные признаки человека: *петух* — герой в испанской лингвокультуре и ничтожество в современном русском языке.

В фольклоре обеих лингвокультур образ петуха осмыслен как атрибут сил света. Функционально значим его цвет. Так, красный петух в русской лингвокультуре был символом богов-громовержцев. *Пускать красного петуха* означает 'поджигать', 'устраивать пожар'. Этот фразеологизм известен в славянских, германских и балтийских языках, но отсутству-

ет в романских. В испанской лингвокультуре *красный петух* — самоотверженный революционер, бесстрашный боец. Эпитет *красный* содержит сему 'агрессивность'. В песне о Че Геваре, воздающей ему почести, он назван *красным петухом*:

Hubo un tiempo
que eras fuerte
y peleabas como un gallo,
gallo rojo, tan valiente
comandante de este barrio

Было время,
когда ты был сильным
и дрался, как петух,
красный петух,
такой отважный.

Петух — тотемный знак галлов, символ независимости и свободы. В испаноязычных странах организуются петушиные бои, восхищение вызывает его отвага. Петуха издавна

помещали на башни, чтобы он предупреждал об опасности, как в «Сказке о золотом петушке» А. С. Пушкина, а у Н. В. Гоголя в повести «Вий» петух прогоняет нечисть: «Раздался петушинный крик. <...> Испуганные духи бросились кто как попало в окна и двери, чтобы поскорей вылететь». И в русских, и в испанских текстах петух часто выступает как глашатай утра и пробуждения. Начало нового дня ассоциируется с новой вежей в жизни: «Зачем *петух*, *глашатай новой жизни*, / На городской стене крылами бьет?» (О. Мандельштам).

В одном из стихотворений Ф. Г. Лорки *gallo* сопровождает образ луны, дарующей надежду, приобретает значение 'устремленность в будущее, добрые вести', восходящее к мифам и рассматриваемое в испанистике как традиционное: "Luna, luna, luna, luna, / *Un gallo* canta en la luna. / Señor alcalde, sus niñas, / Están mirando a la luna".

У римлян петух был фаллическим тотемом. В современной испанской разговорной речи слово *gallo* (петух) означает мужской член и / или маскулинность вообще. Иногда он выступал атрибутом персонифицированного распутства, символом драчливости и пролитой крови.

Сладострастным султаном курятника назвал петуха А. С. Пушкин в сказке «Руслан и Людмила»: «...за курицей трусливой, / Султан курятника спесивый, / *Петух* мой по двору бежал / И сладострастными крылами / Уже подругу обнимал».

Лексема *петух* — *gallo* входит в группу слов испанского языка, употребляющихся в фамильярно-бытовом регистре общения: «— Que quieres, *gallo*?» (J. L. Vilallonga. Fiesta) «Чего тебе, петух?» — формула абсолютно неммыслимая в диалоге носителей русского языка, если только не преследуется цель обидеть. Сказывается влияние уголовного жаргона.

В романе «Полковнику никто не пишет» Г. Г. Маркес мало внимания уделяет теме заботы своего героя о боевом петухе. Образ петуха нужен автору для раскрытия характера полковника Буэндия, который в отношениях с окружающими ведет себя подобно бойцовому петуху, ведомому агрессивной страстью. Аллегория *мужчина* — *петух* присутствует в романе абсолютно отчетливо: «— Esta tarde tuve que sacar a los niños con un palo — dijo. — Trajeron una gallina vieja para enzararla con *el gallo*. — No es la primera vez — dijo el coronel. — Es lo mismo que hacían en los pueblos con el coronel Aureliano Buendía. Le llevaban muchachitas para enzarazar». «— Сегодня мне пришлось прогнать детей палкой, — сказала она. — Принесли старую курицу, чтобы петух поттал ее. — Обычное дело, — сказал полковник. — В деревнях полковнику Аурелиано Буэндия тоже приводили девушек». Обращается внимание и на чисто финансовую ценность петуха: «— Es un *gallo* *contante* y *sonante*. Nos dará para comer tres años». «— Петух что надо. Обеспечит нас едой на три года».

Классический для испаноязычной культуры мотив петуха, связанный с очень важной для нее традицией петушиных боев, в романе Г. Г. Маркеса становится ключевым художественным символом, раскрывающим философию романа, основанную на национальном мироощущении.

Итак, переносные семы орнитонима *петух / gallo* характеризуются полярностью в русском и испанском языках.

В испанском языке за ним закреплена положительная оценка: это боец, агрессивность которого оценивается позитивно; в русском языке оценка отрицательная — 'лезущий на рожон глупец'.

Курица — женский символ. Несущая золотое яйцо курочка Ряба — один из популярных русских сказочных символов. В западном фольклоре мистификация связывалась с образом Черной Курицы. Кроме того, курица всегда символизировала обывателей. Она оказалась носителем глупости в русском языке. Ср.: «Разве я преподаватель? Такой человек, как я, только по недоразумению может работать в вузе. У меня развитие лягушки. Даже ниже — лягушачьего эмбриона. Обещаю к следующей сессии подтянуться и повысить свое развитие хотя бы до уровня *курицы*» (И. Грекова. Кафедра).

Назвать себя курицей — значит унизиться до предела: «Ах, милый, никакая я не Медуза, я просто баба и к тому же очень чувствительная, одинокая, несчастная, но поймите же меня — ведь и у *курицы* есть сердце!» (И. А. Бунин. Темные аллеи. Месть).

В испанском языке курица символизирует трусость, малодушие: «[El senador Trueba] iba de vez en cuando a tirar maíz a los cadetes de la Escuela Militar y gritarles que eran unas *gallinas*. (Allende I., p. 296)». (Сенатор Труба иногда швырял кукурузные зерна кадетам военного училища и кричал, что они *куры*. Перевод наш. — М. К.).

В испанском языке за лексемой *курица* закрепились негативная оценка, широко распространен фразеологизм «Они хуже кур»: "Son peores que las gallinas" (Serpa Enrique). В интер-форуме футбольных болельщиков значится фраза: «Son peores que las gallinas — se conforman con un empate» (Они хуже кур: согласны на ничью. Перевод наш. — М. К.).

В данных примерах существительное женского рода — *gallina* — относится к лицам мужского пола, что усиливает экспрессивность оценки, унижая вдвойне. В целом происходит расширение сферы применимости существительных женского рода к представителям мужского пола.

В русском языке, несмотря на наличие семы «глупость», курица не несет ярко выраженного отрицательного эмоционального заряда. Пейоративность оценки смягчена некоторой снисходительностью. *Курица* встречается в речи с уменьшительным суффиксом как ласковое наименование: «Твой суслик летит к своей *курочке* на крыльях любви» (Ильф и Петров. 12 стульев).

Что касается лексемы *клуша*, то в обиходе так называют курицу. В словаре В. И. Даля *клуша* определена как *наседка; квочка, клоктунья*. Отмечается и такое значение: «дурно одетая или закутанная женщина». Оно подкреплено фразеологизмами: *оделася клушей, окуталась кувалдой; в праздник груша, а в будень клуша*. В современном узусе *клушей* называют неработающую женщину, воспитывающей детей дома. На жаргоне *клуша* — девушка (вечно подросткового периода), проводящая все свободное время на дискотеках (от слияния слов КЛУбная ШАлава).

Итак, общая тема в русском и испанском языках, соответствующая орнитонимам *курица*, — посредственность. Различия сводятся к тому, что в русском языке *курица* обозначает глупость, в испанском — трусость.

Динамика языковой картины мира в условиях глобализации

Л. П. Лобанова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

lydia.lobanova@mail.ru

Summary. Methods of vocabulary study suggested here makes it possible to define the trends of developing the linguistic world view under the impact of the English language within the frames of modern global tendencies.

Языковая глобализация, под которой понимается современный процесс активного взаимопроникновения языков с доминированием английского языка, является наиболее мощным фактором влияния на динамику картины мира большинства развитых языков, в том числе русского языка. Это влияние не приводит, однако, к органичным изменениям языковых картин мира как порождению целого из целого в понимании Гумбольдта, но затрагивает их отдельные фрагменты неравномерно. Исследование состава семантических полей, наиболее подверженных изменениям в ре-

зультате многочисленных англоязычных заимствований, позволяет определить направления американизации языковой картины мира. Достаточно полную характеристику этих процессов может дать лексико-сопоставительный, морфологический и лексико-семантический анализ полного состава англицизмов. Каждое из этих направлений анализа заимствований преследует определенную цель.

Лексико-сопоставительный анализ состоит в поиске ответа на вопросы о том, каковы мотивы широкого потока англицизмов в русский язык; заполняют ли англицизмы какие-

то пробелы в картине мира русского языка, принося с собою знание о мире, ранее отсутствовавшее в русской культуре; в какие отношения они вступают с родным словарным составом русского языка. В результате такого анализа можно определить долю избыточных, дополняющих и дифференцирующих заимствований. Под избыточными мы понимаем лексические единицы, приходящие на место родных для русского языка эквивалентов и вытесняющие их. Именно этот состав слов представляется наиболее значимым для изучения динамики картины мира русского языка, поскольку речь идет в этом случае не о ее дополнении, а о качественном изменении. Дополняющими являются такие заимствования, которые расширяют словарный состав языка, приходя вместе с понятием, для которого не существовало эквивалента в русском языке. Дифференцирующими мы считаем заимствования, которые нельзя отнести ни к дополняющим, ни к избыточным, поскольку они являются частичными синонимами имеющихся в русском языке эквивалентов и служат тем самым средством семантической дифференциации.

Целью морфологического анализа является определение удельного веса разных частей речи в составе новых англоязычных заимствований. Это представляется важным с точки зрения динамики языковой картины мира, поскольку позволяет определить изменения ее сущностных характеристик, исходя из следующих соображений: во-первых, существительные в языковой картине мира называют предметы и явления, из которых она состоит, и представляют собою тем самым ее сущностное ядро; во-вторых, глаголы называют отношения, в которые вступают предметы и явления, представленные в языковой картине мира, действия, которые с ними производятся, их состояния и т. п.; в-третьих, прилагательные и наречия характеризуют эти предметы и явления, а также их отношения, состояния и действия с ними путем указания на их различные признаки.

Лексико-семантический анализ направлен на установление семантических сдвигов в языковой картине мира, а также мощности этих сдвигов путем определения состава семантических полей в членении полного состава англицизмов и их объемов.

Предлагаемая методика была применена автором к исследованию динамики картины мира немецкого языка, который испытывает на себе наиболее сильное влияние языковой глобализации. Результаты проведенного анализа представляют большой интерес не только применительно к немецкому языку, но также применительно к русскому и другим языкам в прогностическом отношении.

Результаты лексико-сопоставительного анализа англицизмов, заимствованных немецким языком в последние десятилетия (около 6500 лексических единиц), не оставляют

сомнений в том, что их поток избыточен и ведет к вытеснению огромного (пропорционально) числа понятий из немецкоязычной картины мира и замене их на понятия, вносимые из англоязычной картины мира: избыточные заимствования составляют более 78%, дополняющие — около 2% и дифференцирующие — около 17%.

В результате морфологического анализа установлено, что на долю существительных приходится 82% общего объема новых англоязычных заимствований; на долю глаголов и причастий — соответственно 8% и 1%; на долю прилагательных приходится около 5%, а на долю наречий около 2%. Из этого видно, что в картине мира немецкого языка происходят изменения преимущественно не за счет расширения представлений о характере понятий и действий, дополнения их признаков, способствующих их лучшему постижению, а за счет изменения самого состава понятий, привносимого из англоязычной картины мира. С учетом результатов лексико-сопоставительного анализа это позволяет утверждать, что для динамики языковой картины мира в условиях доминирования английского языка характерно не расширение представлений о мире, а вытеснение ее традиционных понятий и замещение их понятиями англоязычной картины мира.

Результаты лексико-семантического анализа оказались довольно неожиданными: вопреки распространенным представлениям о том, что основными путями проникновения англицизмов в другие языки являются информатика, поп-культура, спорт и реклама, обнаружилась совершенно иная картина. На долю информатики приходится всего около 8% общего объема новых англоязычных заимствований, на долю спорта — около 5%, на долю рекламы — около 3%, а на долю поп-культуры — менее 2%. Наибольшее число англицизмов заимствовано в макрополе «Повседневное общение» — их доля составляет почти 30%. На втором месте макрополе «Экономика» (около 19%), на третьем — макрополе «Общественно-политическая и культурная жизнь» (около 19%), а четвертое место занимает макрополе «Наука и техника» (около 14%).

Это означает, что преимущественными путями проникновения англицизмов в немецкий язык являются основные сферы общественной жизни. Вместе с этим становится также понятно, что изменения языковой картины мира затрагивают все основные сферы жизни общества, что может означать в прогностическом плане радикальные изменения культуры, приобретение немецкой культурой основных черт американской культуры. Это обстоятельство представляется более очевидным или менее очевидным исследователям, изучающим глобализационные процессы с точки зрения культурологии, социологии, этнологии, психологии и иных отраслей научного знания, однако язык дает наиболее объективные свидетельства.

Лексическая объективация концепта «бизнес» в современной публицистике (на материале газет «Независимая», «Завтра», «Известия»)

Д. К. Лопарева

Российский государственный гуманитарный университет (филиал в г. Тольятти)

1957@nm.ru

Когнитивное исследование, концептосфера, концепт рекуррентность, языковые репрезентанты

Summary. The paper is devoted to the analysis of representants of concept «business» which takes the basic place in the sphere of Russian language mentality concepts.

Смена общественно-политического строя нашей страны повлекла за собой и формирование новых концептов или, скорее, рекуррентность уже существовавших. Это касается и концепта «бизнес». Исследование выполнено в русле лингвокогнитивного направления. Считаем, что анализируемый концепт на сегодняшний день является важной составляющей в концептосфере русского народа.

В народном сознании слово иноязычного происхождения *бизнес* ассоциируется чаще всего с предпринимательской деятельностью, приносящей доход (а) и с деловой практикой компании (б). Таким образом, в сознании простого обывателя закреплены первое и третье лексические значения слова *бизнес*, отмеченные словарем, и поэтому именно они будут являться ядерными репрезентантами концепта.

Единицы ядра анализируемого концепта в представленной прессе обладают нейтральной коннотацией. Но следует от-

метить, что в газете «Завтра» по сравнению с двумя другими изданиями ядерных репрезентантов, содержащих нейтральную оценку в количественном отношении гораздо меньше, встречаются лексемы, содержащие негативную оценку.

К ядру концепта будут относиться и некоторые синонимы слова «бизнес», также обладающие нейтральной окраской. Среди них: предпринимательство, являющееся тождественным «бизнесу» по первому значению; фирма — по третьему значению.

Концепт «бизнес» обнаруживает помимо ядра и особую приядерную зону, репрезентанты которой не входят в лексическое значение лексемы *бизнес*, но имеют непосредственное отношение к нему и также являются обыденными понятиями.

Отсюда, к приядерной зоне концепта «бизнес» относятся лексемы *торговля, коммерция, бизнесмен, бизнесвумен, пред-*

приниматель и *коммерсант*. Несмотря на то, что структура концепта трех различных по политическим взглядам газет одинакова (это и понятно, газеты издаются в одной стране, с одними представлениями о мире, то есть с одним менталитетом), все же некоторые различия наблюдаются и в частности, в отношении и в эмоциональной окраске некоторых репрезентантов, а значит и всего концепта в целом. Сходная приядерная зона обнаружилась у газеты «Известия» и «Независимой газеты». Для них *коммерсант* обладает негативным значением и вследствие этого реализует концептуальный вектор неприятия. Гораздо больше эмоционально окрашенной лексики обнаружено нами в газете «Завтра». Так, лексемы, окружающие репрезентант *торговля* имели явно отрицательный характер, что позволило нам выделить в концепте вектор недоверия, тревожности. Среди репрезентантов, относящихся к организаторам бизнеса, особо выделенным оказался *бизнесмен*. Он обладал негативной оценочностью, в отличие, например, от *коммерсанта*, что позволило нам выделить еще один концептуальный вектор, реализующий значение неведения и недоверия людям бизнеса.

В основу классификации периферии концепта был положен морфолого-семантический принцип. Весь выявленный из публицистических изданий материал был разбит по частеречной принадлежности с учетом семантики лексических единиц.

1. В первую группу вошли сочетания типа глагол (и / или отглагольное имя существительное) + «бизнес». По семантическому признаку сюда относились сочетания слов, обозначающих «начинание ведения бизнеса»: *создать, построить, развить (развитие), заняться, податься, наладить* (в значении «сделать впервые»), *сделать, сколотить, открыть, удариться в, уйти в, рвануть в, вовлечь в, устраивать, втянуться, начать, унаследовать*, «ведение бизнеса»: *сохранить, укрупнять, старается подстраховаться от, инвестировать, преуспеть, защищать, инвестировать в, привлечение, процветает, курировать, пошел в гору, не царствует, расширить, приносит доходы, устраивать*, «окончание ведения бизнеса»: *продать, убить (дефолтом), прогорел, делить, задавить, сворачивать, выпал в осадок, отобрать, бросить, заглох, уходит из, разделить*, а также единичные случаи возможных происшествий с бизнесом в стадии его ведения.

2. Ко второй группе мы отнесли сочетания типа имя прилагательное + «бизнес». Они выражают качественную характеристику бизнеса. Данные сочетания можно разбить на несколько семантических групп в зависимости от того, какое именно качественное значение они в себе содержат: «обозначение вида деятельности»: *опиумный, игорный, антикварный, туристический, газовый, банковский, мебельный,*

политический, воровской, профильный, спортивный, сексуальный, охранный, нефтяной, научный, ресторанный, стритильный, полиграфический, газовый, винный, трансграничный, непрофильный, визовый, издательский, каретный, энергетический, банковский, железнодорожный, деревообрабатывающий, нефтеналивной, модельный, коммунальный, врачебный, рекламный, коллекторский, бумажный, ризлаторский, «мусорный», шоу-бизнес; 'отнесенность к определенному государству (национальности)': отечественный, русский, российский, европейский, международный, вьетнамский, армянский, национальный, британский, зарубежный, казахстанский; 'по объему инвестиций': малый, крупный, средний; 'по качеству (в широком понимании этого слова)': прибыльный, частный, маленький, семейный, культурный, окрепший, молодой, нарождающийся, криминальный, серьезный, доходный, глобальный (= большой), большой, варварский, взрослый, нелегальный, криминальный, мелкий, высокотехнологичный, честный, социально ответственный, нехитрый, корпоративный, уличный, безнравственный, высокоорганизованный, хороший, сверхдоходный, коррумпированный, незамысловатый, многомиллиардный, местный, локальный, подпольный, преступный, «подкрышный», налаженный, региональный, чиновничий, востребованный, малоперспективный, независимый, привычный, законный, олигархический, процветающий, наукоемкий, реальный, кровавый, совместный, инвестиционный, аморальный, контрабандный, разветвленный, капиталоемкий, фамильный, недобросовестный, полуправильный, незаконный, доморощенный, высокодоходный, официальный, цивилизованный;

3. К третьей группе мы отнесли сочетания типа «бизнес» + имя существительное (в форме прилагательного). Примеры подбиралась на основе сходства образования новых слов. Поскольку таких слов нами было обнаружено немало, нам представилось возможным объединение данных лексем не на основе семантического признака, а на основе словообразовательного. К данной группе нами были отнесены следующие лексемы: *Бизнес-структура, -район, -класс, -схема, -проект, -план, -контакты, -миссия, -визы, -партнер, -подразделение, -титан, -сделка, -элита, -карьер, -сезон, -ланч, -сфера, -центр, -сообщество, -модель, -салон, -авторитет, -операция, -школа, -интерес, -группа, -структура, -инкубатор, -активы, -климат, -лицо, -объединение, -модераторы, -круги, -услуги, -мудрость, -форум, -авто, -вожж, -короли, -зал, -образование, -монстры, опыт, -детские, -индустрия, -процессы, -конфликт, -союзы, -разведка, -пользователь, -менеджмент, -отражение, -планирование, -клиенты, -влияние.*

Анализ периферии концепта «бизнес» показал, что и на этом уровне есть существенные различия в восприятии концепта трех разных публицистических изданий.

Фразеоконцептосфера «человек — люди» как историко-культурный факт

Л. М. Любимова

Читинский государственный университет

nadezh-1@yandex.ru

Историческая фразеология, деловые памятники, устойчивые формулы

Summary. The paper deals with the problems of studying of historical phraseology. It gives the analyses of written Archive texts of the epoch the national language development connected with the characteristics of an individual in the system of Russia state organization. The exposing of phraseological semantics made it possible to prove that the Russian culture is a unique one because of the historical development of the nation.

Историки русского литературного языка могут объективно свидетельствовать, что качественное чтение и адекватное понимание древнерусских текстов, текстов эпохи формирования национального языка представляется невозможным без вхождения в семантическое поле устойчивых словосочетаний.

Особый интерес в истории национального языка вызывает эпоха XVII–начала XVIII вв. В истории развития книжно-письменного языка наиболее изменчивой сферой была деловая письменность. Деловой язык в отмеченный период испытывает заметные преобразования, он вбирает в себя то новое, что утверждается в разговорной речи русских людей. С течением исторического времени деловой язык становится динамичнее, неизменно расширяя свои функции, что способствовало его утверждению в роли языка государственного, обслуживающего все сферы жизни человека.

В задачи научного поиска при осмыслении роли деловых документов в создании основ национального словаря включается и проблема исследования формирования структурных типов устойчивых словосочетаний деловой речи; выявление условий их возникновения, постижение фразеологической семантики, а также степень интенсивности их употребления. Представляется, что в период своего становления и развития историческая фразеология должна опираться на историческую лексикографию. Исторические словари как общероссийского масштаба, так и регионального, в которых зафиксирован определенный лексико-фразеологический материал, могут послужить источником для изучения фразеологических фактов диахронного типа. Ценность региональных исторических словарей в их документальной базе — памятниках деловой письменности, которые были первыми источниками, объективно отражавшими реалии дей-

ствительности, внеязыковую картину мира прежних эпох. Выявление фразеологической семантики дает возможность почувствовать культурную уникальность, обусловленную историческим развитием нации.

Данные исторических словарей позволяют показать территорию распространения устойчивых словосочетаний, установить региональные вариации их использования, преобразование в ходе исторического развития человека и его языкового сознания, выявить специфику культурной коннотации. Так, анализ устойчивых словосочетаний по региональным сибирским историческим словарям показывает, что большинство выражений связано с государственным устройством и спецификой жизни в Сибири, то есть они являются живыми свидетелями жизни и деятельности человека в системе государственного устройства России и отражают определенный культурный этап в развитии русского общества. В частности, нерчинские деловые памятники, на базе которых создан «Исторический словарь Восточного Забайкалья» [1], имеют ценный фразеологический материал, он может быть использован для изучения фразеологического состава русского языка эпохи начального этапа формирования русского национального языка. В деловых текстах представлены устойчивые формулы, которые обслуживали разные сферы жизни русского общества (общественно-политическая жизнь, торгово-денежная сфера, судебно-юридическая, производственная деятельность и др.). Это фразеологические историзмы, узально устойчивые сочетания, которые принадлежат конкретной эпохе, конкретным жизненным ситуациям, они интересны тем, что демонстрируют интеграцию истории, языка и общества, хотя долговечность их ограничена.

Так, наши наблюдения показывают, что в региональных деловых памятниках нашла отражение разноплановая устойчивая терминология административно-юридического характера, определяющая категории людей по их должностным обязанностям, относящимся к той или иной социальной прослойке, оценивается социальный статус человека: *служилые люди; ссыльные люди; государские люди; гулящие люди; воровские люди; ясачные люди; устойчивые формулы, характеризующие людей по профессиональной принадлежности, по роду занятий: промышленные люди; торговые люди; дворовые люди; работные люди; купецкие люди; устойчивые выражения, характеризующие людей по этнической принадлежности: брацкие люди; китайские люди; улусные люди.*

Анализ семантики отмеченных моделей устойчивых словосочетаний показывает, что фразеоконцептосфера «чело-

век — люди», представленная в региональных памятниках, базируется на социальных параметрах: социальный статус, профессиональная принадлежность, названия людей по роду занятий, по этнической принадлежности. Заметим, что лексема «люди» не характеризуется многоликим языковым значением, но благодаря ее включению в термино-номинативный мини контекст, она приобретает социальную детализацию, благодаря чему становится семантически поливалентной и проявляет функциональную многозначность. Как видно, устойчивые формулы со словом «люди» обладают денотативной направленностью, закрепляя типичные черты социальной характеристики человека, тем самым придавая концептосфере «человек — люди» в русской национальной картине мира черты особой уникальности.

Отмеченные термины номинативного характера появились в языке в период интенсивного развития делопроизводства и закрепились языковой практикой XVII в. во фразеологической системе русского языка, о чем, как уже было отмечено, и свидетельствуют показания исторических словарей. Данные образования можно дефинировать как фразеологические историзмы, принадлежащие конкретной эпохе. Появились они в результате фразеологизации свободных словосочетаний.

Как видно, письменные деловые тексты накопили определенный потенциал устойчивых словосочетаний терминологического характера. Выработанная новая терминология за годы становления делового языка пополнила фразеологический слой языка, отражая и характеризуя специфику экономического, политического, социального и юридического строя старой России. Она создала свою картину мира, определяющую многие аспекты социокультурной жизни нации. Изучение семантики данных формул на определенном временном отрезке показывает специфику национально-языкового отображения жизни общества. Они способны служить знаками, характеризующими социальную структуру определенного этапа развития русского общества, отражают сложность и пестроту социальных отношений, имеют определенную социальную значимость как факта историко-культурных условий российской действительности эпохи становления нации и национального языка. Постижение семантики этих выражений вводит современного читателя в социокультурное пространство определенной эпохи развития государства.

Литература

1. Исторический словарь Восточного Забайкалья / Сост. Л. М. Любимова, Г. А. Христосенко. Чита, 2003. Т. 1. (А–З).

Трансформация оценочной семантики слова «элита» в русской языковой картине мира конца XX — начала XXI столетия

Т. В. Маркелова

Московский государственный университет печати
mpetrushina@mail.ru

Аксиология, прагматика, коннотация, транспозиция, лексикография

Summary. The change of pragmatic content of the word “elite” depends on extra linguistic factors and is carried out on the basis of transposition due to connotations in context and antithesis of communicative expectancies.

Основные элементы понятийного смысла оценки в языковой картине мира современника коррелируют с ее семантической интерпретацией и объективируются языковыми средствами функционально-семантического поля, где единицы всех уровней языка взаимодействуют, реализуя ценностное отношение говорящего в актуальном контексте употребления. Этот контекст формируется экстралингвистическими факторами и отражает социальное сознание говорящего. В условиях такого контекста слово *элита* — носитель прагматического содержания конца оценочной шкалы — «очень хорошо» — изменяет свою денотативную и сигнификативную природу; «размеры» своего словообразовательного гнезда; свою аксиологическую сущность на основе участия в оценочных высказываниях различного типа.

Словообразовательная транспозиция демонстрирует наряду с традиционными *элитный, элитарный, элитаризм, элитарность* современные *элитизм, элитистский, элитология, псевдоэлита, квазиэлита, контрэлита, госэлита*, в кото-

рых стиливая окраска формантов усиливает прагматические смыслы.

Лингвистические наблюдения за лексикографической интерпретацией семантики слова *элита* отражают смену иерархии семем в структуре полисеманта: словари XX века отдают преимущество денотату-предмету («Лучшие, отборные экземпляры, сорта каких-л. растений, получаемых путем селекции для отбора новых сортов»); в новых словарях XXI века на первое место выходит денотат-лицо («Лучшие представители общества или к.-н. его части») и происходит расширение семантической структуры за счет семемы — «привилегированная группа лиц, верхушка», реализующей сему «неравенство», «выгода», что демонстрирует изменение прагматического содержания слова в постсоветский период. Здесь частотность употребления слова *элита* резко усиливается, при этом наблюдается «перерождение» его позиции на аксиологической шкале. Когнитивное и коммуникативное «напряжение» концов шкалы: «очень хорошо» — «очень плохо» — через «фон» неразличения оценочных

знаков (ср.: *потрясающе, жутко* — и *хорошо, и плохо*) приводит к развитию внутренней энантиосемии, а также к появлению и закреплению отрицательной оценочной семантики в конкретных контекстах прежде всего публицистического дискурса: *аморфная, неэффективная, несправедливая, самопровозглашенная, самозванная, антидемократичная; не любима народом и чужда ему; денежная не значит элитная; властью оплодотворенная и изнуренная долларами* и др. Перечисленные препозитивные, постпозитивные атрибуты и оценочные предикаты, в основном, охватывают устойчивое сочетание *современная российская элита* (синонимы: *новая, высшая, сегодняшняя, властная, отечественная*).

Пути развития нового аксиологического содержания слова *элита*, в том числе иронически оценочного, олицетворяются рядом приемов, среди которых наиболее значимыми представляются следующие:

1) оценочные коннотации внешне «безоценочных» **территориально-географических** контекстов в их градации: *местная, российская, англо-германо-французская, китайская, американская, национальная, транснациональная, господствующая мировая, глобальная национальная элита*; а также контекстов общественного устройства: *деловая, политическая, промышленная, финансовая, корпоративная, правящая, социальная, асоциальная, государственная элита*: Конечно, *российскую финансово-промышленную элиту можно назвать сверхэффективной в части личного обогащения и агрессивной экспансии* (из газет).

2) антитеза коммуникативных намерений неодобрения / одобрения, порицания / похвалы в контекстуальных оппозициях, репрезентирующих ценностное отношение: *элита — контрэлита; каста — масса; элита — народ; элита — общество (россияне)*.

Стереотипный пласт языкового сознания: рефлекс, или неосознанная необходимость

Л. Б. Матевосян

Ереванский государственный университет

lianna_matev@yahoo.com

Стереотип мышления, речевой стереотип, языковое сознание, условный рефлекс

Summary. Stereotypical statements are arbitrary reactions on the external stimulus, which is a situation. The situation here has a conditional reflex function. Thus, linguistic consciousness is multilevel and the reflex-driven stereotype level is considered to be one of its structural supports.

Речевое поведение, как правило, адекватно отражает реальный мир — определенную социальную структуру с определенным типом мышления. Стереотип мышления навязывается социальной структурой и находит отражение в поведении человека, в частности, в речевом поведении.

В. М. Соковнин в интересной работе «О природе человеческого общения» пишет: «Очевидно, стандартизация, понимаемая как процесс установления стереотипов в предметной деятельности и человеческих отношениях, является одним из общих принципов построения организованных социальных систем» [3: 105]. Это же подчеркивает В. П. Левкович: «Чтобы функционировать как единое целое, как сложная социальная система, общество должно установить такие рамки поведения индивидов, в которых это поведение становится единообразным, стабильным, повторяющимся» [1: 212].

Появление стереотипных высказываний обусловлено прагматикой языка, его направленностью на общение, которая вызывает потребность в стандарте. Множественное повторение в общении однотипных речевых ситуаций привело к образованию коммуникативных единиц, типизированно обслуживающих такие ситуации. Роль стереотипных высказываний в процессе общения велика.

Языковое сознание многопластово. Стереотипный слой / пласт, наряду с мифопоэтическим, информационным, метафорическим (В. В. Красных), является *составляющей структуры языкового, или «лингвокультурного»* (Н. В. Уфимцева), сознания.

Стереотипные высказывания имеются в виде готовых фраз в ассортименте вербального мышления человека, но всплывают в памяти в определенной конкретной ситуации. Ситуация выполняет роль условного рефлекса. Стереотипные высказывания являются произвольной реакцией на с т у а ц и ю — внешний раздражитель. У некоторых людей стереотипные высказывания не возникают в голове вообще, ибо объем оперативной памяти человека невелик и у разных людей различен.

Действительно, весьма существенной особенностью характера людей является то, что при некоторых обстоятельствах совершаемые ими действия происходят в силу автоматизма, то есть без предварительного обдумывания, часто вопреки объективной логике. Однако автоматизм в действиях людей — это не только и не столько следствие биологических обусловленностей, сколько результат социального воздействия на личность. Биологическое здесь проявляется в «редуцированной социализированной форме» [2: 121]. Стереотипность мышления и речевого поведения обусловлена, очевидно, боязнью человека / людей остаться в «изоляции».

Стереотипный пласт, являющийся структурной основой языкового сознания и имеющий рефлекторную природу, значится в лингвокультурном сознании носителей языка. В сознании же инфоноров оно не отрелфлексировано. Обладая смысловой самостоятельностью, эти высказывания не могут быть правильно истолкованы вне соотнесения с фактами культуры, что подтверждает мысль, высказанную В. Н. Телия: «...чужая культура — это *идиома*», поскольку ее содержание не мотивировано для непосвященного в нее, а потому не прозрачно для него и *не отрелфлексировано*» [4: 226; курсив наш. — Л. М.].

Эту задачу, на наш взгляд, должна решать коммуникативная, а вернее, коммуникативно-когнитивная лингвистика.

Литература

1. Левкович В. П. Обычай и ритуал как способы социальной регуляции поведения. // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М., 1976. С. 212–236.
2. Педагогика высшей школы. / Отв. ред. Ю. К. Кабанский. Ростов-на-Дону, 1972.
3. Соковнин В. М. О природе человеческого общения (Опыт философского анализа). Фрунзе, 1974.
4. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.

Концептуализация аффективной информации в пространстве художественной картины мира русской литературы

Л. В. Миллер

Петербургский государственный университет путей сообщения

Ludmilavmiller@rambler.ru

Художественная картина мира, художественный концепт, аффективное содержание художественного текста, концептуализация эмоций, аффективный концепт

Summary. The paper deals with the problem of emotional content of fictional texts. The author analyses some subtextual factors, which could help to understand better emotional meaning of art discourse.

Как показывает анализ результатов филологических исследований художественной литературы, далеко не всегда в

них уделяется достаточное внимание «аффективному содержанию» произведения. Детально осмыслению подвер-

гаются, как правило, когнитивные формы художественной деятельности человека (образы, представления, понятия, суждения), аффективные же ее формы (эмоции, оценки, интенции) зачастую упускаются из виду. Представляется, однако, что постижение художественного смысла предполагает детальное изучение всех сторон художественной коммуникации: языковой, смысловой, образной и эмоциональной, чувственной.

Способы экспликации «аффективных» составляющих художественного текста — весьма серьезная и малоизученная проблема, поскольку эти составляющие проявляют себя в сложном пространстве взаимодействия авторского замысла, текста, реципиента и национальной художественной картины мира. Тем не менее, есть основания считать, что *аффективные художественные концепты* (концептуализированные аффективные смыслы, провоцирующие типовую стандартизованную эмоциональную реакцию на фрагмент художественной картины мира) оказывают очень существенное влияние на осуществление художественного переживания и восприятие содержания произведения в целом. Такие концепты не в меньшей степени ответственны за возникновение эмоций в читательской душе, чем «инновационная» часть содержания произведения литературы. В некотором смысле такой концепт может быть рассмотрен как *внутренняя форма* художественного высказывания, которая, подобно внутренней форме слова в концепции А. А. Потебни, содержит накопленный коллективный художественный опыт и позволяет обнаружить прототипические основы авторского эстетико-смыслового решения, показать, от чего зависит его «эмоциональная окраска».

Актуализация названной внутренней формы сопровождается эмоциональной реакцией, которая может не являться результатом восприятия выраженной в тексте авторской эмоции. Авторскую эмоцию, конечно, можно воспринять, но это не всегда означает, что читатель ее обязательно будет разделять. Вполне возможно после осуществившегося воссоздания воображаемого объекта возникновение совсем другой эмоции: произведение способно натолкнуть на эмоциональное решение, которое в нем не заложено.

Продемонстрировать работу механизма концептуализации эмоциональной информации и выявить особенности возникновения эмоциональной реакции, «спровоцированной» аффективным концептом, можно на примере анализа эмоционально-оценочного смыслового комплекса *Падшая женщина*. Выбор этого художественного концепта обусловлен именно его универсальностью: начиная с Евангелия, образ падшей женщины является одним из ключевых в мировой художественной культуре. Логично предположить, что установление культурной специфики такого концепта может многое «рассказать» о национальном художественном сознании и ментальности в целом.

Чтобы нагляднее продемонстрировать механизм воздействия аффективного концепта *Падшая женщина* на восприятие текстов, в которых имеется такой образ, мы обратились к непритязательной в художественном отношении повести В. Кунина «Интердевочка», которая (и это представляется весьма значимым) была экранизирована одним из самых известных и талантливых российских режиссеров П. Тодоровским. И повесть, и фильм, сделанный «близко к тексту», имели необыкновенный успех: только в 1989 году фильм посмотрели более 40 миллионов зрителей. В этом году фильму исполняется 10 лет, и в «юбилейных» публикациях его называют не иначе как «классикой нового российского кино».

Однако если вникнуть в смысловую ткань «Интердевочки», возникает противоречивое и даже парадоксальное впечатление. Парадоксальность его заключается в том, что сочувствие и жалость к главной героине, Тане Зайцевой, которое испытывают читатели и зрители, практически не «подкреплена» непосредственно текстом. Таня не скрывает, что выходит замуж не по любви. Для нее очень важно, «какое платье на ней надето и сколько она за него отвалила», деньги имеют для нее существенное значение, ее мечты очень «материальны»: «Хочу свой дом, свою машину!.. Хочу зайти в магазин и купить ту шмотку, которая мне нужна, а не переплачивать фарцовщикам втридорога». Таким образом, рациональный анализ повести подводит нас к мысли о том, что система ценностей ее героини утилитарна и соотносится с мещанскими представлениями об умении жить. Да и жизнь, которую ведет Татьяна, далека от того мира «униженных и оскорбленных», который мог бы дать основания увидеть в ней жертву социальной несправедливости. Занятие древнейшей профессией не вызвано никакими внешними причинами и также не находит оправданий в тексте.

Такое положение вещей в принципе нехарактерно для художественной картины мира русской литературы, так как образ положительной героини в ее пространстве не может коррелировать с поддельными ценностями того, что в национальной традиции принято называть пошлостью. Почему же все это остается как бы вне поля зрения читателя и зрителя? Почему ни прагматизм, ни некоторая вульгарность, ни грязь профессии «не пристаю» к Тане? Почему и в ней мы угадываем «вечную Сонечку»?

Ответить на этот вопрос дает основания реконструкция художественного концепта *Падшая женщина*, который имеет ярко выраженную этнокультурно обусловленную специфику и неявным образом воздействует на воспринимающее сознание, задавая границы интерпретационного спектра.

Материалом для описания содержания художественного концепта *Падшая женщина* послужили такие произведения, как «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского, «Надежда Николаевна» В. М. Гаршина, «Яма» А. И. Куприна, «Припадок» А. П. Чехова и некоторые другие.

Ключевое слово концепта «женщина» в диахроническом аспекте

И. А. Морозова

ГОУ ВПО «Борисоглебский государственный педагогический институт»,
ГОУ ВПО «Московский педагогический государственный университет»
iraida_morozova@mail.ru

Концепт, ключевое слово, семантические и грамматические трансформации

Summary. The subject of this study is the functioning of the lexems *wife, woman* in the history of Russian literary language. The author defines changes in semantics and using of these words, basing on findings from the lexicographical sources.

Изучение ментальных единиц в когнитивной лингвистике начинается с определения и всестороннего рассмотрения лексической единицы, которая наиболее полно номинирует исследуемый концепт. С целью описания ключевого слова (слова-репрезентанта, имени) концепта «женщина» мы проанализировали различные толковые и этимологические словари: «Материалы для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, Словарь русского языка XI–XVII веков, Словари В. И. Даля, Д. Н. Ушакова (1 изд.), БАС (1 и 2 изд.), МАС (2 изд.), Словарь С. И. Ожегова (1960 и 1990 гг.), БТС С. А. Кузнецова, МТС В. В. Лопатина, Л. Е. Лопатиной, Словарь Л. И. Скворцова; этимологические словари А. Г. Преображенского, М. Фасмера, П. Я. Черных, Н. М. Шанского и др.

Проведенное исследование позволило выявить следующие трансформации, связанные со словом-репрезентантом изучаемого концепта:

1. Перераспределение имени концепта. До XV века использовалась лексема *жена* которая в структуре значения имела 2 ЛСВ: 1. Женщина. 2. Жена, супруга. Первая семема является первичной. Слово *жена* (общеслав. индоевр. характера) именно в этом значении восходит к более древнему «рождающая», что указывает на основную, значимую функцию женщины в древнем обществе. Лексема *женщина* в памятниках письменности встречается с XVI века, до XIX века наблюдается параллельное существование этих слов, а с начала XX века для обозначения лица, противоположного по полу мужчине, чаще употребляется лексема *женщина*. В лексеме *жена* указанное значение уходит на периферию и в толковых словарях (начиная со Словаря Д. Н. Ушакова) маркируется как устарелое с дополнительной стилистической окраской (поэтическое, высокое).

2. Семантические модификации, которые заключаются в возникновении / исчезновении семем в смысловой структуре слова. До XIX века в лексикографических источниках отмечается дефиниция «женщина», в Словаре В. И. Даля дифференцируются 2 значения «лицо женского пола, пртвп. *мужчина*; жена или жёнка, не девица». В Словаре Д. Н. Ушакова указываются уже 4 значения, к двум из них имеются оттенки значений: 1. Лицо, противоположное мужчине по полу. || Лицо женского пола как типическое воплощение женского начала. 2. Взрослая, в противоп. девочке. || Лицо женского пола, начавшее половую жизнь, в противоп. девушке. 3. Лицо женского пола легкого поведения, кокетка (*фам.*). 4. Женская прислуга (*разг.*). Впоследствии 3 и 4 значения будут утрачены из-за социальных и культурных преобразований в обществе, а также в связи с использованием других лексических единиц для выражения данных значений.

После расширения значения лексемы *женщина* с середины XX века наблюдается процесс сужения значения до двух ЛСВ: 1. Лицо, противоп. мужчине по полу. 2. Лицо женского пола, вступившее в брачные отношения (Словарь С. И. Ожегова, МТС В. В. Лопатина, Л. Е. Лопатиной), а также до одного ЛСВ с различными оттенками значения: Лицо, противоп. по полу мужчине. || Лицо женского пола как воплощение определенных свойств, качеств. || Лицо женского пола, состоящее или состоявшее в браке (БАС (1 и 2 изд.), МАС, Словарь С. А. Кузнецова), последнее изменение составителями словарей трактуется не как различие в значениях, которое опирается на различия в обозначаемом — денотате, а как смысловое варьирование в пределах одного значения. Сокращение объема семантемы ключевого слова концепта, которое отражено в толковых словарях второй половины XX века, обусловлено как социальными изменениями, так и языковыми факторами. В результате последние десятилетия лексема «женщина» имеет стабильную семантическую структуру.

3. Процесс изменений в семной структуре значений, связанный с появлением и частичной заменой отдельных семантических компонентов. Так, на рубеже XX–XXI веков в словарную дефиницию лексемы *женщина* были добавлены фрагменты «та, которая рождает детей и кормит их грудью» (Словарь С. И. Ожегова 1990 г., МТС В. В. Лопатина, Л. Е. Лопатиной), «взрослая, вышедшая из состояния подростка» (Словарь Л. И. Скворцова), сема «лицо» заменена на сему «взрослый человек» (МТС В. В. Лопатина, Л. Е. Лопатиной). Полагаем, что авторы указанных словарей эти семантические компоненты классифицируют как определяющие, поэтому и

помещают их в словарную статью, что особенно было актуально для России в период демографической кризиса.

4. Морфологические трансформации, относящиеся к характерной принадлежности и лексико-грамматической характеристике ключевого слова концепта. В проанализированных этимологических словарях указывается, что слово *женщина* образовано с помощью суф. *-ина* (по образцу отвлеченных и собирательных на *-ин-а*, ср. такие образования, как *земщина* и т. п.) от *женска*, субстантивированного прилаг. со значением «женщина», известного в диалектах и некоторых других слав. яз. и сейчас. Первичное значение было собирательным; ср. с собир. знач. др.-рус. *женство* — «женский пол», «женщины» (еще у Даля: *женство* — «женщины») — образование, соотносительное с прил. *женьска*, *женьский*, зафиксированными в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского.

Таким образом, получаем словообразовательную цепочку: *жена* (конкр. сущ.) — *женска* (прил.) — *женска* (субстантивир. прил. — собират. сущ.) — *женщина* (конкр. сущ.). Данные трансформации обусловлены различными причинами, с одной стороны, стремлением языка к абстрактности, с другой стороны, необходимостью дифференцировать разные значения. После появления конкретного существительного *жена* с развитием абстрагирующего начала в языке возникает потребность в обозначении признака предмета и пола, затем необходимо было разграничить на уровне лексем, а не семем, как это было в слове *жена*, социальный статус женщины и ее общее обозначение. Поэтому с течением времени в лексической системе закрепляются разные номинации для обозначения лиц женского пола: *женска*, *женство* (собират. значение) — *женщина* (конкр. сущ.) и для обозначения семейного положения женщины (*жена*).

5. Изменение состава словообразовательного гнезда с корнем *жен-*. К началу XX века постепенно исчезли из языка лексемы: *женство* «женский пол», *женствовать* «быть женой или женщиной вообще», *женима* «наложница», «замужняя женщина», *жениска* «уничиж. к жена (супруга)», *женовать* «быть женою» и др., зато в этот период появились сложные слова с первой частью *жен-*: *женделегатка*, *женотдел*, *женсовет* и др.

Таким образом, ключевое слово концепта «женщина» в истории русского литературного языка претерпело различные семантические и грамматические трансформации, которые были обусловлены внутриязыковыми и экстралингвистическими причинами. Отмеченные факты свидетельствуют об эволюции концепта «женщина» в русской языковой картине мира, об изменении его содержания и структуры.

Структура концепта времени в окказиональной картине мира

И. А. Нефляшева

Адыгейский государственный университет (Майкоп)

indef@mail.ru

Словообразование, окказионализм, картина мира, концепт, когнитивная модель

Summary. The paper is devoted to the structure of the concept 'time' considered by part of an occasional world picture.

Понятие языковой картины мира (КМ) как отражение средствами языка совокупности представлений человека о мире, как способ концептуализации действительности является отправной точкой для многих исследований в сфере когнитивной лингвистики.

Роль словообразования в моделировании языковой КМ убедительно доказана Т. И. Вендиной: «оно позволяет понять, *какие* элементы внеязыковой действительности и *как* словообразовательно маркируются... ибо уже сам выбор того или иного явления действительности в качестве объекта словообразовательной детерминации свидетельствует о его значимости для носителей языка» [3: 9].

Исходя из специфики новых слов речи — окказионализмов представляется возможным ввести понятие *окказиональной* картины мира. Окказионализм, созданный однократно для нужд сиюминутной коммуникации, представляющий собой отражение фрагмента действительности, наиболее приближенного здесь-и-сейчас к человеку говорящему, как ни одна другая единица языка / речи выражает его когниции, его коммуникативные задачи.

Отличие окказиональной картины мира от относительно стабильной и упорядоченной языковой КМ очевидно в силу значительно более весомого участия языковой личности автора в ее создании.

Актуальным в плане исследования категорий окказиональной КМ представляется анализ концепта времени [1], не только одного из важных с философской точки зрения (пространство и время — две категории, издревле интересующие человека), но и релевантного для новых слов, для которых временная характеристика определяет их дальнейшую судьбу — быть в узусе или пропасть в бескрайнем море потенциально реализованных возможностей языка.

Нами установлено ядерно-периферийное устройство концепта времени с выделением трех уровней (слоев) выражения временных отношений. Первый, ядерный, составляют окказионализмы с временным значением, используют префиксы соответствующей семантики (*до-*, *пред-*, *перед-*, *после-*, *пост-* и т. п.), которые следует признать специализированными средствами концептуализации временных отношений.

Анализ окказионализмов с темпоральной семантикой, извлеченных из текстов медийного дискурса конца XX — начала XXI в. (около 80 единиц), позволяет сделать ряд выводов о реализации каждого из трех видов временных отношений: длительности, повторяемости, последовательности.

Когнитивная модель выражения конкретного (точечного) временного понятия (*единомоментно*) исключительно редка по сравнению со значением значительной протяженности, причем из трех типов интервалов (начало — конец — начало / конец) последних наименьшее количество (*пред- и послепереворотный; преддефолтный и последефолтный, досвистковая эра и послесвистковая*), в основном же членение временного континуума остается открытым с одной из сторон (*догайдаровский, дочернобыльский; послепутчевый, посткризисный*) либо редко — вообще незамкнуто (*внеисторично, ежевечный*).

Отношения повторяемости, также как и длительности, в концептуализации времени окказиональной КМ немногочисленны (*переизбранники народа, переустрочные эксперименты, переменник родины, переблефовать, ребрэндровать, ресталинизация масс*).

При реализации отношений последовательности из всех возможных вариантов «точек отсчета» (момент речи, определенная дата, какое-либо событие и общий временной план) активно реализуется модель представления «о движении времени, связанном с взаимодействием темпоральных планов различных событий, то есть о событийно-соотносительном времени» [2: 11].

В качестве «точки отсчета» используются: (1) общественно-политические события (*предперестроечный, предкарточный, «домобильный», «дотерактивный», «послеперестроечный», послетерактовый, послепутчевый, постгагустовский; дочернобыльский* и т. п., всего 15 образований); (2) праздники (*посленовогодний, послестароновогодний, «постпраздничный», «послевьомартковский», новогодне-политический*), события культурной жизни общества (*постканнский*); (3) периоды деятельности, влияния в обществе идей того или иного конкретного лица (*догайдаровский, доказаковский, пост-саддамовский, пост-Ходорковский, последудаевский, «постЯпончиковый»* и т. п., всего 17 образований) либо культурного явления (*постбитловский, «дотелегидский», «додорожковый», послематчевый, постцеремониальный*); периоды действия той или иной идеологии (*постдемократический, посткоммунистический, посттоталитарный, постприобретизм*); (4) отрезки времени, связанные с явлениями не общественно, а индивидуально-значимыми — занятием

должности, работой (*додепутатский, додумский, «постпрезидентский», постюбилейный, предарестный, послеотставочный, предотпускной, послеотпускной*), достижением возраста (*дотрудоспособный, постбальзаковский*).

Второй уровень анализируемого нами концепта, более удаленный от ядра, сформирован девербативами, в которых семантика конкретного действия дополнительно характеризуется по его протеканию во времени (по РГ-80). К словообразовательным средствам на этом уровне относятся приставки со значением начинательности (*заклинтить, заностальгировать, заПИКать, «запутчить», заЦИКЛиться, закаббальиться*), финитивности (*отдедморозить, отпирсингованный, отУЮЗить, отфестиваливать, отмыватель, от-символизировать*), однократности (*сГОСПЛАНировать, снаркманиться*) и т. п.

Периферию концепта времени составляют все остальные производные, которые получают способность передавать временные отношения «в наследство» от категориальных значений своих производящих, а именно статичных признаков для имен и динамичных — для глаголов. На наш взгляд, неоднократно отмеченная в научной литературе продуктивность суффиксов *-ация, -изация* с их значением процессуальности («комсомолизация», *версачеализация, сумасбродизация, демобильнизация*) является отражением отмеченной нами тенденции к передаче динамических семантических характеристик; ср. с не столь активным производством слов на *-ств(о), -ость* (*негодяйство, манекенство, продюсерство, гейскость, кентаврность, барухолочность*).

Таким образом, в окказиональной КМ время отражается не точно, а протяженно, выступая в качестве отрезков с одной незакрытой границей, обозначающих значение следования по отношению к обычно недавнему событию или периоду. Представление о движении времени складывается не хронологически, а в зависимости от выбранной субъектом речи точки отсчета. Явления, наблюдаемые на периферии концепта, подлежат систематизации и анализу в целях дальнейшего исследования.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. В целом о целом. Время и пространство в концептуализации действительности // Логический анализ языка: Семантика начала и конца. М., 2002.
2. Варламова В. В. Функционально-семантическое поле темпоральности в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Краснодар, 1996.
3. Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М., 1998.

Типология ментальности в лингвистике

С. Р. Омельченко

Волгоградский государственный университет
svetom@inbox.ru

Ментальность, язык, типы ментальности

Summary. The paper introduces a typology of mentality, with a consideration of extralinguistic and linguistic factors.

Принятие человека в качестве исходного базиса лингвистических исследований способствовало разработке новых категорий, затрагивающих сферу его сознания, мышления, духовной, практической и речевой деятельности. К одной из таких категорий относится ментальность, которая одинаково актуальна как для ученых, изучающих представленность антропологического фактора в языке, так и для тех исследователей, которые интересуются влиянием языка на мышление и поведение человека.

Работы, посвященные ментальности, свидетельствуют о том, что в науке отсутствует четкое понимание этого феномена. К числу наиболее актуальных вопросов можно отнести определение ментальности, установление ее типов и разновидностей [1], [4], [5]. Многочисленные дефиниции ментальности учитывают две группы факторов: 1) ее соотносительность с индивидуальным и общественным сознанием, а также мыслительными стереотипами и эмоциональными формами сознания (верой, различными чувствами); 2) отношения ментальности с языком, с его категориями и формами.

В соответствии с первой группой факторов, которые по сути являются экстралингвистическими, ментальность трак-

туется как «способ восприятия и отражения мира, характерный для определенного национального коллектива, выражающийся через настроения, установки отдельного индивида» [7: 267] либо как «способ мышления личности или общественной группы, присущая им духовность, склад ума, мировосприятие» [3: 33]. Вторая группа также связана с мировоззренческой структурой сознания, но при этом указывается на ее связь с языком. Эти факторы являются собственно лингвистическими. Такое понимание ментальности послужило одним из оснований для введения в научный обиход термина «языковая ментальность» [1]; [5].

С учетом экстралингвистических и собственно лингвистических факторов, на наш взгляд, целесообразнее говорить о собственно ментальности и этноментальности, языковой и этноязыковой ментальности, идиоментальности и идиомысловой ментальности как типах ментальной деятельности, которая присуща любому разумному человеку и связана с работой его интеллектуальных систем: воображением, представлением, пониманием, памятью, волей, оценкой и т. д.

Собственно ментальность связывается только с работой сознания и мышления, разными видами интеллекта. В дан-

ном случае внимание акцентируется на ее всеобщности, поскольку каждому человеку присущи ум, интеллект, умственное развитие. Поэтому можно говорить об общечеловеческой ментальности или ментальности вообще.

Этноментальность соотносится с понятиями этноса, этнических констант и стереотипов, этнической картины мира и др., которые позволяют изучать особенности взаимодействия народного характера, мировоззрения и культуры отдельного этнического сообщества [2]; [5]; [6].

Языковая ментальность предполагает связь языка и мышления. Язык является достоянием всего человечества, поскольку каждому из нас присуща способность владения языком; язык выполняет не только коммуникативную, но и когнитивную (познавательную, мыслительную) функцию. В этом случае имеется в виду общечеловеческий язык, которому соответствует языковая ментальность. В пользу всеобщности языка свидетельствует, например, возможность перевода с одного языка на другой.

Этноязыковая ментальность служит для обозначения особенностей речемыслительной деятельности этноса, закрепленных в его естественном языке. Можно говорить об этноязыковой ментальности как отдельного народа и народности, так и конкретной этнической группы. В. В. Колесов дает следующее определение: «Ментальность есть мировосприятие в категориях и формах родного языка, соединяющее интеллектуальные, волевые и духовные качества национального характера в типичных его свойствах и проявлениях» [1: 11]. Это определение приемлемо для народа и народности, которые владеют наряду с общенациональным и своим родным языком. Однако, в отличие от них, этнические группы пользуются определенной формой общенационального языка, которую они считают родным языком. Например, казаки Нижнего Поволжья, проживающие на территории Волгоградской области, говорят на русском языке, но предпочтение отдают особой его форме — казачьему диалекту, внутри которого выделяются говоры донских, нижеволжских, хопёрских и других казаков, от-

ражающие специфические черты их этноязыковой ментальности [4].

Идиоментальность — это особенности мировоззрения отдельного человека. Она во многом обусловлена самосознанием и самоидентификацией человека. Самосознание выступает центром мировоззрения, его интегрирующим началом, поскольку человек осознает не только свое тело, но и свои мысли и чувства, свои действия, место в обществе, другими словами, он осознает себя как личность. Самоидентификация подразумевает то, в какой степени человек, осознавший себя как личность или самость, в то же время приобщается к коллективным нормам и ценностям, идентифицирует себя со своим народом или этносом.

Идиоментальность отражается в языке отдельного человека и связана с понятием идиолекта. У каждого человека свой склад ума, свое умонастроение, свои особенности мышления, которые обуславливают его способность овладеть языком и реализовать эту способность в речевой деятельности.

Предложенная типология ментальности имеет важное методологическое значение для антропологистики, поскольку позволяет изучать феномен человека в системе языка, текстах и языковой способности.

Литература

1. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб, 2007.
2. Лурье С. В. Историческая этнология. М., 1997.
3. Михальская А. К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике. М., 1996.
4. Омельченко С. Р. Ментальные глаголы в речи казаков Нижнего Поволжья. Волгоград, 2006.
5. Почепцов О. Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания, 1990, № 6.
6. Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
7. Федюк В. Анималистическая фразеология в зеркале национального менталитета // Rossica Olomucensia XXXVI (za rok 1997). Olomouc, 1998.

Русская языковая и православная картины мира: точки соприкосновения

Е. В. Петрухина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

petroukhina@mtu-net.ru

Языковая картина мира, православное мировоззрение, время, неагентивные конструкции

Summary. The Russian language picture not only reflects trivial world-view but preserves some features of religious (Russian Orthodox) world view as well (that having lost its actuality is not comprehended by the speakers). With this idea being dominant, the paper delineates grammatical categories that express the idea of time, impersonal and reflective constructions, collective nouns and some semantic groups of verbs.

Общепризнанным в истории можно считать утверждение, что стержнем древнерусской культуры является христианское вероучение, повлиявшее на жизнь и мировоззрение народа. Закономерен вопрос, как православное мировоззрение, которое для русского народа было актуальным в течение нескольких веков, связано с современной русской картиной мира (КМ), выражаемой при помощи русского языка. Картина мира определяется как совокупность знаний человека о мире, система жизненных ориентиров, культурных установок и стереотипов, этических ценностей, систематизированных и интегрированных в некое целое. Национальная картина мира проявляется в общих представлениях людей, принадлежащих к одному этносу, о действительности; в их однотипных реакциях на типичные ситуации, в сходных оценках и суждениях, в пословицах, афоризмах, поговорках. В современной лингвистике сложилось понимание, с одной стороны, универсальности когнитивных механизмов человеческого восприятия мира и использования языка во всех его функциях, а с другой — зависимости выражаемой при помощи языка и соответственно формирующейся посредством языка интерпретации и оценки мира от культурно-исторического опыта этноса. Русский язык хранит представления о мире, сформированные в разные исторические периоды, поэтому «историческая память» языка требует учитывать культурно-историческую мотивацию особенностей семантики и употребления языковых единиц в синхронии [4: 26]. Не нужно проводить специального исследования, чтобы заметить оставленные в современном русском

языке следы православного мировосприятия — в виде отдельных слов (ср. известные примеры типа *Спасибо* ← *Спаси Бог!*). Анализ многих культурных концептов (например, *дух, душа, судьба, грех, прощать*) также показывает связь русской языковой и православной КМ. Однако не только отдельные слова, но и некоторые лексико-семантические группы слов (ЛСГ), а также семантика ряда грамматических, словообразовательных категорий и синтаксических конструкций, как показывает их концептуальный анализ, созвучна православным идеям (способствует восприятию этих идей). Концептуальная значимость категориальной семантики в сфере грамматики не лежит на поверхности плана содержания, поэтому ее связь с мировоззренческими категориями КМ может быть представлена лишь в виде гипотез. В докладе основное внимание сосредоточено на некоторых аспектах грамматических категорий, выражающих идею времени в русском языке, на неагентивных конструкциях, лексических и словообразовательных категориях со значением собирательности, на ЛСГ эмотивных глаголов и глаголов поведения, а также некоторых ключевых слов русской языковой КМ. С поставленным вопросом соотношения русской языковой и православной картины мира связана также проблема влияния на русский язык церковнославянского языка, требующая отдельного рассмотрения.

Восприятие времени в русской КМ, как показывают исторические (в частности, Е. В. Пчелов), определяется историческими периодами жизни общества. Например, дохристианский период связан прежде всего с циклическим и природ-

ным временем; с принятием христианства время начинает восприниматься как линейное с началом и концом, как неразрывное, исчисляемое, персонафицированное (связанное с памятью святых и религиозными праздниками), стабильное, членится все на более мелкие отрезки и т. д. Постепенно меняется отношение к будущему, прошлому и настоящему. В петровскую эпоху прошлое приобретает негативную оценку, значимым становится лишь настоящее; намечается разрыв между гражданским и церковным временем и др. В советскую эпоху происходит окончательная десакрализация времени, которое воспринимается как нечто, что можно изменить, причем особое значение приобретает будущее. В современном восприятии времени, не утратившем футурологическую направленность, будущее предстает как следствие — отсюда сосредоточение на причинно-следственных связях событий. Новый феномен современной динамичной цивилизации, по данным социологов, — сокращение настоящего и ускорение времени, когда с возрастанием количества нововведений и изменений в единицу времени настоящее быстро устаревает; то, что было только что актуально, быстро становится неактуальным прошлым, «вчерашним днем».

В современной русской языковой КМ можно найти следы разной, исторически обусловленной, интерпретации времени, в том числе и характерной для периода средних веков. Как показали Д. С. Лихачев и Ю. М. Лотман, в древнерусском сознании этого периода, во многом отражающем христианское мировосприятие, мысль обращается не к концу — результату, а к началу — истоку. «Лежащие в основе миропорядка „первые“ события не переходят в призрачное бытие воспоминаний — они существуют в своей реальности вечно. Каждое новое событие такого рода не есть нечто отдельное от „первого“ его праобраза — оно лишь представляет собой обновление и рост этого вечного „столбового“ события. Каждое убийство брата не представляет собой какого-либо нового и отдельного поступка, а является лишь обновлением каинова греха, который сам по себе вечен» [2: 108–109]. В языке древнерусских памятников XII–XV вв. был актуализирован именно смысл ‘начать’, в частности глагол *начати* выражал не только начало какого-либо действия или состояния, но в инфинитивной конструкции с отрицанием и начало его прекращения (ср. *начнеть не знати, почаша не грабити*) [5]. Глагол *начати* в таком употреблении разделяет две смежные во времени ситуации, актуализируя начало новой ситуации (ср. использование со значением начального предела и слов с корнем *кон-*: *испокон веков, искони*). В современном русском языке, в отличие от многих других языков, идея предела как границы действия является семантической доминантой при обозначении динамических явлений [3]; [1]. Современный русский язык отличается от многих других славянских языков более последовательным обозначением начала ситуации, и вообще более последовательным выражением временных границ действия. Со смыслом временной границы (временных границ) действия, выражаемым грамматическими (категорией вида) и словообразовательными (приставками *за-*, *по-*, *до-*, *от-* и

др.) средствами, связана семантика и употребление соответствующей лексики (лексем *начало*, *конец*, *предел* и др.).

В русском языке (как, впрочем, и в целом ряде других языков) существует механизм «расширения» настоящего. Действия, занимающее различное положение на временной оси, в том числе и прошедшие, могут быть обозначены формами настоящего времени, выражающими признак актуального бытия говорящего. Все это увеличивает содержательный потенциал формы настоящего времени и расширяет границы настоящего времени в русской КМ, что имеет большую когнитивную значимость, также связанную с православным мировосприятием.

Русская ЯКМ имеет также ряд других особенностей (в частности, касающихся «разработанности» определенных ЛСГ и функционально-семантических категорий), которые можно объяснить с опорой на православную КМ. В русском языке многочисленна группа глаголов со значением эмоций, а также глаголов поведения, причем преобладают лексемы, называющие такие типы поведения, которые нарушают нормы этики и морали. Подробная номинация такого поведения, а также негативных переживаний важна для познания человеком самого себя и борьбы со своими страстями. Имеется целый ряд лексем, форм и конструкций для выражения коллективности, связанной с идеей православной общности. Еще более очевидна связь с православной КМ значения многих безличных и возвратных глагольных конструкций, а также лексем *дух*, *душа* и другой лексики, называющей духовную составляющую внутреннего мира человека. Как представляется, современная русская ЯКМ, отражая мирское обыденное мировосприятие, тем не менее не утратила былую связь с религиозной (православной) КМ. Потеряв актуальность для современной КМ, эта связь не осознается говорящими, но при этом названные ЛСГ, формы, конструкции и категории, участвуя в обыденной категоризации и интерпретации мира, сохраняют созвучие православным идеям и способствуют их восприятию. С данным тезисом тесно связана проблема противоречий между некоторыми важными смыслами русской языковой и православной КМ.

Литература

1. Канеко Ю., Петрухина Е. В. Аспектуальная семантика в глагольных системах русского и японского языков (сопоставительный анализ фрагментов языковой картины мира) // Вопросы языкознания. 2004. № 4.
2. Лотман Ю. М. Избранные статьи. В 3 т. Т. II. Таллинн, 1992.
3. Петрухина Е. В. Доминантные черты русской языковой картины мира (в сравнении с чешской) // X Конгресс МАПРЯЛ. Санкт-Петербург, 30 июня — 5 июля 2003 г. Пленарные заседания. Сборник докладов «Русское слово в мировой культуре». СПб., 2003.
4. Трубачев О. Н. Славянская филология и сравнительность. От съезда к съезду // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 1998.
5. Юрьева И. С. Семантика глаголов *имати*, *хотети*, *начати* (почати) в сочетаниях с инфинитивом в языке древнерусских памятников XII–XV вв. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2009.

Концепт «звезда» в заговорно-заклинательной поэзии (на материале вятских заговоров)

М. Н. Пирогова

ГОУ ВПО РМЭ «Марийский государственный университет»

aspirant24@rambler.ru

Концепт, лексема, ментальность, язык, культура

Summary. In the present paper the actual problem modern folkloristik — revealing of conceptual components of the subject world of Russian plot is put. The given problem dares on a regional material (vjatsky plots) with attraction of other products of folklore and fiction. The technique of the mental description of the plot, offered by the author, leans against theoretical works of leading linguists and specialists in folklore of the country and as a whole promotes development of optimum approaches of research zagovors texts.

Заговоры представляют собой неотъемлемое звено национальной культуры. Связанные с представлениями человека об окружающем мире, заговоры несут в себе познавательный потенциал, имеют большую этнографическую, языково-творческую и художественную ценность. В последние десятилетия XX века было опубликовано большое количество сборников текстов и специальных исследований, посвященных заговорно-заклинательной поэзии (Т. А. Агапкина, А. Л. То-

порков, Г. А. Барташевич, Л. Н. Виноградова, В. Л. Кляус). В них разработаны проблемы классификации, эволюции жанра заговора, характера этнических и локальных традиций, особенностей стихосложения заговорных текстов, их обрядовой магической функции.

Не менее важным, на наш взгляд, является ментальное описание заговорных текстов, поскольку заговор выступает как энциклопедический по преимуществу жанр: среди дру-

гих жанров выделяется полнотой состава, организованностью частей в соответствии с неким ведущим признаком и, наконец, возможностью легкого и быстрого обозрения всего заговорного знания. Именно эти признаки позволяют раскрыть мирозерцание этносов в категориях и фактах родного языка, соединить в процессе познания интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях.

Предметом исследования в настоящей статье является тематико-семантическая группа «небесных» объектов, ярко представленная в славянских заговорных текстах, в том числе и Волго-Вятского региона. Необходимо отметить, что к данной семантической группе заговоров обращался лишь А. Л. Топорков в статье «Мотив „чудесного одевания“ в русских заговорах XVII–XVIII вв.» [1: 143–174].

Среди небесных объектов в заговорных текстах Волго-Вятского региона самым популярным является «звезда». Как правило, он репрезентирован лексемами *звезды, звездочки, звездущки*: *Иду на ясный месяц, на частые звезды, на свято солнышко. Всем бы я казалась как ясный месяц, частые звезды.*

В заговорном универсуме небесный объект «звезда» используется для обозначения пространственных характеристик сакрального космологического мирового пространства (во всех группах заговоров от сглаза, в заговорах от конкретной болезни и болезни вообще, в любовных заговорах): *Встану я, раба Божия, благословясь, перекрестясь, пойду из ворот в ворота, из дверей в двери, в восточную сторону, под ночным звездам* (от сглаза). Он необходим и для обозначения количественных характеристик — «столько грехов прощается, сколько на небе звезд». Достаточно часто в заговорах, по преимуществу в любовных, красота имярека уподобляется сиянию «звезды» — *всем бы я казалась как ясные звезды.*

По лексической сочетаемости наиболее частотными для небесного объекта «звезда» являются эпитеты: *частые, светлые, мелкие, алые, ясные, ночные, яркие, небесные, утренние, вечерние.*

В то же время анализ лексемы «звезда» в заговорных текстах только с точки зрения лексического значения уже не представляется достаточно полным. Современная фольклористика обращена к комплексному исследованию языкового знака, находящегося на пересечении двух областей — языка и культуры. В основе нового направления исследований — идея культурной семантики, впервые сформулированная Н. И. и С. М. Толстыми. Учеными была высказана мысль о том, что «современная лексическая семантика в своем стремлении наиболее полно очертить сферу значения отдельного слова приходит к необходимости, помимо собственно лексической семантики, описать коннотативную семантику, то есть область „надстраивающихся“ над лексической семантикой прагматических, символических, культурных, энциклопедических и т. п. значений» [4: 162]. Идея «вплетенности» (термин Н. И. и С. М. Толстых) культурной семантики в семантику языковую представляется, на наш взгляд, наиболее плодотворной для достижения цели настоящего исследования — выявления концептуальных составляющих основных семантических единиц заговоров (в частности, небесного объекта «звезда»). Вслед за В. В. Колесовым мы рассматриваем концепт как основную единицу ментальности культуры, которая в границах словесного знака предстает в своих содержательных формах как образ, как понятие и как символ [3: 81].

«Звезда» в заговорных текстах, действительно, являет собой особую единицу языка и культуры, которой свойственен целый ряд отличительных признаков.

Во-первых, можно говорить о постоянстве данной единицы, находящем свое выражение в развертывании ее содержания и формы до логического конца. Так, концепт «звезда», репрезентированный как небесное тело, представлен практически во всех группах заговоров (от сглаза, на красоту, домоводческих и хозяйственных) и расположен чаще всего в начале заговора: *Выходила раба Божья (имя) из двери в двери, из ворот в ворота, во чистое поле, под светел месяц, под частые звезды*, таким образом подчеркивается связь имярека с сакральным мировым пространством. Звезды сопровождают идущего на пути к цели: *Господи,*

благословясь, встаю, перекрестясь, под чистое небо, под частые звезды. Дойду до Кия моря; Стану я, благословясь, приду, перекрестясь, из дверей в двери, из ворот в ворота, в восточную сторону под утреннюю зорю, на вечернюю зорю, под красное солнце, под частые звезды, на океан — сине море. Важно в данном контексте отметить и тот факт, что концепт «звезда» постоянно возобновляется в произведениях народного творчества, например, в пословицах (*Под счастливой / несчастливой звездой родился; Закатилась моя звезда, мое красное солнышко; Небо — терем Божий, звезды — окна, откуда ангелы смотрят; На семи поясах Бог поставил звездное течение*), фразеологизмах (*звезд с неба не хватает; родиться под счастливой звездой; путеводная звезда; звезда закатилась*).

Во-вторых, можно говорить о **сохранении** постоянной связи лексемы «звезда» с производными по однозначному корню, в результате чего **сохраняется** семантический синкретизм значений корня как семантического инварианта всей словообразовательной модели. Таким образом, осуществляется его «вплетенность» в систему идеальных компонентов данной культуры. Наряду с репрезентацией концепта «звезда» в заговорах и произведениях народного творчества, концепт «звезда» вербализуется и в художественных произведениях. Например, у символистов слово «звезда» и его ассоциации употреблены в творчестве З. Гиппиус — 68 раз, Мережковского — 160 раз, О. Мандельштама — 274 раза, Л. Гумилева — 928 раз, И. А. Бунина — 1657 раз [2: 205–213]. При этом наиболее ярко концепт «звезда» представлен в творчестве И. А. Бунина:

*Не устану воспевать вас звезды,
Вечно вы таинственны и юны,
С детских лет я робко постигаю
Темных бездн сияющие рунь.*

Именно И. А. Бунин наиболее полно раскрыл концептуальное значение данного образа и создал свой метод, который оказался прямой противоположностью методу символистов. Символисты шли от слова к вещам, Бунин шел от вещи к словам. Символ — для Бунина — поэт, это плоть тайны, и он останавливается в изумлении и восторге перед ней. Символисты же претендовали на знание этой тайны. Контраст между вечной красотой звезд и быстротечной красотой земной жизни — молодостью, любовью, приходящими на миг и уходящими навсегда, пронизывает острой болью творчество Бунина:

*Как ныне я, миряды глаз следил
Их древний путь. И в глубине веков
Все, для кого они светили,
Исчезли в ней, как след среди песков:
Их было много, нежных и любивших,
И девишек, и юношей, и жен,
Ночей и звезд, прозрачно серебривших
Евфрат и Нил, Мемфис и Вавилон!*

Наконец, третьим признаком данной единицы необходимо признать общеобязательность ее для всех, кто сознает свою принадлежность к определенному типу культуры. Причем этот признак находится в тесной взаимосвязи с приведенными выше. Концепт «звезда» представлен во всех группах заговоров, в произведениях народного творчества, в художественных произведениях, интерес к звездам сохраняется в сознании людей и в настоящее время. Так, по данным ассоциативного эксперимента, проведенного среди студентов-филологов в Марий Эл, наряду с репрезентацией концепта «звезда» как небесного тела, присутствует и коннотативное значение — «звезда — человек из шоу-бизнеса».

В этом случае, утверждает В. В. Колесов, под концептом следует понимать не *conceptus* (понятие), а *conceptum* — «зародыш, зерно» первосмысла, из которого и произрастают в процессе коммуникации все содержательные формы его воплощения в действительности [3: 86]. Коннотативный компонент как отражающий национальный колорит представлен в заговорах, например, такими эпитетами, как «частые», «мелкие», «яркие», «ясные». Наиболее распространенным является эпитет «частые», что соответствует представлению славян о том, что каждый человек имеет свою звезду, которая вместе с ним рождается, и, смотря по тому, озаряет ли его

земную жизнь блеск счастья или омрачают его бедствия, светится то ярко, то сумрачно, а по смерти его упадет с небесного свода.

Из различных типов значения слова в ментальном описании концептов важно окказиональное или потенциальное как выражающее семантическую доминанту языкового знака, способную эксплицироваться и в необычных контекстуальных окружениях. В вятских заговорах концепт «звезда» тесно переплетается с поэтичным и запоминающимся мотивом «чудесного одевания звездами». Как отмечает А. Л. Топорков в статье «Мотив „чудесного одевания“ в русских заговорах XVII–XVIII вв.», наиболее развернутые и красочные версии данного мотива характерны для заговоров, призванных воздействовать на власть и судей. В вятских заговорах концепт «звезда» реализуется в мотиве «чудесного одевания звездами» в группе так называемых любовных заговоров (присушки): *запожишуся частыми звездами; звездочками утычусь; звездами обвешусь* и др., и связан с основной функцией заговорных текстов — обращением к всемогущим силам для достижения определенной цели.

Сигнификативная функция, связанная с актуализацией национального компонента в слове, связана с обоготворением звезд, что нашло свое отражение в группах заговоров от сглаза: *Прошу на помощь небо и звезды*, также в оберегах на частые случаи жизни: *У рабы твоей (имя) солнце перед глазами, месяц у ней за плечами, звезды все на нее смотрят. Звездочкой раба (имя) подвяжётся, ничего не будет бояться*.

Следует отметить, что концепт «звезда» употребляется в вятских заговорах в неразрывной связи с лексемами *небо — месяц*, а также с антонимичными лексемами *день — солнце*, которые являются предвестниками концепта «звезда»: *Чтоб не грязло, не болело, ни тускнуло, ни скумнуло у раба Бо-*

жья младенца ни в какую пору, ни в какую зорю, ни днем по солнышку, ни ночью по месяцу, по частым мелким звездочкам, отныне и до веку, и во веки веков. Аминь!.

Таким образом, в ходе изучения заговорных текстов Вятского края мы пришли к следующим выводам:

- небесный объект «звезда» в вятских заговорах представлен в качестве концепта; в статье выявлена и сформулирована его семантическая доминанта, не изменяющаяся с течением времени: звезда — небесное тело;
- концепт «звезда» является в вятских заговорах сюжетобразующим (звезды — путевказующие опоры на пути идущего к цели, символ небесной силы, дарующий помощь);
- концепт «звезда» в вятских заговорах воплощает представление славян о неразрывной связи каждого человека со своей звездой, которая освещает всю его земную жизнь;
- концепт «звезда» образно вербализуется в вятских заговорах, возобновляется в произведениях народного творчества, в художественных произведениях, в речи современного поколения, то есть функциональные свойства концепта: постоянство существования, художественная образность, общеобязательность для всех, еще раз подтверждают наше предположение о том, что небесный объект звезда представлен в качестве концепта.

Литература

1. Заговорный текст. Генезис и структура. М., 2005. С. 143–174.
2. Иванова Н. Н. Словарь языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII — начала XX в.). М., 2004. С. 205–213.
3. Колесов В. В. «Жизнь происходит от слова...». СПб., 1999.
4. Толстой Н. И., Толстая С. М. Слово в обрядовом тексте (культурная семантика слав. *vessel- // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. Братислава, сентябрь 1993 г. Доклады российской делегации. М., 1993.

Социокультурный аспект функционирования антропонимов в русском и китайском национально-культурном пространстве

С. Н. Рубина

Волгоградский государственный педагогический университет

SNRubina@yandex.ru

Антропоним, языковая картина мира, межкультурная коммуникация, прецедентное имя

Summary. This article deals with the problems of Russian and Chinese anthroponimics, functioning of the different forms of the name. In also analyses peculiarities of the use of the name as the speech etiquette in Russian and Chinese linguo-cultures and the problems of intercultural communication.

Являясь ядерным разрядом онимической лексики, антропонимы занимают одно из наиболее значительных мест в фоновых знаниях носителей языка и культуры, выступают в качестве яркого национально-культурного показателя этноколлектива. Практика работы со студентами КНР показывает, что трудности при восприятии антропонимов обусловлены как чисто лингвистическими факторами, так и социокультурными. В антропонимах русского и китайского народов воплощается характер культуры соответствующих социумов, отражается национальное самосознание и эстетические нормы той или иной эпохи.

При обучении китайцев русскому языку особого внимания заслуживает имя собственное как проблема речевого этикета. Некорректное использование форм обращения часто приводит к коммуникативным неудачам. Например, китайский преподаватель на занятиях по китайскому языку обратился к русскому коллеге: «Геннадьевич, пожалуйста, слушайте и повторяйте за мной». Это вызвало улыбку и оживление среди слушателей, китайский же преподаватель решил, что возник вопрос по уроку.

Большое разнообразие форм личного имени по отношению к одному человеку, обилие уменьшительно-ласкательных суффиксов у антропонимов в русском языке является камнем преткновения для китайских учащихся. У китайцев есть как официальные, так и уменьшительно-ласкательные имена. Однако, как отмечает Ян Хуэй [2], официальные имена могут употребляться в неофициальной обстановке, не приобретая особого стилистического нюанса. Говоря об особенностях уменьшительных имен в китайском языке, китайский исследователь отмечает тенденцию к утрате противопоставления уменьшительных и полных имен. В русском же языке диапазон функционирования имен собствен-

ных с суффиксами субъективной оценки достаточно широк. При обучении китайских учащихся русскому языку необходимо направлять их внимание на употребление той или иной формы обращения в соответствии с установленными в русской среде правилами речевого поведения, стремиться к тому, чтобы наряду с основными нормами речевого этикета, учащиеся понимали те смысловые оттенки, которые обусловлены речевой ситуацией и субъективной оценкой собеседника.

Имена русского и китайского народов различны по происхождению, да и само наименование человека осуществляется у данных народов с разных позиций. В докладе рассматриваются традиции имянаречения в России и Китае, критерии и мотивы выбора имени в русском и китайском социумах. В работе также обращается внимание на то, как те или иные имена воспринимаются русским и китайским национальным сознанием. Например, китайцам может быть не понятно, почему как-то по-особому (оживленно) реагируют русские, когда узнают, что китайскую коллегу зовут *Дуня* (критерием выбора послужило созвучие с ее китайским именем *Дунь*). В отличие от носителей русского языка, китайцы воспринимают главным образом фонетическую форму русского имени, хотя у них могут быть ассоциации, обусловленные национальной спецификой: китайской студентке еще на родине в университете русский преподаватель дал имя *Роза*, но она впоследствии его поменяла, объяснив это тем, что, во-первых, она себя не считает красивой как роза, а, во-вторых, в Китае имена, связанные с названиями цветов (растений) воспринимаются как деревенские. Ввиду этого, по нашему мнению, большое значение имеет выявление приоритетных для китайских студентов личных русских имен, что позволит избежать неловких ситуаций,

когда студенту предлагается имя, несущее отрицательный по какой-либо причине коннотативный заряд.

Антропонимы как фрагмент языковой картины мира содержат значительный информационный культурно-исторический потенциал, ассоциируясь в нашем сознании с известными людьми, героями литературных произведений, фольклором, песнями, устойчивыми выражениями и др. В русском и китайском языковом сознании за многими именами закрепились устойчивые выражения идиоматического характера. Китайская фразеология с личными именами весьма разнообразна. Приведем несколько примеров: *Mao Sui zi jian* (предложить свои услуги); *Sima Zhao zhi xin, luren jie zhi* (мнимая тайна); *ming luo Sun Shan* (не выдержать экзамена); *Yegong hao long* (показная любовь); *qingren yan li chu Xishi* (букв. «в глазах влюбленного появилась Си Ши»), данному фразеологизму в словаре [1: 730] приводится соответствие «каждому своя милая самая красивая». В китайском языке имеются выражения, в составе которых ономастический компонент не присутствует, но их происхождение связано с именами известных людей, героями легенд и др. Выражение *San gu mao lu* означает «искренно пригласить кого-л.», букв. «три раза приехал в лачугу с соломенной крышей» (в период Троецарствия князь Лю Бей три раза посещал лачугу Чжуге Ляна. Лю Бей просил Чжуге Ляна помочь ему править княжеством). Во фразеологизме *Dongshi xiao pin* (букв. «Дун Ши подражает хмурысь») не сказано кому подражает Дун Ши, но почти каждый китаец знает о красавице Си Ши. Данному выражению в словаре [1: 205] дается перевод «смехотворное обезьянничанье».

В русском языке устойчивые выражения с ономастическим компонентом встречаются гораздо реже, тем не менее, они очень выразительны: *Мели, Емеля, твоя неделя; Куда Макап телят не гонял; я тебе про Фому, а ты мне про Ерему; Федот, да не тот; наготовить как на Маланьину свадьбу* и др.

Особая роль в трансляции культурно-национального самосознания народа принадлежит фольклорным именам, так как они заключают в себе этнокультурную семантику, необходимую для познания культуры. Не владея элементами национально культурного пространства, которые являются для носителей русского языка общезвестными, китайские учащиеся не могут адекватно понять, например, такие тексты: *Дети делают нас мудрыми, особенно Василиса (самая*

маленькая), поэтому мы ей дали такое имя (1 канал, «Пусть говорят»); *Когда у супругов Прекрасных родилась дочь, даже не было вопроса, какое выбрать имя, — конечно Елена!* (АиФ, 10).

Антропоним используется как средство вербализации концепта, который расшифровывается за счет актуализации фоновых знаний носителей того или иного языка и связанного с ним ассоциативного ряда, так как употребление имен известных людей вызывает в нашем сознании поток ассоциаций, которые и являются ключом к пониманию текста. Например: *Она мне и друг, и хозяйка, и партнерша. И Моцарт движения на льду* (1 канал, Олег Протопопов о Людмиле Белоусовой); *Шаляпин русского футбола, Гагарин шайбы на Руси* (1 канал, о В. Боброве).

За многими из антропонимов стоят «ключевые концепты» как общечеловеческой, так и национальной культуры. О прекрасной любви юных Ромео и Джульетты знают как русские, так и китайцы, однако в русском языке эти имена активно используются не только экстенсивно, но и интенсивно. Например: *Возможно ли, вообще, остановить мгновение, пока оно прекрасно и Ромео с Джульеттой не превратились в Отелло с Дездемоной?»* (КП, 07.05.04). Китайскими Ромео и Джульеттой считаются Лян Чжу. Почти всем китайцам знакома старинная китайская легенда о большой любви Лян Шаньбо и Чжу Интай.

Широкое поле для исследования представляют антропонимы как русского, так и китайского языков, обладающие статусом прецедентного имени. В докладе будет предложен анализ прецедентных имен, включающий в себя наблюдения за их функционированием в речи.

Последовательное выявление национально-культурной специфики антропонимов способствует формированию навыков межкультурной коммуникации, обеспечивающей успешное общение на иностранном языке. Изучение антропонимов русского и китайского народов вскрывает интересные факты, связанные с историей и культурой данных народов, и дает материал для дальнейшего исследования.

Литература

1. Китайско-русский словарь. Пекин, 1992. 1250 с.
2. Ян Хуэй. Морфологические особенности китайских имен // Русский язык: система и функционирование. Ч. 2. Минск, 2004. С. 24–26.

От символической картины мира к тезаурусу

И. В. Ружицкий

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

konntie@mail.ru

Символ, тезаурус, идиоглосса, словарь языка писателя, Достоевский

Summary. Symbols, the concrete nouns, in definite contexts used in their most abstract meanings, can play the central part in the author's *Weltbild*. Thus, these words, united with each other (symbolic paradigm), can be connected with the author's key-words, idioglosses. As a result, the chains of associations can be got, which reconstruct the author's thesaurus.

1. Символы (слова с конкретной семантикой, в определенном контексте выражающие абстрактные значения) могут занимать центральное место в картине мира автора художественного текста. Таким образом, слова, употребляемые в символическом значении, можно рассматривать в качестве тезаурусообразующих элементов. Данный тезис особенно актуален для творчества Ф. М. Достоевского, использующего символику (общекультурную и созданную им самим), чтобы отразить как окружающую действительность во всех ее противоположностях, так и внутренний мир человека, в котором логическое часто противопоставлено образному, символическому.

2. При изучении символики Ф. М. Достоевского целесообразно рассматривать слова, употребляемые символически, не отдельно друг от друга, а в составе определенных групп. Наиболее актуальными для нашего исследования представляются символично-ассоциативные цепочки, или символические парадигмы: «орудия убийства» (*топор, нож, пистолет, петля, бритва, пестик*); «числа» (7, 4, 3), «имена» (*Барашкова, Раскольников, Смердяков, Сонечка, Степан Трофимович*), «названия насекомых» (*паук, муха, вошь*), «названия животных» (*лев, мышь, осел*), «топонимы» (*Амери-*

ка, Петербург), «предметы одежды» (*кафтан, платок, белье, платье*) и т. д. Для отражения целостной картины мира автора продуктивна классификация символов, построенная по ономастиологическому, от смысла к слову, принципу, позволяющая объединять слова-символы на основе общего символического значения: ПРЕСТУПЛЕНИЕ → Убийство → Слова-символы. Можно предположить, что такого рода символические парадигмы и формируют своеобразные ядра авторского тезауруса, которые, в свою очередь, «притягивают» определенные идиоглоссы — наиболее важные, ключевые для писателя слова, формирующие его картину мира.

3. Список идиоглосс, отобранных с использованием специальных методов, представлен в Словаре языка Достоевского и насчитывает порядка 2,5 тысяч единиц. Организация идиоглосс в их соотносительности с символическими парадигмами и позволяет реконструировать авторский тезаурус. Например, с указанной выше символической парадигмой ассоциативно-тематически связаны такие идиоглоссы, как *Америка, ад, адвокат, американский, безумие, безумный, бес, бесы, бунт, бунтовщик, бунтовать, война* и др. Реконструированные подобным образом фрагменты тезауруса до-

полняются ассоциациями, зафиксированными в зонах комментария словарной статьи Словаря языка Достоевского, прежде всего в зонах ассоциативного окружения слова-идиоглоссы, его сочинительных и подчинительных связей, а также в словообразовательном гнезде.

4. Другие ассоциативно-смысловые связи, которые предполагается проанализировать при помощи обозначенной выше процедуры, это ГРАНИЦА МЕЖДУ МИРАМИ → Муха; ВЕЧНОСТЬ → Баня, пауки; ЧУЖДОЕ РУССКОМУ ЧЕЛОВЕКУ → Америка, американский; ПОДЧИНЕННОСТЬ, ПОЧТЕНИЕ → Целовать руки; ЖЕРТВЕННОСТЬ,

СТРАДАНИЕ → Вечная Сонечка; СПАСЕНИЕ, ПОКРОВ → Зеленый; ДЕРЖАВА, ВЛАСТЬ, ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА МИР → Часы; ВРЕМЕНИ БОЛЬШЕ НЕ БУДЕТ, → Остановившиеся часы Кириллова; ЧЕЛОВЕЧЕСТВО → Муравейник; ХРИСТОС → Мышкин; СОВЕРШЕНИЕ ИЛИ ЗАМЫСЕЛ РЕШАЮЩИХ ДЕЙСТВИЙ → Косые лучи заходящего солнца; СТРАХ → Крюк (крючок) и др.

Литература

1. Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий. Т. I. А–В / Под ред. Ю. Н. Караулова. М., 2008.

Евразийский концепт «степь» в казахстанской лингвокультуре

К. С. Складенко

Казахский национальный университет им. аль-Фараби (Алматы, Казахстан)

s_kseniya87@mail.ru

Евразийский концепт, казахстанская лингвокультура, ядро языкового сознания

Summary. In the paper the functioning of units verbalizing the concept **steppe** in the Kazakhstan's lingvoculture is analyzed. Results of research of literary works of I. Yesenberlin and A. P. Chekhov are compared with data of free associative experiment. For reasons the deduction about peculiarity of the concept **steppe** being the head of Environment zone in the kernel of language perception of Russian-speakers in Kazakhstan is given.

Концепт представляет собой «вербализованный культурный смысл», ведущий признак которого — этнокультурная отмеченность; это особый смысл, закрепленный за именем [1]. Содержание концепта «пронизано «духом народа», «сжатой энергией», уникальным, национально-специфическим способом освоения мира» [3]. Концепт способен со временем расширять и сужать свои границы, и зависит это в первую очередь от социокультурных факторов. У различных народностей, обитающих на одной территории, формируются общие концепты. Взяв за основу концепцию Л. Н. Гумилева, мы говорим о евразийских концептах, общих для народностей, проживающих в Евразии (в данном случае, на территории Казахстана и России). В качестве евразийского концепта нами взят концепт **степь**.

У носителей русского языка на территории современного Казахстана формируется своеобразная концептосфера, расходящаяся в некоторых моментах с традиционной русской, однако полностью не вобравшая казахскую. Особенности концептов мы проследили на примере сравнения единиц, вербализующих концепт **степь** в произведениях И. Есенберлина, А. П. Чехова, а также в сознании жителей современного Казахстана.

Для анализа взят роман И. Есенберлина «Кочевники», в котором точно описаны традиционная жизнь и быт казахского народа. Лексема «степь» характеризуется высокой частотой использования в романе — около 1000 раз. Выделяются основные смыслы концепта «степь»: 1) безлесное ровное пространство с травянистой растительностью (*Всадники Джучи провидались все дальше в казахскую степь*); 2) Родина (*Сын степи*); 3) поле боя (*Зачем сходить в рукопашном бою, если так широка степь для маневра*); 4) народ, проживающий на данной территории (*...завтра его слова станут известны всей степи*); 5) центр культуры, мудрости, силы (*степной мудрец, степной батыр*); при этом прилагательное *степной* имеет только положительное значение (*степные орлы, степные красавицы*).

Для сравнения мы проанализировали рассказы А. П. Чехова «Степь», «Казак» и «В овраге». Здесь выявляются другие смыслы концепта **степь**. **Степь** — это дорога, промежуток между двумя населенными пунктами, домом она является только для зверей и птиц, но не для человека. **Степь** — символ одиночества, тоски, бесконечности и однообразности путешествия. Она хранит в себе легенды и предания, но это уже не живые традиции, а воспоминания о том, когда-то здесь была жизнь. Степь одушевляется, она покровительствует путешественникам или не принимает их (*Едва зайдет солнце и землю окутает мгла, как дневная тоска забыта, всё прощено, и степь легко вздыхает широкою грудью*). Несмотря на значительно суженный круг смыслов, слово *степь*, несомненно, сохраняет свой статус лингвокультурного концепта.

Был проведен свободный ассоциативный эксперимент среди городских жителей Казахстана (г. Алматы), для кото-

рых русский язык является родным. Испытуемые — школьники и студенты (15–20 лет), как группа, языковое сознание которой формировалось в новых геополитических условиях. Данные свободного ассоциативного эксперимента показали, что, несмотря на урбанизацию, концепт **степь** остается значимым для носителей русского языка. Наиболее часто повторяемой ассоциацией, возникшей у опрошенных, стала *бескрайность, безграничность*, данное определение по отношению к степи может нести как отрицательный смысл (сравнительно с А. П. Чеховым, у которого бескрайность степи означает нескончаемую скуку), так и положительный, символизируя безграничность Казахстана. Многие опрошенные прилагательное *бескрайная* заменили существительным *простор*, что, без сомнения, обладает положительной коннотацией. Близким по смыслу можно считать концептуальное понятие *свобода*, выбранное 30% респондентов, на этом выборе, безусловно, сказывается влияние казахской лингвокультуры, так как в русской лингвокультуре степь была местом изгнания.

У большинства опрошенных концепт **степь** ассоциируется со словами *ветер, ветреная, яркое солнце*, что свидетельствует об ощущении незащищенности человека, попадающего в степь, а также связанные с враждебностью степи ассоциации *пыль, песок, жажда*. Все это доказывает, что степь для них перестала быть домом, чем-то близким, она (как и у А. П. Чехова) связывается с дорогой, преодолев которую вы попадаете в родной город (ср. ассоциации *поезд, железная дорога, трасса*). В пользу этого утверждения можно привести следующий аргумент: практическое отсутствие такая ассоциата, как *юрта* или что-то, связанное с жилищем или пребыванием в степи человека. Тем не менее, сохранились такие ассоциации, как *верблюд, лошадь, баран, отара, стадо*, которые, несомненно, появляются под воздействием культуры кочевого животноводства, в прошлом широко распространенного в Казахстане и встречающегося до сих пор.

Концепт **степь** относится к семантической зоне *Природа* в ядре языкового сознания носителей русского языка на территории Казахстана. В русском языковом ядре природу символизирует *лес* [2], так как он является значимым для русского народа. **Степь** становится наиболее важным символом для казахского народа (большая часть республики занимает степные и полупустынные ландшафты, это определяет способ ведения хозяйства — кочевое скотоводство и т. п.). Для русскоговорящего населения Казахстана значимость концепта *лес* сохраняется благодаря культурным традициям, прививаемым с детства, однако возглавляет зону *Природа* скорее **степь**.

Таким образом, концепт **степь**, функционирующий в сознании казахстанского социума, в частности, в среде городских жителей Казахстана, имеет все оттенки значения, характерные для русской языковой картины мира, и помимо этого получает дополнительные коннотации, характерные только для жителей страны, в которой сохранились следы

многовековой кочевой культуры, приобретая тем самым дополнительную значимость.

Литература

1. Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. М., 2007.

2. Караулов Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира. М., 2000. С. 191–206.

3. Сабитова З. К. Прошлое в настоящем. Русско-тюркские культурные и языковые контакты. Алматы, 2007.

Интерпретация ключевых образов-концептов в творчестве С. Есенина в процессе преподавания русского языка и литературы как иностранных (на примере испаноязычной аудитории)

Л. В. Соколова

Гранадский университет (Испания)

sokolova24@list.ru, lsokolov@ugr.es

Интерпретация, Есенин, образы-концепты Дом, Родина

Summary. The paper concentrates on the national key-images in analysis of poetic text of S. Eсенин in the process of Russian Language teaching for foreigners. Linguistic and literary analysis of dominant images helps to determine its hidden semantics. Linguistic and stylistic interpretation encompasses detailed analysis of all language characteristics in their interaction.

Процесс овладения русским языком как иностранным равнозначен вхождению в русский мир, в мир русской национальной культуры. В этом смысле именно русская литература является могучим стимулом и универсальным средством овладения русским языком. В методике изучения иностранных языков особая роль отводится художественному тексту как лингвосоциокультурному феномену, так как именно он является основным и важнейшим инструментом познания языка другого народа, его культуры и менталитета.

Опыт практической работы в иностранной аудитории показывает, что трудности чтения иноязычного художественного текста сконцентрированы прежде всего на уровне формы, языка, точнее «кода» художественной литературы: другие символы, другие элементы материального мира, используемые как знаки, за которыми стоят знакомые и понятные человеку любой национальности чувства и мысли.

Национально-специфичные словесные образы составляют существенную долю средств словесной образности русского художественного текста и представляют собой потенциальную трудность для читателя-инофона. В связи с этим им следует уделять необходимое внимание, которое должно проявляться не в объяснении или комментировании преподавателя (эти традиционные приемы, на наш взгляд, не всегда оптимальны), а в усмотрении «общечеловеческого» компонента в семантике национально-специфичного словесного образа с опорой на контекст и выявлении на этой основе национальной специфики.

Интерпретация поэтических произведений С. Есенина способствует развитию уровня постижения русской языковой картины мира, так как есенинские ключевые образы-концепты проливают свет на духовные константы русской культуры. Опыт преподавания русского языка и русской литературы в испаноязычной аудитории позволяет сделать вывод о том, что именно тексты С. Есенина вызывают неизменный интерес у читателя-инофона, и одновременно, большие трудности в понимании ключевых языковых единиц. Это связано с тем, что в текстах С. Есенина достаточное количество языковых единиц, обладает богатой «скрытой семантикой», т. е. содержит нетривиальные презумпции, дающие «ключ» к пониманию каких-то ее важных характеристик языковой концептуализации мира. Они определенным образом соотносятся с «ключевыми» концептами культуры. В силу того, что они содержат нетривиальные презумпции, они обычно плохо поддаются переводу на другие языки [2]. Так, плохо поддаются переводу в текстах Есенина такие «ключевые» русские слова, как *удаль, тоска, надрыв, воля, простор, даль, ширь, приволье, раздолье, добраться, выбраться, разлука, неприкаянный* и др.

С другой стороны, переводимые ключевые слова есенинского текста обретают иные смыслы и в поэтическом контексте трансформируются в ключевые образы-концепты соотносимые с национальной картиной мира. Так, например, одним из центральных, ключевых образов-концептов в художественном мире С. Есенина является образ Дома (с большой буквы как одного из священных устоев национальной жизни). В поэзии С. Есенина образ Дома вбирает в себя как мифопоэтические представления русского народа, так и сакральное, символическое значение, которое отводилось Дому

в русской классической литературе: Дом — это Родина, семья, мать, начало жизни, национальный мир и национальная традиция; отсутствие их делает человека *безродным*, лишает корней, превращает в горемыку-скитальца. Оппозиционным Дому в русской литературе XIX века обычно выступал восходящий к библейской притче о блудном сыне мотив дороги. Так происходит в творчестве Пушкина, Лермонтова, романах Гончарова, Тургенева, Толстого. С. Есенин продолжает эту традицию: в его поздней лирике («Где ты, где ты, отчий дом», «Я покинул родимый дом», «Письмо к матери» и др.) тема покинутого и вновь обретенного дома, ухода и возвращения, становится центральной.

Вместе с тем С. Есенин не просто продолжает традицию русской классической литературы, но коренным образом изменяет ее ракурс: в противоположность русской классической прозе, где черты идиллического пространства приобретали «дворянские гнезда», центральным образом-концептом в творчестве С. Есенина становится *изба* (данное слово не поддается переводу на испанский язык). Благодаря Есенину именно изба становится таким же культурно-историческим феноменом в литературе XX века, каким была патриархальная усадьба в классической прозе XIX века [3]. В поэзии же С. Есенина Дом-изба становится центральным образом, в творчестве поэта он обретает философскую значимость. По верному замечанию исследовательницы творчества С. Есенина Н. М. Солнцевой, тема избы не была для поэта лубком, ее следует рассматривать в контексте Нового Завета: крестьянский образ жизни олицетворял земной рай, был адекватен царствию небесному [1]. Образ крестьянского рая воссоздан в хрестоматийном есенинском стихотворении «Гой ты, Русь моя родная...». Лирический герой — богомолец; дух на Руси — благодатный, райский; сами хаты обретают религиозное звучание — это «в ризах образа». Ключевой образ Дома расширяется в лирике Есенина, вырастая из Дома — избы в Дом — Храм, Дом — Родину — Русь и, наконец, Дом-Вселенную. Поэтому неотъемлемым для этих образов-концептов является элемент религиозного, сакрального предназначения — во спасение души. Таким образом, образ-концепт Дом-Родина-Родная земля предстает в творчестве Есенина как бытийная категория народного мироощущения, ориентированная на национальное и социальное сознание, которая призвана делать положение человека в мире универсально устойчивым. С одной стороны, образ Дома тесно связан с концептами «покоя» и «тишины», которые, наполняются метафизическим смыслом и символизируют устремленность к духовному идеалу, «небесному» бытию; с другой стороны — с есенинской трактовкой «бездомности» как духовной катастрофы отдельного человека и нации в целом, причину которой поэт видит в отказе от традиционных духовно-нравственных ценностей.

Литература

1. Солнцева Н. М. Сергей Есенин. М., 1997.

2. Шмелев А. Д. Русская языковая картина мира: система ценностных установок // Congreso Internacional «La lengua y literatura rusas en el espacio educativo internacional: estado actual y perspectivas». Ponencias y comunicaciones. Tomo II. Granada; San-Petersburgo, 2007.

3. Шукин В. Г. Спасительный кров // Из истории русской культуры. Т. V (XIX век). М., 2000.

К вопросу об амбивалентности лингвокультурных концептов

Г. С. Сырица

Даугавпилсский университет (Латвия)

galina.sirica@du.lv

Лингвокультурный концепт, аксиологичность, амбивалентность

Summary. The work deals with the specific axiological character of linguistic cultural concepts and their ambivalence, in private. The research is focused on some concepts and first of all spatial mythologemes ambivalence and its reflection both in the core and interpretative layers. National cultural specificity of the concept mostly reveals in its ambivalence, in proportion of meliorative and pejorative evaluations.

Как известно, к числу базовых характеристик лингвокультурных концептов относится аксиологичность (ценность). Чаще всего она отражена уже в ядерном слое концепта, в том числе — в самом имени концепта (ср.: *дружба, любовь, красота, тоска, страх, богатство, бедность* и др.). Специфическим проявлением аксиологичности концепта является его амбивалентность, выражающаяся в противоположности оценок, в двойственности отношения к одному и тому же объекту. Проблема амбивалентности (антиномичности) концепта рассматривается в ряде работ. Так, Л. Грузберг описывает антиномичность концептов *слово, смерть* [2]; С. Воркачев указывает на высокую степень значимости признака амбивалентности в интерпретационном поле концепта *любовь* [1] и др.

Амбивалентность концепта может проявляться уже в его ядерном слое, о чем свидетельствуют данные ассоциативных экспериментов (ср., например, амбивалентно-оценочные ассоциаты на слова-стимулы *печаль, любовь, рассвет, снегопад* и мн. др.) [5]. Так, например, слово-стимул *снегопад* включает целый ряд эмотивной лексики, которая свидетельствует об амбивалентной оценочности: *радость, красиво, красивый, мерзкий, скучно, ужасный* [5]. Однако, в первую очередь, амбивалентность находит отражение в интерпретационном поле концепта. Амбивалентными часто предстают концептуальные признаки, выявленные на основе анализа паремиологического фонда, а также художественного и публицистического дискурсов. Так, амбивалентная оценочность концепта *сон* проявляется в ряде концептуальных сочетаниях. С одной стороны, сон дает здоровье, приносит выздоровление: *Сон лучше всякого лекарства; сон дороже лекаря; ляг да усни, встань да будь здоров!; выспишься — помолодеешь; ляг, опочинься, ни о чем не кручинься!*, с другой — приносит нездоровье: *Со сна головушку разломил; со сна распух*. Вещий сон (сновидение) правдив (*Вещий сон не обманет; как сон в руку; сон правду скажет, да не всякому*) и одновременно сон тщетен: *Куда ночь, туда и сон; грозен сон (черт), да милостив бог*. [4].

Развитие амбивалентной оценочности является характерной особенностью многих эмоциональных концептов, пространственных мифологем. Наиболее яркое проявление амбивалентности концепта обнаруживается в оксюморонных сочетаниях, например: *страшная красота (красавица), веселая тоска, полюбить тоску: О, пусть, пусть эта страшная красавица (именно страшная, есть такие!)* (Достоевский); *Недоумелая, мое недоуменье, / Всегда веселая, она моя Тоска* (Анненский); *И пускай со звонами плачут глухари / Есть тоска веселая в алоях зары (Есенин); И меня по ветряному свею, / по тому ль песку, / поведут с веревкою на шее / полюбить тоску; Люблю до радости и боли / Твою озерную тоску* (Есенин).

Культурно-специфические особенности концепта *простор* (*ширь, даль*) выражаются в амбивалентности оценок: с одной стороны, — *без простора нет покоя; без простора — душная теснота; душа на простор просится*, с другой — *Дай дураку простор, наплачешься* [3] (ср.: избыток просто-

ра — в загуле, в запое) [5]. Столь же амбивалентно-оценочным предстает *узкое, закрытое пространство*. Негативная оценочность мифологемы *щель* задана уже самим характером оценки пространства — *дефектное, расщепленное, нецельное, таящее в себе угрозу для жизни*. Мифологическое осмысление *щели* (отверстия) связано с указанием на место проникновения нечистой силы. Одновременно позитивно-оценочный потенциал мифологемы проявляется в характеристике пространства в экстремальных условиях, связанных с преследованием, с необходимостью укрыться, спрятаться. *Щель* выступает как потаенное, укромное место, где можно спрятаться, притаиться; оно может служить укрытием, стать местом уединения (ср.: *щельник* — монах-отшельник).

В славянской мифологии *угол* традиционно считается местом обитания нечистой силы (ср. обряды, связанные с «очищением» угла) и одновременно указывает на качественно другое, освященное пространство. Угол выступает как освященное место, место для приема почетных гостей (ср устойчивые сочетания: *Красный угол, Передний угол, Святой угол*; ср. также: *Красна изба углами, а обед пирогами*); кроме того, угол — уютное, отгороженное от посторонних взглядов место (*Свой уголок — свой простор; свой уголок — хоть боком пролезть — а все лучше*) [3]. *Перекресток*, с одной стороны, — нечистое место, место действия темных сил, с другой — место покаяния, перерождения личности.

Мифологема *кружение* связана с представлением о *круге*, имеющем амбивалентные коннотации. Круглые, обтекаемые предметы обладают более приятными свойствами, чем острые, угловатые (ср. также устойчивое сочетание *за круглым столом* — на равных правах). В христианской иконографии в виде круга изображается нимб. Мифологема *золото* связана с нечистой силой (ср. мотивы кладоискательства, золотоискательства), это знак идолопоклонничества (из золотых украшений отливался золотой телец). Одновременно светоносное начало золота отражено в иконописи. Амбивалентный характер носит мифологическая символика *огня*: грозное, мстительное пламя, грозящее смертью, и очищающее пламя, несущее свет и тепло.

Таким образом, специфичность аксиологичности тех или иных концептов проявляется в характере соотношения мелiorативных и пейоративных оценок. Амбивалентность концепта в значительной степени связана с отражением его национально-культурной специфики.

Литература

1. Воркачев С. А. Любовь как лингвокультурный концепт. М., 2007.
2. Грузберг Л. Концепт, или Почему Америка — концепт, а Финляндия — нет? // Филолог. 2002. № 1.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1982.
4. Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1999.
5. Русский ассоциативный словарь: В 2 т. М., 2002 (РАС).
6. Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002.

Концепт «общение» в языковом сознании студентов русского и казахского отделений

М. В. Тавлуй

Кокшетауский государственный университет им. Ш. Уалиханова (Казахстан)

mtavluy@yandex.ru

Межкультурное общение, концепт, языковое сознание, ассоциативный эксперимент, русское и казахское отделение

Summary. The paper is devoted to the analysis of the data of the free associative experiment spent in student's groups consciousness of different nationalities.

В современном обществе происходит процесс активного взаимодействия культур. Человечество идет по пути расши-

рения и укрепления связей между государствами, народами, конфессиями.

Становясь участниками межэтнических контактов, люди оказываются в ситуации соприкосновения разных языковых картин, взаимодействия разных языковых сознаний.

Несовпадение этнических стереотипов, моделей поведения, в том числе — речевого, порой ведет к непониманию представителями разных национальностей друг друга. К сожалению, иногда непонимание перерастает в открытые конфликты.

Многонациональный и многоконфессиональный Казахстан — пример толерантного отношения народов друг к другу. Этому способствуют различные факторы, объединенные доброй волей руководства и граждан страны. Один из таких факторов — развитие языков народов, проживающих в Казахстане.

Материалом для анализа межнационального, межкультурного общения могут служить данные ассоциативного эксперимента. Они позволяют выявить общее и различное в сознании представителей разных культур.

Свободный ассоциативный эксперимент с регистрацией цели ответов, выданных за определенный промежуток времени, или эксперимент с продолжающейся реакцией, проведен в сентябре 2009 в студенческих группах разных специальностей Кошкентауского государственного университета им. Ш. Уалиханова.

Единицей изучения фрагментов языкового сознания стал концепт «общение».

Испытуемым предлагалось дать реакции на слово-стимул *общение* таким количеством слов, которое они смогут или успеют воспроизвести за пять минут.

Количество участников эксперимента — 50 человек.

Первая группа испытуемых (двадцать пять человек) — студенты русского отделения. Вторая группа (двадцать пять человек) — студенты казахского отделения.

В группе русского отделения получено 326 реакций, в том числе — 20 словосочетаний. В группе казахского отделения получено 175 реакций, в том числе — 37 словосочетаний.

Результаты эксперимента показывают: представители объединенных общей судьбой народов, сохраняя свою этническую уникальность, на один и тот же стимул дают похожие реакции. Этнокультурное взаимодействие русских и казахов проявляется в стереотипных моделях речевого поведения.

В настоящей работе представлены первые двадцать реакций, расположенных от большего к меньшему числу испытуемых.

Русское отделение.

Друг (друзья) — 17 раз; *разговор* — 15; *телефон* — 10; *встреча(и)* — 8; *информация* — 8; *дружба* — 7; *любовь* — 7; *речь* — 7; *спор* — 7; *беседа* — 6; *диалог* — 6; *Интернет* — 6; *слово(а)* — 6; *язык* — 6; *дом* — 5; *СМС* — 6; *человек* — 5; *говорить* — 4; *знакомства* — 4; *контакт(ы)* — 4.

Казахское отделение.

Разговор — 14; *друг (друзья)* — 13; *телефон* — 9; *беседа* — 5; *диалог* — 5; *Интернет* — 5; *люди* — 5; *радость* — 5; *СМС(-ки)* — 5; *девушка(и)* — 4; *грусть* — 3; *информация* — 3; *смех* — 3; *слова* — 3; *язык* — 3; *шутка(и)* — 3; *веселье* — 2; *мысль(и)* — 2; *отдых* — 2; *отношения* — 2.

Заслуживает внимания факт совпадения слов под порядковыми номерами 1, 2, 3: *друг (друзья)*, *разговор*, *телефон*.

Реакция *друг (друзья)* выдана студентами русского отделения 17 раз, находится на первом месте, студентами казахского отделения — 13 раз, на втором месте.

Слово *разговор* встречается в ответах первой группы испытуемых 15 раз, располагается на втором месте, в ответах второй группы — 14 раз, на первом месте.

Реакцию *телефон* находим в листах ответов студентов русского и казахского отделений на третьем месте. В русской группе слово повторилось 10 раз, в казахской группе — 9 раз.

Количество слов, употребленных более одного раза: РО — 77, КО — 34. В них 14 совпадений, включая три первые реакции в обеих группах.

Слово *информация* повторяется студентами русского отделения 8 раз, студентами казахского отделения — 3 раза. *Интернет*: РО — 6 раз, КО — 5 раз. *Беседа*: 6 — 5. *Диалог*: 6 — 5. *СМС(-ки)*: 6 — 2. *Люди*: 2 — 5. *Отдых*: 2 — 2. *Письмо*: 3 — 2. *Подруга(и)*: 2 — 2. *Язык*: 6 — 3. *Мысль(и)*: 3 — 2.

В оставшихся реакциях выделяем следующие совпадения: *радость*: РО — 1 раз, КО — 5 раз, *тема*: 1 — 2, *брат*: 1 — 1, *группа*: 1 — 1, *дом*: 3 — 1, *знакомиться*: 1 — 1, *интерес*: 1 — 1, *кафе*: 1 — 1, *конфликт*: 2 — 1, *мама*: 1 — 1, *общение-печень*: 1 — 1, *сестра*: 1 — 1, *сплетни*: 3 — 1, *футбол*: 1 — 1, *чувства*: 1 — 1, *школа*: 1 — 1, *любовь*: 1 — 1.

Всего в ответах двух групп наблюдается 31 совпадение.

В материале эксперимента встречаются реакции, не совпадающие по звучанию и написанию, но несущие сходную смысловую нагрузку.

Например, РО: *детский сад* — 1 раз, КО: *дети* — 1 раз; РО: *играть* — 1, КО: *игра* — 1; РО: *нежность* — 1, КО: *нежные слова* — 1; РО: *обогащение опытом* — 1, КО: *обмен опытом* — 1; РО: *обсуждать* — 1, КО: *обсуждать дела* — 1, *обсудить* — 1; РО: *открытый* — 1, КО: *открытый разговор* — 1; РО: *поддерживать* — 1, КО: *поддержка* — 1; РО: *понимание* — 1, КО: *понимающие* — 1.

В ответах респондентов обеих групп прослеживается связь между последовательно наступающими реакциями, когда очередная реакция является не реакцией на первоначальный стимул, а реакцией на предшествующую реакцию, выступившую в качестве нового стимула.

Наблюдаем в группе РО следующие примеры: *озеро* — *пикник*; *озеро* — *поход* — *компания*; *вокзал* — *перрон*; *матч* — *прямой эфир*; *дружба* — *любовь*; *спор* — *дебаты*; *до утра* — *ночью*; *ученики* — *студентки* — *педагоги*; *собеседник* — *собеседница*.

В группе КО: *смех* — *слёзы*; *мама* — *папа*; *пляж* — *отдых*; *диалог* — *монолог*; *радость* — *грусть* — *тоска* — *печаль*; *строгое лицо* — *смешное лицо*; *СМС* — *почта*; *Интернет* — *письмо* — *почта*.

Безусловно, в ответах респондентов наблюдаются различия, описание и анализ которых требуют дальнейшего изучения.

Данные ассоциативного эксперимента подтверждают высокий уровень владения русским языком студентов, для которых родным является казахский язык, фиксируют общие модусы в языковом сознании представителей разных национальностей, сосуществующих и обогащающих друг друга.

К проблеме дискурсивного варьирования концептов (на материале религиозного и поэтического дискурса)

И. А. Тарасова

Саратовский государственный университет

tarasovaia@mail.ru

Концепт, дискурс, варьирование, образная парадигма

Summary. The report is devoted to the problem of discourse varying of cultural concepts. Discourse varying is interpreted as modification of cultural concepts meaning under the influence of typical values for this discourse. The analyses of concept «faith» functioning in religious and poetic discourse shows that varying is realized in the actuality degree of cognitive signs, correlation of *conceptual* and figurative components of the concept, value component, interaction with other concepts.

Тема, обсуждаемая в докладе, затрагивает решение важной для когнитивной лингвистики и лингвопоэтики теоретической проблемы: феномена вариативности культурных и художественных концептов. Положение о лингвокультурном варьировании концептов широко распространено в

концептологических работах. Наряду с лингвокультурным, правомерно говорить и о других типах варьирования: социокультурном, возрастном, дискурсивном [3]. Объектом нашего исследования послужил концепт «вера». В качестве двух типов дискурсов, в которых избранный концепт про-

являет различие своих когнитивных признаков и неодинаковую актуализацию составляющих концепт слоев, выступают дискурсы религиозный и поэтический. Связь указанных типов дискурсов в литературоведческих исследованиях последних лет устанавливается через методологическое понятие «православного» (И. А. Есаулов), или «христианского» кода (С. В. Кекова) — системы средств выражения, образов, мотивов, сюжетов, восходящих к библейским и святоотеческим источникам и сохраняющих их идеологию и аксиологию. Но связь библейских и поэтических концептов может быть рассмотрена и под другим углом — как проявление универсального свойства вариативности культурных концептов, к числу которых, несомненно, относится концепт «вера».

Концепт «вера» является центральным концептом религиозного дискурса [1]. К числу его базовых когнитивных признаков относятся «убежденность» и «отношение к Богу». «Сильными» контекстами, раскрывающими концептуальное содержание гиперлексемы «вера» в Новом Завете, являются «молитва с верою» (Мф. 21:22), «вера Божия» (Мк 11: 23), «верю Богу» (Деян. 27: 25), «один Господь, одна вера, одно крещение» (Еф. 4: 5) и т. п. Апостол Павел дает афористическое определение веры как «осуществления ожидаемого и уверенности в невидимом» (Евр. 11:1).

В религиозном дискурсе концепт «вера» осмысливается прежде всего логически, дискурсивно. Число образных моделей, зафиксированных нами в текстах Нового Завета, невелико. К ним относятся: вера — оружие (*щит, броня*); вера — растение (*зерно, корень*); вера — строение (*дверь*); вера — очищение.

Поэзия XVIII века сохраняет концептуальную закрепленность ключевой лексемы за сферой «божественное», однако на первый план в поэтическом концепте выдвигается образный компонент. Материалы словарей русской поэзии показывают, что наиболее охотно поэты XVIII века при образной концептуализации веры обращаются к световой метафоре: ср. у В. В. Капниста в «Оде на счастье»: *О вера! глас Творца вселенной, Святейший луч его лучей! Отрада жизни угнетенной! Душевна здравия елей! Оставь небесную обитель: Сиди, — будь вождем нам, просветитель; Наставь нас, что доколе мы Вериг не сбросим тела страстна, Не можем света, нам причастна, От сродной нам отторгнуть тьмы.* Парадигма «вера — свет» остается актуальной и в поэзии XIX века. К ней обращаются А. С. Пушкин (*Там веры чистый луч потух, отрадный сердцу свет*), Н. М. Языков (*Пусть веры кроткое сиянье Тебе осветит жизни путь*), А. С. Хомяков (*Там в ярких радугах сливались вдохновенья И веры огонь живой потоки света лил*) и др. Интересно, что в новозаветных текстах метафора вера — свет не встречается, являясь, видимо, принадлежностью более поздней риторической традиции. Так, в сочинении преп. Иоанна

«Лестница возводящая на небо», содержится такое размышление: *По моему разумению, вера подобна лучу, надежда — свету, а любовь — кругу солнца.* Собственно библейской является вторая по активности в поэтическом дискурсе парадигма «вера — оружие». Здесь одическая традиция непосредственно следует за библейской риторикой: ср. у Г. Р. Державина: *Враги Христовы суть ничтожны. От них нам вера — щит; Он праведных хранит.* Эту высокую традицию наследует в XIX веке Ф. И. Тютчев: *В доспехи веры грудь одень, И с Богом, исполин державный!.. О Русь, велик грядущий день, Вселенский день и православный!* Все рассмотренные контексты свидетельствуют о положительном знаке концепта.

Контексты поэзии XX века, собранные в словаре «Религиозная лексика в стихах русских поэтов Серебряного века», демонстрируют разрушение устойчивой сочетаемости ключевой лексемы, трансформацию ее морфологических и синтаксических свойств, что является сигналом серьезных концептуальных изменений в поэтическом дискурсе рубежа веков. Имя концепта начинает употребляться во множественном числе: *Сознание страшного обмана Всех прежних малых дум и вер* (А. Блок); *Старых вер Иордань* (М. Цветаева); *Смесью классов, вер, сословий и наречий на рублях колес земляща дигалась* (В. Маяковский); включаться в конструкции с отрицанием: *Я и без веры живой, Мне и надежды не надо!*; *Без веры в Бога, без участия, В скитаньи пошлом гибну я* (А. Блок); приобретать нетипичную валентность: *вера воды, вера в правду* у В. Хлебникова, *вера бытия* у А. Блока, *вера в коммуны* у В. Маяковского, *вера в будущее* у Б. Пастернака, *вера — в силе* у С. Есенина. Погашение, затушевывание когнитивного признака «отношение к Богу» — свидетельство расхождения художественного и религиозного сознания, позволившее В. Вейдле заявить о кризисе и «умирании искусства» [2].

В рамках нашей темы это наблюдение может быть осмыслено как увеличение амплитуды вариативности содержания концепта, первоначально функционирующего в религиозном дискурсе. Если в поэзии классического периода дискурсивное варьирование проявлялось, прежде всего, в большей выделенности (актуальности) и разнообразии образного слоя концепта при неизменности понятийной составляющей, то в модернистской поэзии варьирование затрагивает в основном понятийное ядро и оценочный компонент концепта.

Литература

1. Бобырева Е. В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения). Волгоград, 2007.
2. Вейдле В. Умирание искусства. М., 2001.
3. Крючкова Н. В. Концепт — Референция — Коммуникация. Саратов, 2009.

Звуковые и зрительные элементы метафорической картины мира (на материале русских и итальянских энтонимов)

Т. А. Трипольская, Е. Ю. Булыгина

ГОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет»

tr_tatiana@ngs.ru, ifmip@nspsu.net

Картина мира, механизмы метафоробразования, метафорические модели, эмотивно-оценочные характеристики лица

Summary. The report performs a comparative research of sound and visual world pictures in Russian and Italian languages. It is revealed that the words of the subject group of entomonims in both languages contain significant metaphorical potential. National-cultural peculiarities are observed in the fact that visual images dominate in Russian world picture and sound images dominate in Italian picture of the world.

Данное исследование посвящено изучению механизмов метафоризации и их роли в отражении и интерпретации русской и итальянской картин мира. Метафора понимается нами вслед за ведущими исследователями (Н. Д. Арутюнова, В. Г. Гак, Дж. Лакофф, Дж. Сёрль, Г. Н. Склярская, С. Ульман, А. П. Чудинов, Д. Н. Шмелёв и др.) как вторичная косвенная номинация при обязательном сохранении семантической двуплановости и образного элемента, а также как вербализованный прием осмысления окружающего мира.

Особое внимание в сопоставительных исследованиях уделяется вторичной номинации, а именно метафоре, в которой

отражаются логические и мифологические черты национального менталитета. Так, зооморфная метафора неоднократно становилась объектом изучения в русском, английском и французском языках (Е. А. Гутман, Ф. А. Литвин, М. И. Черемисина; О. А. Рыжкина и др.). Наименования насекомых и связанные с ними символические значения изучены лучше современным литературоведением (С. Г. Бочаров, В. В. Мароши, Н. Е. Меднис и др.), в сопоставительных лингвистических исследованиях они специально не рассматривались, а именно эта лексическая группа оказывается весьма актуальной и интересной с позиций когнитивной лингвистики и двуязычной лексикографии.

Цель настоящей работы — выявить основные метафоробразующие признаки в семантической деривации наименований насекомых в двух языках. Даже первичная обработка материала позволяет выдвинуть гипотезу о том, что, во-первых, лексемы тематической группы энтомонимов в обоих языках обладают значительным метафорическим потенциалом, во-вторых, семантические признаки, положенные в основу метафоры, несмотря на частичное совпадение, имеют национально-культурные особенности в русском и итальянском языках. Так, значимость, количество и функции зрительных и звуковых метафор в исследуемом лексическом фрагменте будут существенно отличаться.

Обычно в сопоставительных лексикологических исследованиях сравниваются одноименные тематические группы с точки зрения количественных и качественных особенностей метафорических полей, порождаемых лексемами изучаемых парадигм. Этот полезный материал может быть существенно дополнен результатами исследования механизмов метафоризации, которые позволяют вскрыть универсальные и уникальные черты национальных картин мира.

Мы располагаем выборкой из словарей русского и итальянского языков, контекстной выборкой из *ruscoprogra.ru*, а также результатами ассоциативного эксперимента, проведенного с русскими и итальянскими информантами.

Семантико-прагматическое исследование метафорических номинаций дает возможность выделить ведущие метафоробразующие признаки энтомонимов в русском и итальянском языках: в итальянском доминирующим образом, связанным с номинациями насекомых, является **звуковой** (трещать, стрекотать, зудеть, издавать звуки крыльями): *cicala* — *цикада*, *zanzara* — *комар*, *grillo* — *кузнечик*. В образовании звуковых метафор важное значение имеет так называемая первичная образность, внутренняя форма слова, связанная с имитацией звуков, издаваемых насекомыми (жужжание мух и пчел, стрекотание цикад и сверчков, звон / зуд комара и др.).

Так, доминантными характеристиками для метафор *cicala* и *grillo* (*кузнечик*, *цикада*, *сверчок*) являются звуковые образы (петь, стрекотать, говорить много и быстро, болтать), а также очень важной чертой, связанной с пением цикады, является смена сезонов (лето, осень). Ср.: *Cicala* — *цикада* имеет следующее толкование: 2. Перен. Болтун, надоеда, прилипала (прост.); *cicalare* — болтать, стрекотать, судачить; *cicalata* — сучная, бесконечная болтовня; *cicaleccio* — болтовня, стрекотня; *cicalio* — непрерывная болтовня; *cicalone* — болтун, тараторка (разг.) (Зорько, Майзель 2002).

Grillo также образует звуковые метафоры, не зафиксированные в словаре, «человек, который любит петь», а также «тот, кто много говорит», перен., разг., шутл.: *canterino* как *una grillo* (певун, любитель пения, как сверчок); *una persona che canta sempre, canterino* (человек, который всегда

поет, певун); *sempre allegro, perche' il grillo canta*» (всегда веселый, потому что сверчок поет); *grillo vuol dire una persona che parla molto come fa il grillo appunto, un Uomo che parla come un Grillo si dice di un Uomo che parla veloce ma che non dice molte verita* (сверчок — это человек, который много говорит; человек говорит, как сверчок (стрекошет) — это человек, который говорит быстро, но говорит мало правды); *solo se parli di uno che salta qua e là* (перескакивает в разговоре с одного на другое).

Подобный механизм метафоризации наблюдается у *zanzara* (*комар*) — «о человеке назойливым, докучливым»: *fastidioso come una zanzara* (надоедливый, назойливый, как комар); *una persona sempre fastidiosa... simile a pulce ecc* (назойливый, надоедливый, похожий на блоху); *potrei dire a qualcuno «mi dai fastidio come una zanzara»* (ты доставляешь мне беспокойство, как комар); *mi tormenti come una zanzara* (ты мучаешь меня, докучаешь мне, как комар); «о человеке излишне разговорчивом»: *quando una persona parla troppo si dice «fai piu rumore te che una zanzara* (когда человек говорит слишком много, про него говорят: «ты шумишь, как комар»); *una persona che ti ronza intorno* (человек, который жужжит вокруг). Ср.: также *mosca* (*муха*), *calabrone* (*шмель, шершень*) «о человеке назойливым, болтливом, докучливым».

Показательно, что в русском языке *комар*, *муха*, *кузнечик*, *пчела* не развивают звуковых метафор, хотя, например, первообраз слова *кузнечик* связан с кузницей и наковальней, а *пчела* — с бьчела, бычаты (бык). Характеристика манеры человеческой речи в русском языке передается, как правило, с помощью других зооморфных образов (*сорока*, *стрекозотать*, *мычать*, *рычать*, *трещать*, *чирикать*, *свиристеть* и др.).

Ведущим признаком, формирующим метафоры от анализируемых энтомонимов в русском языке, является **зрительный** (*стрекоза* — легкая, грациозная, глазастая, подвижная; *кузнечик* — худой, сухопарый, острые коленки, *пчела* — трудолюбивая). Кроме того, номинация *стрекоза* также развивает зрительную метафору «о живом, подвижном ребенке, непоседе, преимущественно о девочке» (напомним, что этимологически *стрекоза* связана с глаголом *стрекасть* «прыгать, спешить»).

Одинаково неостребованной в метафоробразовании двух языков осталась яркая звуковая характеристика такого насекомого, как *саранча* (*cavalletta*): в итальянском языке — быстрая, подпрыгивающая походка; постоянноехождение в движении (что объясняется внутренней формой слова); прожорливость; в русском же — о человеке прожорливом и наглom.

Интересным в аспекте дальнейших исследований представляется анализ гендерных смыслов у семантических дериватов энтомонимов в их соотношении со звуковыми и зрительными образами.

Когнитивно-дискурсивный словарь в синергетическом аспекте

В. И. Убийко

Башкирский государственный университет (Уфа)

Rub78@mail.ru

Вербально-смысловая сеть, когнитивно-дискурсивный словарь, синергетика

Summary. The discourse and cognitive dictionary includes complex representation of the human concept sphere in semantic field of a language and allows to integrate the levels of the dictionary and the text.

Еще И. А. Бодуэн де Куртэнэ прозорливо предсказал, что «лексикология, или наука о словах, как отдельная ветвь грамматики будет творением XX века» [1: 17]. И действительно, на стыке XX и XXI веков отмечается бурное развитие лексикологии и лексикографии, происходит переосмысление роли словарей разного типа в обществе. При этом ощущается необходимость разработки новых лексикографических концепций, учитывающих значимость не только системно-структурных, но и когнитивно-прагматических характеристик слова. Словарь может и должен стать эмпирической основой новых лингвистических теорий.

В свете синергетики язык может быть представлен как самоорганизующаяся когнитивно-ориентированная система сфер: функционально-семантической сферы, функциональ-

но-смысловой сферы, концептосферы и семиосферы. Такое понимание языка не только значительно расширяет горизонты лингвистики, позволяя включить в непосредственный объект анализа динамику соотношения семантического пространства языка и картины мира конкретного социума, но и существенно углубляет методику собственно лингвистического анализа. В современных лингвистических исследованиях намечаются основы интегрально-синергетического анализа, позволяющего вскрыть функциональную неоднородность семантического пространства языка, дискретные и континуальные свойства языкового знака, которые образуют резервы синергетических процессов в языке. Современное языкознание испытывает настоятельную потребность в создании целостной интегральной концепции есте-

ственного языка, совмещающей структурно-семантический, функциональный и когнитивный аспекты и направленной как на процесс речепроизводства, так и на специфику построения дискурсов разного типа. С этой точки зрения основной задачей когнитивно-дискурсивного словаря является выявление концептуальных линий и репрезентирующих их вербально-смысловых цепочек, определение эпидигматических узлов, образуемых на пересечении смысловых изоглосс. Совокупность вербально-смысловых цепочек образует вербально-смысловую сеть. Она отличается от ассоциативно-вербальной сети [2] семантической (или смысловой) выводимостью ее отдельных звеньев.

Каждый концепт может быть спроецирован в три сферы: сферу языкового сознания, сферу языковой репрезентации и в сферу дискурса (культуры), поэтому изначально концепт должен рассматриваться как синергетическое явление, вбирающее в себя самоорганизующиеся кванты смысла, то сгущающиеся в одних лексемах, то рассеивающиеся в других.

Концепт в языковом сознании выявляется в ходе психолингвистического эксперимента. Изучение концепта в языковой репрезентации представляет выявление лексем и фразеосочетаний из состава лексико-фразеологической системы языка, имеющих соответствующие симемы или отдельные семы разного ранга (архисемы, дифференциальные семы,

периферийные); свободных словосочетаний, выявляющих те или иные параметры концепта; структурных и позиционных схем предложений, несущих типовые пропозиции. Дискурс синтезирует все возможности языковой репрезентации концепта и наращивает его новые слои, обусловленные культурой [4].

Можно выделить дискурсообразующие концепты, например, концепт *Вера* — религиозный дискурс, концепт *Знание* — информационный дискурс, концепт *Власть* — политический дискурс, концепт *Закон* — юридический дискурс и т. д.

Таким образом, когнитивно — дискурсивный словарь базируется на интегральном описании языковых средств репрезентации концептов в их синергетическом взаимодействии и в проекции на дискурсы разного типа.

Литература

1. Бодуэн де Куртэнэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. М., 1963.
2. Караулов Ю. Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М., 1999.
3. Попова З. Д. Модели системы языка в современной лингвистике. Методические указания. Воронеж, 1996.
4. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.
5. Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. М., 1999.

Полевая структура концепта «жизнь»

Е. В. Хлопкова

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Российский государственный социальный университет» (филиал в г. Тольятти)

mifodi78@rambler.ru

Концептосфера, концепт, языковая репрезентация, концептуальный анализ

Summary. The paper is devoted to the modification of «life» concept's field-structure to be the main characteristics of Pelevin's language representation of the world.

Особое значение в создании концептосферы, по мнению Д. С. Лихачева, принадлежит носителям фольклора, писателям и особенно поэтам.

В качестве примера концептуального анализа, выполненного на материале совокупности произведений одного автора, рассмотрим репрезентанты концепта «жизнь» в повестях В. Пелевина. В этом качестве концепта «жизнь» рассматриваются единицы, функционирующие в речи персонажей художественных произведений, созданных автором, то есть именно В. Пелевин в процессе продуцирования анализируемых текстов из всего многообразия языкового материала выбрал то, что соответствует устойчивым связям между концептами и понятиями в его языковой картине мира.

Мы понимаем концепт как «многомерное культурно-значимое социопсихическое образование в коллективном сознании, опредмеченное в языковой форме и имеющее образное (фреймовое), описательное (понятийно-дефиниционное) и аксиологическое (нормативно-оценочное) измерения» [3: 12].

Лингвокультурная специфика концепта проявляется во внутренней форме имени, в различных способах репрезентации одного и того же концепта, в образных составляющих концептов, их системных связях и понятийном содержании, а признаком культурно-лингвистического концепта является его коммуникативная релевантность. Исследуемый нами концепт *жизнь* реализуется в языке во всей словообразовательной парадигме. Именем такого концепта признается языковой знак, наиболее полно передающий содержание концепта — существительное *жизнь*.

В философском словаре «жизнь в метафизическом смысле есть основной мотив созерцающего мир мышления как содержание переживания человека, жизненная судьба вообще. Здесь ставятся вопросы о смысле, ценности и цели жизни, и ответы на них даются с точки зрения существующих мировоззренческих предпосылок»; в толковом словаре под редакцией С. И. Ожегова концепт «жизнь» репрезентирован шестью значениями, однако анализ словарных дефиниций и зафиксированных в них примеров не исчерпывают содержание лингвистического анализа данного концепта. Отмечается некоторая нечеткость и размытость репрезентации

сущностных признаков в дефинициях рассматриваемых лексем. Лексикографическое сознание, стремясь к унификации толкований, не учитывает аспект речевой реализации и связанных с этим личностных ассоциативно-образных трансформаций и специфики концепта «жизнь» в целостной языковой картине мира народа и личности.

Как показывают наблюдения, бытие субъекта эксплицируется и определяется в художественном дискурсе через эмоционально-экспрессивное пространство, речевым / языковым экспликатором которого выступает континуум особых образных, оценочно-ассоциативных лексических единиц.

В семантическом составе лексических единиц, передающих понятие «жизнь» в естественном языке, выделяются три уровня признаков: «дефиниционные семы, которые, как правило, совпадают с полной дефиницией, энциклопедические признаки, несущие избыточную информацию, и импlicative признаки, представляющие собой переформулировку дефиниционных признаков, их дополнение или логические выводы из них» [2: 10].

Путем компонентного анализа значения слова *жизнь* выявляется понятийная составляющая концепта *жизнь*.

Функционирование каждой из данных лексем (и их производных) в художественном дискурсе характеризуется многозначностью и неопределенностью семантических границ, наличием коннотативно-ассоциативного значения, что в целом отражает индивидуально-авторскую специфику художественного видения мира, каждый раз создающего особую концептуально-семантическую модель концепта «жизнь».

Раскрыть содержание и объем концепта представляется возможным, выделив и описав все значения его имени и ближайшего контекста, так как семантика слова является зависимой от значения контекста.

В результате анализа текстов мы определили ядерные и периферийные значения концепта, а также выделили основные компоненты концепта «жизнь». В ядро концепта включено понимание жизни как биологического существования: таким образом, оно представляет лексическое значение слова «жизнь», представленное в словарях.

К приядерной зоне относим «длительность жизни», «качество жизни», «жизнь — судьба», что является одной из особенностей языковой личности В. Пелевина, поскольку в словарях и имеющихся синонимических рядах нет варианта «жизнь-судьба». Что же касается компонентов «движение», «целостность» жизни, зафиксированных в различных словарях, то они не реализуются в анализируемых текстах автора в представленных словарных значениях, причем репрезентант «целостность» как полнота проявления физических и духовных сил противопоставляется существованию, контекстуально представляющему собой бесцельное проживание.

Периферия концепта *Жизнь* представлена компонентами «темнота», «борьба», «тайна», «мир», «тоска» с преобладанием в них отрицательно-оценочных коннотаций.

Индивидуально-авторская картина мира имеет в тексте отраженный характер и несет на себе черты языковой личности автора. «Продуктивным способом описания языковой картины мира является концептуальный анализ, который заключается в выведении из содержания всего текста базового концепта, а также сведений, знаний о концепте, состав-

ляющих его концептосферу. В литературно-художественном тексте осуществляется эстетическая концептуализация мира, проявляющаяся в том, что автор как творческая личность, наряду с общепринятыми знаниями, привносит в представление о мире свои частные, индивидуальные знания. Аспекты концептуализации обусловлены, во-первых, объективными законами мироустройства, во-вторых, оценочной позицией автора, его углом зрения на факты действительности. В свою очередь, аспекты концептуализации во многом объясняют полевою структуру концептосферы, которая зависит от способов языковой репрезентации концепта» [1: 27].

Литература

1. *Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В.* Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник; Практикум. 3-е изд. М., 2005.
2. *Воркачев С. Г.* Концепт как «зонтиковый термин» // *Язык, сознание, коммуникация*. Вып. 24. М., 2003. С. 5–12.
3. *Ляпин С. X.* Концептология: к становлению подхода // *Концепты*. Научные труды Центроконцепта. Вып. № 1. Архангельск, 1997. С. 11–35.

Концепт и дискурс: pro et contra

Л. О. Чернейко

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

avollis@mail.ru

Язык науки, термин, сочетаемость, концептуальный анализ, мировоззрение

Summary. This report is dedicated to the concept and discourse as a basic and principal terms of the cognitive linguistic, their definition and compatibility with the verbs and adjectives.

1.1. Для языкознания в целом и для современной лингвистики в частности к числу аксиоматических положений относится «постулат Соссюра — Бенвениста»: «в лингвистике точка зрения создает объект» (Соссюр. Курс 1916 г.) / «реальность исследуемого объекта неотделима от метода, посредством которого объект определяют» (Бенвенист. Статья 1962 г.). С этим бесспорным положением перекликается мысль С. Д. Кацнельсона, высказанная им в статье 1972 г., о том, что «процессы речевой деятельности и связанные с ними процессы мышления-понимания непосредственно недоступны лингвистическому наблюдению». Особенность любого аксиоматического положения состоит в том, что научное сообщество воспринимает его как общее место, как научный трюизм и перестает замечать. Но при смене научных парадигм подвергаются ревизии базовые аксиомы той или иной сферы знания.

1.2. Для когнитивной лингвистики это прежде всего понимание устройства языка и слова. Поскольку лингвистическому наблюдению доступна только речь, постольку именно она является эмпирической лингвистической реальностью. Все инструменты ее исследования (термины и стоящие за ними сущности, а также концепции) имеют статус не онтологический, а эпистемологический. Но, как показывает анализ сочетаемости терминов КОНЦЕПТ и ДИСКУРС в многочисленных контекстах их употребления, научные инструменты, т. е. сущности эпистемологические, обнаруживают явную тенденцию превращаться в сущности онтологические (*концепт функционирует, закономерности формирования концепта в сознании; содержательная единица памяти, ментального лексикона, языка мозга; концепты этих деревьев; концепты как интерпретаторы смыслов; концепт, схваченный знаком*). Неразличение объектов и инструментов познания как феноменов разных типов реальности, известное в философии под названием «научный реализм», приводит в лингвистике к непониманию исследователем того, что же он описывает: речь в ее функциональных разновидностях (т. е. естественный язык в его материальной ипостаси) или созданные наукой инструменты изучения речи.

2.1. Термины КОНЦЕПТ и КОНЦЕПТОСФЕРА не только утвердились в языке современной лингвистики, но потеснили своих ближайших соседей по метаязыку — термины ОБРАЗ, ПОНЯТИЕ, СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ, а термин ДИСКУРС

практически вытеснил из современной лингвистической речи термины ЯЗЫК, РЕЧЬ, ТЕКСТ. Причина возражений многих лингвистов против этих терминов кроется, как представляется, в необоснованности их применения. Цель проведенного исследования — попытка реконструкции тех представлений, которые направляют сочетаемость анализируемых терминов в научных текстах и позволяют семантически обосновать целесообразность их введения в терминосистему. Исследование функционирования терминов в научной речи необходимо для определения их семантического места в научной парадигме, поскольку содержание знака в целом (его семантика и прагматика) и термина в частности обнаруживается не в лексикографических толкованиях, а в его функционировании (в речи, в контекстах).. Что же касается терминов новых, то изучение синтагматики термина диктуется требованием целесообразности, научной обоснованности его введения.

2.2. Теоретической силой обладает понимание концепта как модели сложного содержания ключевых слов культуры. Концепт — это модель содержания значимых для культуры слов, включающего проективные смыслы, которые отражают логику и мифологию означенных словами сущностей и обладают большой текстопорождающей силой. Понимание концепта как модели слова задает соответствующую сочетаемость термину КОНЦЕПТ: если концепт — модель содержания семантически сложных единиц языка, то и речь о концепте направляется именно таким его пониманием, т. е. с использованием предикатов имени МОДЕЛЬ. Поэтому концепт не функционирует (как слово или язык), а применяется; будучи моделью, концепт передает, отражает содержание слова; в свою очередь, слова языка или единицы ментального лексикона моделируются, рассматриваются как концепты.

2.3. Проведенный анализ конкордансов термина ДИСКУРС с акцентом на тех контекстах, где невозможна его замена терминами ЯЗЫК, РЕЧЬ, ТЕКСТ, позволяет семантически обосновать его теоретическую значимость при исследовании речи и предложить следующее определение: ДИСКУРС — это мировоззренческий посредник между индивидуальной речью и коллективным языком-кодом. Иными словами, дискурс — это инструмент изучения речи в аспекте ее внутренней формы (идеологии, картины мира), т. е. мотивированности сочетаемости единиц языка, терминов в том числе.

Мифопоэтический концепт «металлы» (железо): на материале русских заговорных текстов

Н. В. Шестеркина

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Саранск)

nvshest@mail.ru

Когнитивная метафора, заговор, мифологический мотив, концептуальный признак

Summary. The paper analyses, on the basis of Russian texts of charm, the structure of conceptual components naming «Iron» as an integral part of the archetypal concept-cluster «Me-tals». There is given a classification of mythic motifs (according to N. Poznanskiy) and parallels with Indo-European texts of charm, including the Second Merzeburg text-charm (mit dem II. Merseburger Zauberspruch).

Концепт «металлы» — мифопоэтический концепт, порождаемый когнитивной метафорой. Мифопоэтический концепт создается фантазией народа и получает выражение в фольклорных и поэтических текстах, во фразеологизмах и паремиях. Когнитивная метафора позволяет познавать нечто трудно воспринимаемое через образы знакомых, легко наблюдаемых феноменов (Н. С. Попова). Когнитивная метафора участвует в структурировании языковой картины мира. Обрядовая традиция сохранила использование металлов для изготовления культовых предметов (напр. волшебные предметы из металлов в сказках). Тема металлов присутствует в ряде мифологических мотивов (напр. *золотой, серебряный, медный и железный век; медное, серебряное и золотое царство* и т. п.). Из металлов в мифологии чаще всего выступают золото, серебро и железо.

Железо — символ постоянства, жестокости, твердости, силы, упорства, терпения. Эпитет «железный» обладает негативными коннотациями: ср. *железный век* (худший из веков), *железное дерево* (виселица) и рядом поздних мифологизированных мотивов: *железная маска, железная рука, железный крест* и т. д. (Топоров). В связи с «небесным» происхождением (первое железо было метеоритным) железо имеет сакральный статус. В европейских поверьях железо уничтожает чары эльфов, фей и ведьм, принадлежащих миру природы, а во времени — каменному веку, и потому новый металл (знак человеческого овладения природой) им ненавиден. В Европе есть обычаи вешать над порогом железные подковы, чтобы не пустить нечистую силу в дом.

У Эсхила упоминались *железо* и *сталь* (сталь — сплав на основе железа). Мифологические персонажи, связанные с металлами (*железом*) через кузнечное дело, — не только кузнецы-гномы, но и божества (Гефест, Вулкан, Вёлунд), Вайланд, изготовивший неуязвимую броню и кольца для богов (Топоров). В русском фольклоре *сталь* называлась *булатом*. По данным словаря Ожегова: «**Булат** — 1. Старинная узорчатая твердая сталь для клинков. 2. Стальной клинок, меч (стар.)».

В заговорах часто встречаются лексемы, вербализующие концепт «железо» с различными концептуальными признаками (КП). В качестве ключевых слов выступают *железо, железный* и производные слова с корнем *желез-*, а также *булатный*. В результате анализа выделились следующие КП: **Крепкий, такой, что трудно сломать:** ...на дубу ствол и сто веток *стоят как железо, как камень, так пусть и у раба Божьего... все жилы... стоят, как камень...*; ...В океане-море... под серым камнем бела рыба щука, зубы костяны, *щеки железны. Она переедает и перегрызает все уроки и прикосы; ...Родимну грыжу не ты, грыжа, грызи, а я [мать] грыжу грызу медными щекнами, железными зубами.*

В задачку дклада входит также выделение мифологических мотивов в анализируемом материале. В предыдущих фрагментах представлен мотив *чудесной щуки* в заговорах от грыжи. Наиболее распространенный способ лечения этой болезни — «загрызание» грыжи зубами. Иногда просто «пригрызают», закусывают больное место, поясяя действие, приговаривают: «Не ты меня загрызаешь, а я тебя грызу...» (Познанский).

Достаточное количество фрагментов связано также с номинацией *булатный*, в значении которой также имеется КП **Крепкий, такой, что трудно сломать:** ...В чистом поле *естя булатный белый камень, на том камне — вся небесная сила...*; Этот приговор — *крепок и лепок, крепче булатного (булатного?) камня.*

Сильный физически: ...*стоит дерево, на том дереве сидят птицы, железные носы, булатные когти. Я этим*

птицам помолюсь, поклонюсь и скажу: — Птицы, железные носы, выймете у меня, Рабы Божьей, тоску и сухоту... В таких заговорах присутствует мотив «выклеивания болезни» (Познанский).

Материал для защиты: *Иду я, раба Божия, из бани в восточную сторону. Тут — огненная река, железный тын. Божия мати Мария со мной, заперла в этот тын, Иисусу Христу ключи отдала — от болей, от скорбей, от лихих людей...* Некоторые мифологи считали, что *железный тын* в заговорах знаменует собою небо, которое по представлениям язычников имело вид крышки, покрывающей землю, крышка эта железная и опускается в море-океан, окружающий землю (огненная река). Н. Познанский не согласен с такой трактовкой мотива, утверждая, что «нелъпо было бы просить знахарю обнести его небомъ 'отъ земли до неба', когда онъ и безъ того подъ небомъ». В данном мотиве учитывается сакральный статус железа — способность отпугивать нечистую силу. *Вкруг нашего двора — камня гора, железны ворота... святым духом заперты; Крыша — железна, дом — деревянный, порог переступаю, железницу вынимаю, а щекотуху унимаю...* Железо здесь рассматривается как предохранительное средство против влияния злых духов и чародеев: в дверь втыкают острый инструмент из железа, чтобы колдун не мог войти; кладут на порог веник и железный топор, проводят через них скотину, чтобы ее не коснулись никакие чары; чтобы ребенка не испортили, кладут ему в колыбель ключ и железный нож и т. д. (Познанский).

Вылечивает болезни: *Железо — на дороге, железо — на пороге, железо — на семи верстах, железо — на озере. Снизу не боли, сверху заживи, вперед не ходи — с раба Божьего (имя); ...на этом Латырь-камне сидит Бобыриха, держит... железну каленую скоророду, та железна скоророда жар не дает, тело не жжет...* — это фрагмент заговора, который использовали при ожогах и от жара.

Останавливает кровотечение: *Стану я на камень — кровь не канет. Встану я на железо — кровь не полезет; От камня нет пламени, от железа крови нет, от грубости (?) плоду нет...; Тело — к телу, железно — к железу. Разойдись, кровь, по белу телу...* Подобные заговоры от крови — одни из самых распространенных в Европе. Так же построен и известный Второй Мерзебургский заговор, в котором есть формула «тело с телом, кость с костью, жила с жилую» (*Bein zu Bein, Blut zu Blut, Glied zu Gliedern, als ob geleimt sie seien!* — «Кость с костью, кровь с кровью, / сустав с суставом, да будет спяно»). Этот мотив заговора извлечен из памятника X века. Данная русская архаичная ритуально-магическая формула восходит к индоевропейскому «поэтическому» языку. Формула входит в разнообразные заговоры, но отличается редкой устойчивостью и иногда подвергается изменению за счет изменения числа членов формулы. Н. Познанский объясняет, что в Германии знахарка лечит перелом ноги, связывая вместе две ножки скамейки, во Франции знахарь, когда лечит от вывиха, прикладывает свою голую ногу к ноге больного. В этих действиях заключается лечение, которое объясняется приемом симпатической магии.

Материал для оружия: ...*распинали истинна святого Христа на древе, на кресте, на кипарисном образе железными гроблями, железными гвоздями; ...Если, змей, не выйдешь... то тебе — с огнем, железным копьем...*

Проведенный анализ показал, что металлы *железо* и *булат* были у русского народа средством, которое всегда могло помочь, особенно при болезнях (в т. ч. детских). В народе жива мечта о железном (стальном) здоровье. Особая роль железа отмечена при заговоре от кровотечений. Железо в качестве вещества отличается твердостью, поэтому часто с

ним сравнивают произнесенные слова, чтобы придать им силу. Очень часто железо служит защитой от нечистых духов, колдунов, диких животных. Кроме того, индоевропей-

ские контексты с некоторыми заговорными формулами обнаруживают тесную связь с восточнославянскими (на семантико-синтаксическом уровне).

Вербализация концепта ДЕНЬГИ в русском языке в Казахстане

А. Т. Шетиева

Казахский национальный университет им. аль-Фараби (Алматы, Казахстан)
assel_shetieva@mail.ru

Концепт, вербализация концепта, слово-репрезентант

Summary. This paper analyzes the linguacultural concept of MONEY. The word which was represented concept is Turkic borrowing. However, the word *money*, in historical development has been fully mastered the Russian language and culture and has acquired new meanings.

1. В связи с обращением к антропоцентрической парадигме в лингвистике человек становится центральным объектом исследования, уделяется большое внимание его месту в культуре. Информация об окружающем мире приходит к человеку через язык «потому человек живет в мире концептов, созданных им же для интеллектуальных, духовных, социальных потребностей».

2. Исследование посвящается анализу концепта ДЕНЬГИ в современном русском языке Казахстана. Материалом исследования послужили русскоязычные газеты Казахстана: «Казахстанская правда», «Аргументы и факты. Казахстан», «Известия. Казахстан», «Комсомольская правда. Казахстан», «Независимая газета», «Время», «Караван», «Утро», «Газета.kz» и др.

3. Ключевым словом-репрезентантом данного концепта является слово *деньги*, которое встречается в современном русском языке в нескольких орфографических вариантах: *тенгга, танга, теньга, тенга* [1: 18]. Существует большое количество гипотез относительно его заимствования. Одни ученые возводят его к тюркскому *деньга* (М. Фасмер), по мнению других ученых (К. М. Френ, Фр. Миклошич), данное слово восходит к тюркскому *tamga* — «метка, штемпель» [3: 56]. В. В. Радлов происхождения слова ведет от тюркского *тен'ерек* — «круг, колесо» [2: 59]. По версии И. Г. Добродомова, оно образовалась от тюркского названия белки *тейин, тейин, тин, тин, тийин, тийин, тыйын* (вероятно, в качестве денег выступали шкурки пушных зверей).

4. Заимствованное слово *деньги* (*денги / дѣнги / тенка*) было освоено настолько, что перестало восприниматься как иноязычное, поскольку было непосредственно связано с жизнью человека, практически стало значимым для культуры. Понятие стало собственно русским, используемым в языке при купле-продаже, как средство платежей и предмет накопления.

5. О вхождении этого слова в русский язык свидетельствуют многие факты. Наличие таких синонимов, как *средства, капитал, доход*, которые выявляют специфические для концепта семы на страницах газет. **Средства:** ...*Мы не раз... помогали найти средства для больных ребятишек.* (Время. У кого что болит: Ради жизни — напролом, 08.08.09); ...*то эти деньги рассматриваются не как заработок, а как средства на поддержание здоровья человека...* (Караван, Гражданский долг, 11.09.09); **капитал:** ...*Деньги в Люксембурге водились всегда, так как низкие налоги привлекали сюда иностранные капиталы...* (Известия. Казахстан, Эксклюзив, 11.09.09); **доход:** ...*Одна за другой хлопают компании, еще недавно выпускавшие на рынок ценных бумаг свои облигации, по которым инвесторы получали неплохие доходы...* (Утро, Пройдемте в закрома, 13.08.09). Следует отметить, что вышеуказанные используемые синонимы появились позднее, современное новое значение. Ранее же мы встречаем такие синонимы как *деньжата, деньжонки, копейка, монета, гроши*.

6. Существуют устойчивые выражения, объективирующие концепт ДЕНЬГИ: *деньги тяжело заработать: ...Наши дети, в том числе и учащиеся младших классов, должны знать, что деньги с неба не падают, а зарабатываются...* (Экспресс К, Как и чему будем учиться? 11.09.09); *за деньги человек может позволить себе многое: все через деньги, Утром деньги — вечером паспорт, Купить за любые деньги; деньги тратятся впустую: ...Он лениво прожигает жизнь в соответствующих его статусу традициях: красивая подруга, «деньги на ветер», пьянство и сумасшедшие выходные...* (Газета.kz, Удиви меня, 05.06.09); *кража / исчез-*

новение денег: ...*Возмущенные родители уверены: деньги осели в кармане директора школы...* (Газета.kz, Скандал в школе, 20.05.09); ...*В одной из общеобразовательных школ на приобретение одежды и обуви для сирот было выделено 200 тысяч тенге, но деньги остались лежать мертвым грузом...* (Аргументы и факты. Казахстан, Дети — наше все? 04.06.09); **чужие деньги нельзя считать:** ...*Не нужно считать деньги в чужом кармане...* (Караван, Взяло за живое, 12.06.09). Если выражения *деньги с неба не падают* и *деньги на ветер* были известны ранее, являлись народной мудростью передаваемой из поколения в поколение, то намного позднее появилось свойство денег *оседать в кармане* — это современная коннотация.

7. Лексическая сочетаемость слова *деньги* позволит определить своеобразные эталоны. В статьях газет *деньги* сочетаются с глаголами: **деньги отдаются от себя** — *тратить деньги, платить деньги, купить на деньги, расходовать деньги, использовать деньги, вкладывать деньги, потерять деньги, давать деньги, инвестировать деньги, вынести деньги, переходят деньги; деньги получают — *взять деньги, получить деньги, имеются деньги, зарабатывать деньги, выбить деньги, поступают деньги, оставлять деньги, присвоить деньги, собирать, забирать деньги, раздобыть деньги, занимать деньги, сбежать вместе с деньгами, скачивать деньги, находить деньги, рубить деньги;* с прилагательными, указывающими на принадлежность, относительность, направленность на определенную деятельность, количество, качество — *государственные, бюджетные, республиканские, спонсорские, полученные, вырученные, необходимые, остальные, немалые, приличные, солидные, колоссальные, последние, старые, шальные, поддельные, фальшивые, смешные, целевые, живые*. Эти эталоны менялись на протяжении длительного времени, приобретая новые (спонсорские, солидные, смешные, целевые, живые), утрачивая старые коннотации.*

8. На страницах газет четко проявляется категория «свои / чужие» (деньги). К своим деньгам отношение бережное, это честно заработанные, крепкие, законные: ...*вкладывать свои деньги в этот проект оказалось невыгодно...* (Газета.kz, Они крышуют церкви, 04.09.09); ...*Но разве это справедливо, что, мы за свои же деньги должны исправлять последствия строительства ...* (Известия. Казахстан, Рассказали о жите-бьете, 25.07.09); ...*Лучший футболист 2002 года Евгений Ловчев не может выбить свои законные деньги из карагандинского «Шахтера»* (Независимая газета, Казахстанскому футболу нужен профсоюз? 25.05.09). В значении «чужие» акцент делается на том, что их легко можно использовать, нет необходимости беречь как свои: ...*Как известно, нет ничего приятнее, чем заглянуть в чужой карман и пересчитать чужие деньги...* (Мегаполис, Плата за материнство, 16.07.09).

Таким образом, слово *деньги*, являющееся именем концепта, вошло полностью в русский язык и культуру, примерами его освоения служит репрезентация концепта в языке. На протяжении исторического развития концепт приобрел новые коннотации, утрачивал старые, тем самым прошел путь изменения.

Литература

1. Добродомов И. Г. Этимологическая страничка. Шлык, жилет // Русский язык в школе. 1968. № 3.
2. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1986.
3. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий: В 4 т. СПб., 1893–1911.

Изменения в русском языке нашего времени: мифы и реальность

А. Д. Шмелёв

Московский педагогический государственный университет; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

Shmelev.alexey@gmail.com

Эволюция языка, русский язык, языковая картина мира, культура речи

Summary. The paper discusses criteria for the distinction between real and imaginary linguistic changes and claims that changes are imaginary in many cases. More often than not, we deal with a change of the sociolinguistic situation rather than genuine linguistic shifts. On the other hand, the past 20 years have witnessed some real changes in the language. The most significant and characteristic linguistic shifts have to do with changes in the worldview and the system of cultural scripts.

1. Критерии языковых изменений

Показателем того, что в самом деле имело место языковое изменение, может служить необходимость модифицировать имеющееся лингвистическое описание в целях отражения этого изменения, идет ли речь об изменении произносительных норм, словообразовательных моделей, семантики, сочетаемости или грамматических свойств или стилистической окраски каких-либо лексических единиц. О снижении или падении речевой культуры некоторого языкового сообщества можно говорить в тех случаях, когда это сообщество демонстрирует явно худшее владение нормами литературного языка, нежели это было в предшествующий период.

2. Мнимые изменения

Разумеется, речевая практика непрерывно изменяется, и в тех случаях, когда соответствующие изменения конвенционализуются, можно говорить об изменении языка. Однако во многих случаях за изменения языковых норм принимают социальные изменения и связанное с ними изменение языковой ситуации, т. е. все замечают, что политический дискурс в наши дни характеризуется весьма неформальной и сниженной речью, подчас доходящей до прямой грубости. Однако мы не можем в связи с этим говорить о языковых изменениях, поскольку стилистическая характеристика и восприятие подобных выражений не изменились: они по-прежнему рассматриваются как сниженные, грубо-просторечные. Изменения речевого этикета также по большей час-

ти оказываются мнимыми или же имели место в существенно более ранний период.

3. Изменения русской языковой картины мира и культура речи

Однако можно обнаружить подлинные языковые изменения последних двух десятилетий. По большей части эти изменения носят системный характер и могут быть связаны со сдвигами в русской языковой картине мира. При этом изменения языковой картины мира, происходящие параллельно с изменениями типов речевой культуры, системы речевых жанров и манеры общения современных носителей русского языка, нередко ощущаются как «порча языка» и разрушение норм культуры речи. В связи с этим возникает необходимость модификации самой концепции культуры речи: она должна стать динамичной и включить в себя представления о закономерностях изменения языковой концептуализации мира и взаимосвязи между социальными, культурными и языковыми процессами.

Литература

1. Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелёв А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005.
2. Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелёв А. Д. Эволюция ключевых концептов русского языка в XX веке: аспекты изучения // Вестник РГНФ. 2006. 50 (1). С. 120–127.
3. Gladkova A. Russian emotions, attitudes and values: Selected topics in cultural semantics. PhD thesis. Canberra, 2007.
4. Ryazanova-Clarke L., Wade T. The Russian language today. London; New York, 1999.

Концепт ОГОНЬ в русских пословицах и поговорках

А. В. Яценко

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

ttony@rambler.ru

Концепт, огонь, русский язык, когнитивная метафора, паремиология

Summary. The research is devoted to study of specificity language presentation and structure of concept FIRE in modern Russian. It is executed in a channel of conceptual researches devoted to a parity of language, consciousness and culture.

Традиционно пословицы и поговорки изучались в фольклористике как жанровые тексты, однако в настоящее время паремиологический фонд русского языка является предметом исследования в лингвокультурологии, поскольку большинство исследователей видят различие между поговоркой и пословицей в том, что пословица выступает в речи как самостоятельное суждение, а поговорка получает окончательное оформление и конкретный смысл в контексте высказывания, т. е. является всегда только частью суждения (тем не менее, ряд исследователей не различает поговорки и пословицы).

«Поговорка — устойчивое в речевом обиходе изречение, образно определяющее какое-либо жизненное явление прежде всего с точки зрения его качественной оценки» [5: 347]. Большинство исследователей видит различие между поговоркой и пословицей в том, что пословица выступает в речи как самостоятельное суждение, а поговорка получает окончательное оформление и конкретный смысл в контексте высказывания, т. е. является всегда только частью суждения (тем не менее, ряд исследователей не различает поговорки и пословицы).

Если учесть, что пословицы и поговорки относят к «проблемным» языковым единицам, которые с разных позиций исследуются в фольклористике, лингвистике, логике и семиотике, то можно предположить, что именно концептуальный анализ позволяет увидеть их особенности как форм представления культурно-значимых знаний и одновременно как языковых образований. Таким образом, предметом нашего исследования в данном случае являются пословицы и поговорки, относящиеся к концепту ОГОНЬ, т. е. включаю-

щие в свой состав единицы, принадлежащие полю названного концепта. Отметим, что пословицы и поговорки отбирались методом сплошной выборки из «Словаря русских пословиц и поговорок» В. П. Жукова [1].

Так, первую группу (как и в случае с фразеологизмами) составляют единицы, в которых при помощи метафоры огня концептуализируется эмоциональное состояние человека, например, *и сырые дрова загораются* — даже спокойного человека можно вывести из терпения.

«Образ» огня в сознании носителей русского языка тесно связан с таким свойством как «интенсивность, стремительность». Нами выделена группа единиц, так или иначе связанных с понятием интенсивности, т. е. содержащих компоненты значения, которые можно обозначить лексемами *интенсивно, стремительно, сильно, очень, быстро, решительно* и т. д., например, *куй железо, пока горячо* — торопись делать что-либо, пока есть возможности, благоприятные условия и т. п.; пользуйся моментом.

Особую группу составляют паремиологические единицы, в основе которых лежит архетип «огонь есть трудность, опасность, разрушительная сила», например, *чужими руками жар загребать легко* — недобросовестно пользоваться результатами чужого труда легко (*жар* здесь — «горячие угли без пламени»; на основе этой пословицы возник фразеологизм *чужими руками жар загребать*).

Нами особо отмечены такие паремиологические единицы, в которых какая-либо жизненная ситуация уподобляется

процессу горения (соответственно, ее последствия соотносятся с результатами горения): *дыма без огня не бывает (нет дыму без огня)* — у всего есть своя причина; чаще говорится при распространении слухов, толков и т. п.; *искру туши до пожара, беду (напасть) отводи до удара* — предотвращать какое-либо негативное явление необходимо до того, как оно приобрело характер необратимости.

Таким образом, концепт ОГОНЬ находит свое отражение в т. ч. и в паремиологии современного русского языка. В каком же «образе» предстает огонь? Анализ языкового материала подтвердил гипотезу о том, что представление об огне в паремиологической системе согласуется с древним, мифологическим восприятием огня. В метафоре огня концептуализируются различные эмоциональные состояния человека, при этом практически все они характеризуются таким признаком как «высокая степень проявления».

На основе анализа паремиологических единиц можно говорить о том, что в структуре концепта ОГОНЬ выделяются

такие архетипы как «стремительность, интенсивность», а также «опасность, разрушительная сила». Кроме того, многие жизненные явления, нашедшие свое отражение в паремиологическом фонде современного русского языка, концептуализируются как процесс горения (соответственно, «результаты» этого явления соотносятся с результатами горения).

Литература

1. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. 5-е изд. М., 1993.
2. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М., 2004.
3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990. С. 387–416.
4. Чернейко Л. О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997.
5. Русский язык: Энциклопедия / Под ред. Ю. Н. Караулова. 2-е изд. М., 1997.